

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ВАВИЛОН»

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ, ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных трудов по филологии № 9

20 ФЕВРАЛЯ 2017 г

г. Астрахань

Издательский дом «Астраханский университет»
2017

УДК 80
ББК 81.00
О766

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты: М.А. Симоненко канд. фил. наук, доцент АГАСУ,
О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент ВАГС

Редакционная коллегия:
Г.В. Файзиева (гл. редактор), О.Б. Багринцева (зам. гл. редактора),
Л.Д. Кривых, Н.И. Кривых, Н.М. Колоколова.

О 766 Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации [Текст]: сборник научных трудов по филологии № 9. 20 февраля 2017г., г. Астрахань /сост. К.А. Серова – Астрахань: Издательский дом: «Астраханский университет», 2017. – 130 с.

ISSN 2075-1699

В сборник вошли материалы межвузовских трудов по филологии, посвященных изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Серова К.А. составление, 2017.
© Издательский дом «Астраханский университет», 2017.
© Коллектив авторов.

Содержание

<i>Акилова М.Ф., Шайхисламова З.Ф.</i>	6
ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В КОГНИТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
<i>Anikeeva E.A., Bagrintseva O.B., Dakhina T.V.</i>	11
THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE NATIVE SPEAKERS CONSCIOUSNESS (SPONTANEOUS DISCOURSE ANALYSIS)	
<i>Гріччина А. В.</i>	16
ФАКТОРИ, ЯКІ ВПЛИВАЮТЬ НА ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ	
<i>Дмитриева Ю.В.</i>	19
ЯЗЫК ТЕЛА И ЕГО СЛОВЕСНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	
<i>Долгополов А. В.</i>	29
ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЭТИКИ БАЛЬМОНТА	
<i>Долгополов А.В.</i>	33
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА	
<i>Долгополов А.В.</i>	36
ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЛОЛОГОВ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	
<i>Долгополов А.В.</i>	41
ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ СЦЕНАРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИМИТИРУЕМЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ДИСКУССИОННОГО ПОЛИЛОГА И ДИАЛОГА В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	
<i>Жукова Ю.В.</i>	46
АДРЕСАЦИЯ ПОЯСНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Kolokolova N.M., Generalova E.V.</i>	49
THEORETISCHE UNTERSUCHUNGEN DES BEGRIFFS "GENDER" IN DER SPRACHWISSENSCHAFT METHODIK DER GENDERFORSCHUNGEN	
<i>Kolokolova N.M., Panov D.G.</i>	56
GOTHIC AS A LITERARY TERM	
<i>Кривых Л.Д.</i>	59
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА	
<i>Локтионова А. А.</i>	62
РЕБЕНОК – КНИГА, НАУЧИСЬ ЕЁ ЧИТАТЬ!	

<i>Мустафина Р.Ф.</i>	65
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ИНФОРМИРОВАНИЯ	
<i>Муханалиева А.А., Насиханова А.З.</i>	70
ПРИМЕНЕНИЕ «КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ» В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	
<i>Novikova Ye.</i>	72
NON-INTERFIX SUFFIXAL COMPOUND UNITS IN MODERN UKRAINIAN	
<i>Руденко Н. В.</i>	78
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВУЗЕ	
<i>Самарина В. В.</i>	80
ТИПЫ ВЫДВИЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ	
<i>Сапожникова А.А.</i>	84
К ВОПРОСУ О «РЕЧЕВОЙ МАСКЕ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	
<i>Супряга С. В.</i>	89
ЗАЙМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТ «ОРУЖИЕ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ XVII–XIX ВВ.	
<i>Fandieieva A. Ye.</i>	99
AN ELECTRONIC TEXTBOOK AS AN ELEMENT OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT	
<i>Финикова Ю.Б.</i>	102
КОНЦЕПТ «КУЛИНАРНАЯ ЛЕКСИКА» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	
<i>Хомутская Н.И.</i>	106
НЕМЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЕДА» В РАМКАХ ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Chevychelova Ye. A.</i>	110
STUDYING CONVERSION AS A PRODUCTIVE TYPE OF WORD-FORMATION AT ENGLISH LESSONS	
<i>Черняева А.В.</i>	114
СУБФРЕЙМ «ИЗМЕНЕНИЕ С ЦЕЛЬЮ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ/УЛУЧШЕНИЯ»	
<i>Чурсина О.В.</i>	117
АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «МОДА» В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ)	
<i>Шайхисламова З.Ф.</i>	122
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ	

Шадманов К.Б. 126
**АСПЕКТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ДУХОВНОСТИ
МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА IX-XIII ВЕКОВ И РЕНЕССАНСНЫЙ ЗАПАД**

**ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ И БАШКИРСКОГО
ЯЗЫКА В КОГНИТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Акилова М.Ф., Шайхисламова З.Ф.

akilova_m@mail.ru

Башкирский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы лексических взаимосвязей башкирского языка и языка орхоно-енисейской письменности в когнитологическом аспекте. Анализируется влияние языка памятников орхоно-енисейской письменности на формирование башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, памятники орхоно-енисейской письменности, когнитология, взаимосвязь, лексика, влияние

**LANGUAGE LEARNING MONUMENTS OF ANCIENT WRITTEN
MONUMENTS AND BASHKIR LANGUAGES
IN KOGNITOLOGY ASPECT**

Akilov M.F., Shayhislamova Z.F.,

akilova_m@mail.ru

Bashkir State University

The article examines the relationship of the Bashkir language and the language of Orkhon-Yenisey monuments in a cognitive aspect. The influence of language monuments of Orkhon-Yenisey writing on the formation of the Bashkir language.

Keywords: Bashkir language, Orkhon-Yenisey monuments of written language, cognitive science, relationship, vocabulary, influence.

Исследование памятников древнетюркской письменности, посвященных Культегину, Бильге кагану, Тоньюкуку анализируется с когнитологической точки зрения. Эти памятники являются источником интереснейшего и богатейшего материала как для историков, так и для лингвистов. В орхоно-енисейских записях достаточно подробно описываются исторические события того периода. Записи, посвященные Культегину, Бильге кагану, нанесены на камни их родственником, Юлуг-тегином. В них отражается письменный язык тех времен. В записях, посвященных Тоньюкуку, большое место занимает разговорный язык людей высшего общества. Памятники с орхоно-енисейскими записями, найденные в Северной Монголии, дополняя друг друга, в полной мере отражают период жизни тюркских каганатов, их связи с другими государствами и народами, деятельность их видных личностей. Поэтому мы вправе назвать их историко-биографическими произведениями. Полная сохранность этих текстов, их графики делают памятники особенно ценными для научного мира. Ученые уделили внимание специальному исследованию отношений между языком древнетюркских памятников и современными тюркскими языками. Изучена историческая фонетика, морфология, лексика текстов орхоно-енисейских памятников. Проведен сравнительный анализ лексических, фонетических, грамматических, семантических особенностей памятников древнетюркской письменности и современных тюркских языков. Проблема исторической связи орхоно-енисейской письменности с башкирским языком затрагивается в трудах башкирских ученых А.М. Азнабаева, М.А. Ахметова, А.Г. Биешева, И.Г. Галяутдинова, Э.Ф. Ишбердина, Дж.Г. Киекбаева, В.Ш. Псянчина, З.Г. Ураксина, З.А. Хабибуллиной, Р.Х. Халиковой,

Ф.Г. Хисамитдиновой и др. Результаты исследований этих авторов раскрывают влияние древних письменных наследий на формирование башкирского языка. Однако научные труды, в которых исследуется историческая взаимосвязь древних письменных наследий с лексикой башкирского языка, а также когнитологические аспекты лексических взаимосвязей башкирского языка и языка памятников орхон-енисейской письменности практически отсутствуют. Современные формы лексики в литературных языках не появились в одно мгновение. Процесс формирования этих явлений был длительным и сложным. Изучение истории каждого языка – это не только история этимологий, это еще и участие ее в истории языка и общества.

На современном этапе своего развития лингвистическая наука приобрела отчетливую тенденцию к изучению познавательных процессов, вербализующихся в языке, к изучению ментальных структур, стоящих за языковыми структурами на фоне общих системных установок науки на антропоцентризм, экспланаторность [4, с. 144–238]. Многообразие исследований когнитивных свойств языка на сегодняшний день привело к формированию аксиом, на основе которых когнитивная наука прочно укоренилась и переродилась в целое направление. Исследователи уделяют внимание специальному анализу выбора способов номинации объектов окружающей действительности, оказывающие когнитивные процессы в различных областях деятельности человека. Центральным и исходным понятием когнитивной науки выступает лексема, которые представляют «единицы осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [2, с. 25–77]. В зависимости от речевой ситуации лексема может перестраиваться во вторичную единицу, на основе уже существующих характеристик посредством когнитивного механизма. Лингвокогнитивный подход имеет множество направлений в зависимости от цели, специфики, своеобразия исследования. В отечественной филологии позиции этнолингвистики являются достаточно прочными. В рамках этнолингвистических исследований, учитывая важное свойство языка, которое заключается в том, что он кодирует образное мировосприятие, облакая его в словесную форму актуальным становится изучение их в когнитологическом аспекте. Лексическая система любого языка имеет формально-логическую упорядоченность картины мира. В этом смысле идеографическая характеристика лексики в рамках четырех когнитивных сфер (I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори)) является основополагающим в трудах известных ученых, как Г.Д. Гачев, В.В. Морковкин, Ю.Н. Караулов, А.Т. Кайдаров, Ж.А. Манкеева, О.А. Корнилов, Е.И. Зеленев, А.Г. Шайхулов, Ф.Г. Хисамитдинова, Л.Х. Самситоваи др. С когнитологической точки зрения язык народа рассматривается как «одежда» его мыслей, чувств, ощущений, причем наиболее удобная «одежда», выгодно отличающаяся своей выразительностью, например, от языка жестов, или рисунков, схем. При этом языковая картина мира опирается на когнитивные представления народа, другими словами – на знание по возможности всей массы реалий жизни народа в контексте культурно-информационной среды. Оригинальный характер когнитивной базы этноса составляет не только словарный состав языка, но и юмор, игра слов, намеки, каламбуры, шутки, за которыми стоит вера в силу и мудрость родного языка, его способность доносить до сознания «высокий смысл вечных истин» [3, с. 55]. В наибольшей степени феноменальный склад национального склада мышления отражается в национальной лексике.

У каждого народа имеется своеобразный мир, в котором определяются духовные и нравственные приоритеты, где формируется самосознание человека. В данном случае идеографическая классификация представляется как «каркас познавательного процесса» [10, с.1480], которая позволяет раскрыть генетическую связь между языками. При изучении языка любого этноса можно проследить, что в нем отражаются его образ жизни, взгляды на мир, мироощущения, переживания, уровень мышления, мировидения говорящего на нем народа. Изучение проблем происхождения языка, сферы его использования, связи ее с остальными языками и их диалектами раскрывает также историю народа, как его прошлое и настоящее, так и этнолингвокультурологические контакты, и тем самым показывает, что развитие языка есть длительный и сложный процесс.

Лексика орхоно-енисейских памятников, обозначающих материальную и социальную, духовную жизнь человека. Например, в памятниках слово **täŋri** – **күк** обозначало «небо»: 1. *Üza täŋri basmasar, asra tälınmäsär türk bodun ilin törünin qamart arı?* (КТБ. 22). – Күктән тәңре баcмаһа, аcта ер купмаһа, төрки халык, һеззән ерегеҙе һәм хокуғығыҙҙы кем тартып алып ине?. – «Тюркский народ, если бы сверху не падали небеса, снизу не разверзлась земля, кто бы смог отобрать твою землю и права?»; 2. *Täŋridäki künkä jerdäki älimkä bökmädım* (E. 73). – Күктәге қояшқа, илемә туйманым. – «Я не мог насытиться солнцем на небе, союзом моего племени на земле»; 3. *Eg buşuşluğ täŋri bulutluğ boltı* (ThsII 79). – Ирзәрқайғылы, тәңре болоттар қапы ине. – «Мужчины были в горе, небеса – затянуты облаками». Со временем семантика этого слова расширилась и оно стало обозначать верховное божество – Тенгри – Тәңге (Бог): *Täŋri täg täŋridä bulmuş türk bilga qağan bu ödkä olurtum* (КТм. 1). – Күктә тыуған Тәңре кеүек, ақыллы Билгәтөркі қаған булып, вақытлы тәхеткә ултырзым. – «Как божество, рожденное на небесах, будучи мудрым тюрком Билге каганом, я вовремя взшел на престол». **Täŋri** имеет также значение «возвышенный», удивительный, прекрасный: *Täŋri elimkä älcisi ärtım* (E. 12). – Тәңре илемдең илсеһе инем. – «Я был посланником у божественного моего государства». В башкирском языке тәңре означает «создатель всего живого на земле, Бог, Всевышний [1, с. 421]. В «Мифологическом словаре башкирского языка» тәңре зафиксирован в значении «Бог, Всевышний, божество». [9, с. 452]. В памятниках древнетюркской письменности зафиксированы *aj teŋri* – ай тәңре – «бог луны», *jašin teŋri* – йәшен тәңре «бог грозы», *jel teŋri* – ел тәңре «бог ветра», *kün teŋri* – көн тәңре «бог дня», *qunuĵ teŋri* – кунчуй (принцесса) тәңре – «бог принцесс», *qut teŋri* – қот тәңре – «бог удачи». Башкиры верили в силу Тәңре: Тәңре көзрәте – Сила, мощь Тенгри. Тәңре кунағы – Нежданный гость, в мифологии – человек, направленный Тәңре, или Он сам, принявший облик человека; досл. гость Тенгри. Доброжелательное отношение, гостеприимство башкир корнями уходит глубоко до периода Тангрианства. Тәңре хақы – Доля, право Тенгри. Күрше хақы – Тәңре хақы – Право соседа – право Тенгри. Значение антропонимов Тәңребирзә «данный Тенгри», Тәңреғол «раб божий» связаны верой в силу Тәңре, преклонением Тәңре. О древнебашкирской мифологии свидетельствует арабский миссионер Ахмед Ибн Фадлан. Он сообщает о существовании у башкир двенадцати божеств, культов неживой и живой природы: «Мы видели, как одна группа поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, еще одна группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они (башкиры) когда-то вели войну с какими-то людьми из числа их врагов, причем враги обратили их в бегство, и что журавли закричали позади их врагов так, что они испугались и сами обратились в бегство... Поэтому башкиры стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти журавли – наш господь, так как они обратили в бегство наших врагов». Древние пласты башкирской мифологии представлены в эпических памятниках «Урал-батыр»,

«Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу» и др. (мифы о возникновении земли и небесных светил, происхождении людей и миропорядка, о верховных божествах Тенгри, Хумай, Ер-хыу и др.). Ислам вытеснил из башкирской культуры многие древние верования и мифологические сюжеты, сейчас их можно лишь отчасти реконструировать по особенностям ритуалов, обрядов, сказочным образам и сюжетам, декоративному орнаменту [6, с.394]. В генетической иерархии на одну ступень ниже Тенгри и Умай находится божество Йер-су, видимо, отпрыск Неба и Земли. Ахмед Ибн Фадлан в «Запискахо путешествии по Волге» отмечает: «И я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад-пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость или случится с ним какое-либо дело, неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-турецки (значит) «богом одним», так как «бир» по-турецки – «один», а «тенгри» – бог (Аллах) на языке турок». В башкирском *бир Тенгри – Тәңребер* – смысл аналогичен. В монгольском языке *тэнгэр* имеет также схожие значения «бог, небо, гром, погода, гений».

В «Древнетюркском словаре» зафиксировано немало слов, связанных с одеждой, а в орхоно-енисейских памятниках они встречаются редко.

Ton – тун обозначало все виды одежды (одежда (вообще), например, *arig ton* – таза кейем – «чистая одежда», а в современном башкирском языке оно обозначает лишь один вид одежды, только зимнюю верхнюю одежду, «тун» – «шуба». **Kädim** – кейем – «одежда»: *özlüki boz at ärti kädim bänizi...* (E. 1) – Күкхел аты уның кейеме лә, батырлығы ла ине. – «Собственная серая лошадь была, ему одеждой, и его геройством и мужеством». **Jalma** – «плащ, накладка, одежда, калчуга»: *Jaraqinta jalmasinta jüz artuq oq unurti jizär başıña bir (tägürmädi)...* (КТб.33) – Йөззән артык ук аттылар, эммә ғәскәр башының япмаһына бер ук та теймәне. – «Выпустили больше сотни стрел, но ни одна не достигла кольчуги предводителя войска». О семантической структуре данного слова Мудрак О.А. отмечает, что «Этот корень довольно слабо засвидетельствован в тюркских языках, исходное значение его размыто, – значил он или металлическое орудие (оружие), или изделие из металла (боевой панцирный, кольчужный доспех). Первое значение отмечено в османском *jelman (jelmen?)* 'ближайшая к оконечности часть сабли, где оборот ее становится тоньше и где начинается раздвоенный клинок' <...> Второе значение обнаруживается в орхонском памятнике Кюльтегину: *jarıqınta jalmasinta jüz art uq oqunurtı* 'в его панцирь и в его кольчугу попало более сотни стрел', а также в османском *jelme* 'кольчуга с разрезом спереди'. Дальнейшее развитие этого второго значения отмечается у Махмуда Кашгарского, где *jalma* значит 'толстый стеганный халат, накладка'; автор переводит это слово на арабский как 'al-yalmaq и добавляет "персы взяли (его) от тюрок и произносили yalma (с -h), потом арабы взяли его от персов и произносили yalmaq передав h через q / f, точно также как они произносили (персизмы) xandaq из kanda и yaraq из yara... нет никого, кто утверждал бы, что тюрки взяли его от персов. Я сам слышал это (слово) от необразованных тюрок приграничья; они больше чем другие народы нуждаются в плащах (=халатах), потому что в их родной стране больше дождей и снега". Если учесть, что ламинарные и кольчужные доспехи у иранцев и тюрок обкладывались с двух сторон войлоком и тканью, а потом простегивались, то становится совершенно ясной причина вторичного перехода значения на "толстый войлочный (как правило, стеганный) халат» [5].

Лексическая система орхоно-енисейских письменных памятников отражают также понимание мира и связанного с ним типы мышления, в них запечатлены высокий уровень интеллектуальной деятельности древних тюрок. Богатство текстов

памятников орхоно-енисейской письменности гиперболами, метафорами, сравнениями, переносными выражениями являются показателем ассоциативно-образного мышления и владения искусством красноречия, богатством воображения, образности и мышления древних тюрков. Результаты данное исследование способствует в той или иной мере решению проблем, указанных на перспективу «каждый из тюркских языков имеет этнос, государственные или территориальные границы, самосознание, ощущение непрерывности истории, свои традиции в области религии, культуры, быта...Если говорить о близости, то речь может идти не о близости диалектов, а о близости языков. Это – поиск общих корней, символизирующих единый характер тюркского мира. Единые корни кроются в лексической сокровищнице тюрков» [7, с. 9–10].

Как отмечает Э.Р. Тенишев, – в лексической сокровищнице тюрков, в фольклоре, особенно в этнических произведениях, обычаях и поверьях, народных ремеслах и искусстве и т.д.» [8, с. 299]. В этом направлении лексические материалы древнетюркских памятников являются очень важным источником. Мы придерживаемся точки зрения Э.Р. Тенишева о том, что языки части башкирских племен испытали тот сдвиг, что и языки, зафиксированные в древнетюркских памятниках. А это могло произойти лишь в том случае, если эти башкирские племена находились в тех же условиях, что и носители древнетюркских языков, и в территориальном соседстве друг с другом [8, с. 86].

Литература

1. Башкорт теленең һүзлеге. Ике томда. 2 том / Ред. А.Г. Бишев, З.К. Ишмөхәмәтов, З.Ф. Ураксин, У.М. Яруллина. – М.: Русский язык, 1993. – 816 б.
2. Болдырев, Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.
3. Зеленев, Е.И. Постигание Образа мира: Монография [Текст] / Е.И. Зеленев. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
4. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1997. – 326 с.
5. Мудрак, О.А. Пратюркская металлургическая лексика [Электронный ресурс] // Сравнительная грамматика тюркских языков. Лексика <http://altaica.narod.ru/papers.htm>.
6. Руденко, С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки [Текст] / С.И. Руденко. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394с.
7. Тенишев, Э.Р. Некоторые социолингвистические проблемы в тюркском мире [Электронный ресурс] // Газета Татарский мир. – М., 2003. – № 2. – С. 1–13. (Цит. по электронной версии статьи: <http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=255&section=0&heading=0>)
8. Тенишев, Э.Р. Избранные труды. Книга первая [Текст] / Э.Р. Тенишев. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.
9. Хисамитдинова, Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка [Текст] / Ф.Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 452 с.
10. Шайхисламова, З.Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц *tau*, *tauu* в башкирском языке // Вестник Башкирского государственного университета. – Уфа, 2014. – 1480–1488.

References

1. Dictionary Bashkir language. Volume 2. Rev. AG Biishev, ZK Ishmuhamatov, Z.F. Uraksin, UM Yarullina. Moscow: Russian Language, 1993. 816 p.

2. Boldyrev, N.N Language representation of the basic levels of knowledge. Issues of cognitive linguistics. 2009. № 2. Pp. 7-16.
3. Zelenev E.I. Comprehension of the image of the world: The monograph. St. Petersburg, KARO, 2012. 336 p.
4. Kubryakova E.S. Parts of speech with a cognitive point of view. Moscow, Nauka, 1997. 326 p.
5. Mudrak, OA Metallurgical Turkic lexicon. Comparative Grammar of Turkic languages. Vocabulary [<http://altaica.narod.ru/papers.htm>].
6. Rudenko, S.I. Bashkirs. Historical and ethnographic essays. M. L. ,Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 394 p.
7. Tenishev, ER Some sociolinguistic issues in the Turkic world, Newspaper Tatar world. Moscow, 2003. № 2. Pp. 1-13.
8. Tenishev, ER Selected works. Book One. Ufa, Guillem, 2006. 304 p.
9. Hisamitdinova, FG Mythological Dictionary Bashkir language. Moscow, Nauka, 2010. 452 p.
10. Shayhislamova, ZF Some aspects of the ethno-linguistic interpretation of lexical units of tau, Tash in the Bashkir language. Vestnik of the Bashkir State University. Ufa, 2014. Pp.1480-1488.

УДК 80

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА (АНАЛИЗ УСТНОГО СПОНТАННОГО ДИСКУРСА)

Багринцева О.Б., Аникеева Е.А., Дахина Т.В.
Астраханский государственный университет

В данной статье рассматривается образ «матери» составленный по характеристикам, выявленным при анализе устного спонтанного дискурса носителей разноструктурных языков (английского, персидского, русского и французского). Посредством анализа фразеологических единиц были выявлены основные характеристики данного образа.

Ключевые слова: фразеологические единицы, образ матери, психолингвистический эксперимент, внутренняя форма.

THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE NATIVE SPEAKERS CONSCIOUSNESS (SPONTANEOUS DISCOURSE ANALYSIS)

Anikeeva E.A., Bagrintseva O.B., Dakhina T.V.

Astrakhan state University

The paper refers to the image of mother made according to characteristics defined during the analysis of oral everyday discourse of different languages native speakers (English, Persian, Russian, French). While analyzing the phraseological units the main characteristics of this image were found.

Key words: phraseological units, image of a mother, psycholinguistic experiment, internal form.

To analyse the image of the mother in the native speakers consciousness we have carried out an experiment. As an experimental instrument we chose a complex psycholinguistic method, which allowed us to define the personal notions, appeared in the conscious of a person in accordance with his emotional experience and stored in phraseological units [Шаховский 2008: 46], also we defined the characteristics, appropriate to the images in the consciousness of different languages native-speakers. An experiment itself, according to the Scherba's authorized opinion, can penetrate deeply into personal conscious understanding,

help to reconstruct the world picture fragments in compared languages [Щербя 2007:32-37]. Due to this method there is a possibility of taking some reliable information about cognitive processes, processing in the personal consciousness, we can experimentally verify some introspective data on the personal mental structures specificity taking into consideration different sociolinguistic factors [Багринцева 2016: 7].

In the present investigation the images of the mother in the phraseology of compared languages a psycholinguistic experiment can address ourselves to the internal structure of the men and women associative field [Колоколова 2014: 165], to show the peculiarities of the perceiving process of phraseological units with the “mother” component.

Applied method consists of two stages combining some elements of an independent experiment and some elements of a directed experiment [Пителина 2011:56]. This approach allows to define different links of language units in the process of understanding and storing in the linguistic conscious: 1) questioning of the respondents – the English, Persian, Russian and French languages – speakers – on the definition of the meanings of the selected phraseological units with the “mother” component, analysis of the received data, 2) the analysis of the journalistic materials of daily newspapers, the analysis of the English, Persian, Russian and French respondent preferences in the use of phraseological units with the component “mother”.

For defining semantic and stylistic changes happening with phraseological units having in their structure the lexical unit mother, we carried out a psycholinguistic experiment.

Taking into account the fact that the character of associations depends on the level of education, age, geographical living conditions, cultural-historical traditions of the respondents [Беянин, 2004:135], we differentiated them according to the stated positions.

The respondent were asked to define the meaning of 25 phraseological units with the lexical unit “mother” in its structure.

As respondents in the first group we took 126 French language speakers, permanently living at the territory of France (Paris, Grenoble, Lion, Versail). Taking into the account the age of the respondents we divided them into four categories

20-35 years: 35 persons

36-45 years: 37 persons

46-55 years: 40 persons

56-75 years: 14 persons.

The respondents were the representatives of different social groups:

- the staff of the intellectual activity sphere: tutors of different high educational establishments, doctors, programmers, economists, students of high educational establishments – 67%;

- the staff of the practical activity sphere: weaving mill staff – 12%;

- the staff of spiritual-practical sphere of activity: musicians, painters, church workers – 21%.

According to the gender principle the respondents of the 1st group were divided in the following way: 45,3% – women; 54,7% – men.

In the course of the experiment the selected phraseological units with the component “mother” were analyzed by the respondents and they were divided in semantic groups. The results of the psycholinguistic experiment are shown in the table 1.

Table 1

	Mother having children	A women-leader	A female according to its cubs	An abstract notion	Inanimate notion	Appellative	Interjection expression
Men	59	1 (1,5%)	9 (13%)	0	0	0	0

	(85,5%)						
Women	37 (64,9%)	3 (5,3%)	11 (19,3%)	6 (10,5%)	0	0	0

So, according to the opinion of French language speakers the most actual meaning for the phraseological unit with the component “mother” is a woman having children, and this meaning is more actual for men as for women. Further according to the relevance the respondents noted the meaning – a female according to its cubs, which was preferable for the women French language carries, as for the male French language carries. The definition of phraseological unit with the component “mother” as a woman – leader is more acceptable for women as for men. It is interesting to note that the meaning “abstract notion” is not actual for the male French language carries.

To sum everything up, for the French women a mother is a woman having children; a female according to her cubs; an abstract notion; a woman-leader (according to the decreasing of its actuality).

For men – French language speakers a mother is a woman having children; a female according to her cubs; a woman-leader (according to the decreasing of its actuality).

As respondents in the second group we took 200 Russian language speakers, permanently living at the territory of Russia (Astrakhan, Voronezh, Moscow, Kaliningrad). Taking into the account the age of the respondents we divided them into four categories

20-35 years: 70 persons

36-45 years: 59 persons

46-55 years: 48 persons

56-75 years: 23 persons.

The respondents were the representatives of different social groups:

- the staff of the intellectual activity sphere: tutors of different schools, professional and higher educational establishments, doctors, programmers, economists, students of high educational establishments – 41%;

- the staff of the practical activity sphere: gas processing complex staff – 27%;

- the staff of spiritual-practical sphere of activity: musicians, painters, art tutors– 32%.

According to the gender principle the respondents of the 1st group were divided in the following way: 50% – women; 50% – men.

In the course of the experiment the selected phraseological units with the component “mother” were analyzed by the respondents and they were divided in semantic groups. The results of the psycholinguistic experiment are shown in the table 2.

Table 2

	Mother having children	A women-leader	A female according to its cubs	An abstract notion	Inanimate notion	Appellative	Interjection expression
Men	42 (42%)	13 (13%)	7 (7%)	1 (1%)	0	11 (11%)	27 (27%)
Women	45 (45%)	29 (29%)	11 (11%)	4 (4%)	0	3 (3%)	8 (8%)

During the experiment we made a conclusion that the most actual meaning of the phraseological units with the component “mother” for the Russian language speakers is a person of a female sex having children, it is necessary to note that this meaning is more actual for women than for men. The second according to its actuality for the Russian language speakers are the following meanings: for women – a woman-leader, for men – an interjection expression. At the third place there are the following meanings: for women – a female according to its cubs; for men – a woman-leader. Furthermore the following meanings were

defined: for women – an interjection expression; an abstract notion; an appellative. For men the scale of significance was formed according to the following: an appellative, a female according to its cubs; an abstract notion.

To sum everything up, according to the data of our psycholinguistic experiment, the image of a mother reflects the following characteristics: for women – a person of a female sex, having children; a woman-leader; a female according to its cubs; an interjection expression; an abstract notion; an appellative (according to the decreasing of its actuality). For men the image of a mother is composed from the following characteristics: a woman having children; an interjection expression; a woman-leader; an appellative; a female according to its cubs; an abstract notion (according to the decreasing of its actuality).

As respondents in the third group we took 118 English language speakers, permanently living at the territory of Great Britain (London, Lids, Bradford, Nottingham). Taking into the account the age of the respondents we divided them into four categories

20-35 years: 56 persons

36-45 years: 34 persons

46-55 years: 25 persons

56-75 years: 3 persons.

The respondents were the representatives of different social groups:

- the staff of the intellectual activity sphere: tutors of different higher educational establishments, doctors, programmers, economists, students of higher educational establishments – 61%;

- the staff of the practical activity sphere: shipbuilding plant staff – 27%;

- the staff of spiritual-practical sphere of activity: musicians, painters, art tutors– 12%.

According to the gender principle the respondents of the 1st group were divided in the following way: 51,6 % – women; 48,4 % – men.

In the course of the experiment the selected phraseological units with the component “mother” were analyzed by the respondents and they were divided in semantic groups. The results of the psycholinguistic experiment are shown in the table 3.

Table 3

	Mother having children	A women-leader	A female according to its cubs	An abstract notion	Inanimate notion	Appellative	Interjection expression
Men	55 (96,5%)	2 (3,5%)	0	0	0	0	0
Women	59 (96,8%)	1 (1,6%)	0	1 (1,6%)	0	0	0

During the analytical processing of information on investigating of the respondents' preferences we defined that at the first place according to the significance for the English language carries there are the following phraseological units with the component “mother” with the following meaning: mother – a person of the female sex having children. At the second place according to the significance there is a meaning a woman-leader and an abstract notion. For men who are the English language speakers at the second place there is a meaning as a woman-leader.

As respondents in the fourth group we took 145 Persian language speakers, permanently living at the territory of Iran Islamic Republic in Tehran city. Taking into the account the age of the respondents we divided them into four categories

20-35 years: 62 persons

36-45 years: 19 persons

46-55 years: 47 persons

56-75 years: 17 persons.

The respondents were the representatives of different social groups:

- the staff of the intellectual activity sphere: tutors of different higher educational establishments, doctors, programmers, students of higher educational establishments – 46%;
- the staff of the practical activity sphere: workers – 38%;
- the staff of spiritual-practical sphere of activity: museum staff, musicians, painters, art tutors– 16%.

According to the gender principle the respondents of the 1st group were divided in the following way: 32,4 % – women; 67,6 % – men.

In the course of the experiment the selected phraseological units with the component “mother” were analyzed by the respondents and they were divided in semantic groups. The results of the psycholinguistic experiment are shown in the table 4.

Table 4

	Mother having children	A women-leader	A female according to its cubs	An abstract notion	Inanimate notion	Appellative	Interjection expression
Men	86 (87,8%)	0	12 (12,2%)	0	0	0	0
Women	42 (89,4%)	0	5 (10,6%)	0	0	0	0

Experimental data allows us to make the following conclusion that for the Persian language speakers the image of mother according to the phraseological units with the lexical component “mother” represents first of all a person of a female sex having children. This meaning is more actual for the male habitants of the Islamic Republic of Iran. The second actual meaning according to the experimental data is a female according to its cubs, this meaning is more actual for men than for women.

This experiment can be considered only as the first stage of the research of phraseological units with the component “mother”, which allows to show the peculiarities in perceiving of these lexical units by the native language speakers of other European and Asian languages.

Литература

1. Багринцева О.Б. Лексические единицы «Свекр», «Золовка», «Свояченица» в субстандартном слое русского языка (на примере [www. Slovoborg.ru](http://www.Slovoborg.ru)) [Текст]/ О.Б. Багринцева // Язык и межкультурная коммуникация. – Изд-во: Астраханский университет, Астрахань, 2016 – с.5-8.

2. Белянин, В. Психолингвистика: психолингвистическое программирование эмоций [Текст]/ В. Белянин. - Изд-во «Равновесие», 2004.

3. Колоколова Н.М. Экскламаторы в маскулинном политическом промиссиве [Текст]/ Н.М. Колоколова // Актуальные проблемы современной науки: вопросы экономики права и образования. – Изд-во: ИП Сорокин Р.В., Астрахань, 2014 – с.160-166.

4. Пителина М.В. К вопросу о методах изучения национальной специфики реализации категории модальности в рекламных текстах [Текст]/ М.В. Пителина // *Lingua mobilis*. – Изд-во: ООО Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», Челябинск, 2011 – с.55-59.

5. Шаховский, В.И. Стилистика английского языка [Текст]/ В.И. Шаховский. - Изд-во «ЛКИ», 2008.

6. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба. - Изд-во «Аспект Пресс», 2007.

References

1. Bagrinceva O.B. Leksicheskie edinicy «Svekr», «Zolovka», «Svojachennica» v substandartnom sloe russkogo jazyka (na primere www. Slovoborg.ru). Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. – Izd-vo: Astrahanskij universitet, Astrahan', 2016. Pp. 5-8.
2. Beljanin, V. Psiholingvistika: psiholingvisticheskoe programmirovanie jemocij. Izd-vo «Ravnovesie», 2004.
3. Kolokolova N.M. Jeksklamatory v maskulinnom politicheskom promissive. Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: voprosy jekonomiki prava i obrazovanija. Izd-vo: IP Sorokin R.V., Astrahan', 2014. Pp. 160-166.
4. Pitelina M.V. K voprosu o metodah izuchenija nacional'noj specifiki realizacii kategorii modal'nosti v reklamnyh tekstah. Lingua mobilis. Izd-vo: OOO Centr intellektual'nyh uslug «Jenciklopedija», Cheljabinsk, 2011. pp. 55-59.
5. Shahovskij, V.I. Stilistika anglijskogo jazyk. Izd-vo «LKI», 2008.
6. Shherba, L.V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. Izd-vo «Aspekt Press», 2007.

УДК 81'23

ФАКТОРИ, ЯКІ ВПЛИВАЮТЬ НА ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ

Гріччина А. В.

Харківський національний автомобільно-дорожній університет

У статті охарактеризовано поняття мовної особистості. Виділено групи факторів, які впливають на її формування. Представлено класифікацію типів мовної особистості, які відбиваються у мовленнєвій поведінці людини.

Ключові слова: мовна особистість, мовленнєва поведінка, мовна свідомість, психолінгвістика.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Гриччина А. В.

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

В статье охарактеризовано понятие языковой личности. Выделены группы факторов, влияющих на её формирование. Представлена классификация типов языковой личности, которые отображаются в речевом поведении человека.

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, языковое сознание, психолингвистика.

FACTORS INFLUENCING FORMATION OF A LINGUISTIC PERSONA

Hrichchina A. V.

Kharkiv National Automobile and Highway University

This article deals with the characteristic features of the term of the linguistic persona. Groups of factors influencing its formation are described. Types of the linguistic persona which are reflected in linguistic behavior of a person are classified.

Keywords: linguistic persona, linguistic behavior, linguistic consciousness, psycholinguistics.

Однією з характерних тенденцій сучасного етапу розвитку мовознавства є детальна розробка проблем людського фактора у мовленнєвій діяльності. Антропологічний підхід – це комплекс понять, зосереджених навколо мовного суб'єкта, в якому поєднані такі «суб'єктні» елементи, як знання про світ, тип раціональності, система цінностей та, особливо, точка зору суб'єкта й мотивована нею картина світу [1].

Під мовною особистістю розуміють людину як носія мови у її здатності здійснювати діяльність, тобто комплекс психофізіологічних якостей індивіда, який дозволяє продукувати та сприймати висловлювання – це особистість комунікативна [2]. Крім того, мовну особистість можна інтерпретувати як закріплений у лексичній системі базовий національно-культурний прототип носія певної мови, свого роду «семантичний фоторобот», що створюється на основі світоглядних настанов, ціннісних пріоритетів та особливостей поведінки, які відображаються у словнику – це особистість словникова, етносемантична [4].

На формування мовної особистості в цілому впливає ряд факторів, які умовно можна розділити на дві групи:

- 1) індивідуально зумовлені (сім'я, темперамент, смаки, вподобання і т.д.);
- 2) соціально зумовлені (місце народження, набуття мовленнєвих навичок; рівень освіти, мовне середовище і т.д.) [3].

Поняття, яке розглядається, допускає двійну інтерпретацію: статичну і динамічну. В першому випадку ми сприймаємо індивіда в якості особистості, тобто суб'єкта соціальних відносин, який володіє своїм неповторним набором особистісних якостей. В якій мірі ці якості прийнятні у конкретних ситуаціях спілкування? Очевидно, що для відповідних ситуацій важливі лише деякі характеристики особистості, що пов'язані, наприклад, зі здійсненням визначеної соціальної ролі. У другому випадку ми припускаємо, що на відповідному етапі індивід ще не являється особистістю, тобто не володіє соціально обумовленими характеристиками. В психологічному плані така постановка питання є досить оправданою: тут належить прийняти до уваги етапи розвитку психіки дитини, активну роль середовища та вихователів у становленні особистості та, нарешті, патопсихологію людини, тобто рух у сторону руйнування особистості. В лінгвістичному плані динамічне розуміння особистості розробляється перш за все стосовно до вивчення дитячої мови і в лінгводидактиці.

Мовну особистість можна охарактеризувати з позицій мовної свідомості та мовної поведінки, тобто з позицій лінгвістичної концептології та теорії дискурсу. Мовна свідомість стає предметною у мовленнєвій діяльності, тобто у процесах говоріння (письма) і розуміння. Мовленнєва діяльність здійснюється індивідом та обумовлена його соціопсихофізіологічною організацією. Мовленнєва діяльність і мовленнєва організація людини тісно взаємопов'язані, але вони можуть бути протиставлені як явище і сутність, і в цьому сенсі така модель мовних явищ (мовленнєва діяльність – мовленнєва система – мовний матеріал) закономірно уточнюється як чотиричленне утворення. У мовленнєвій організації людини можна виділити п'ять аспектів:

- 1) мовленнєва здібність як органічна можливість навчитися вести мовленнєве спілкування (сюди входять психічні і соматичні особливості людини);
- 2) комунікативна потреба, тобто направленість на комунікативні умови, на учасників спілкування, мовленнєвий колектив, носіїв культури;
- 3) комунікативна компетенція як вироблене вміння здійснювати спілкування в його різних регістрах для оптимального досягнення мети. Компетенцією людина оволодіває, в той час як здібності можна лише розвинути;
- 4) мовленнєва свідомість як активне вербальне «відображення у внутрішньому світі зовнішнього світу»;

5) мовленнєва поведінка як усвідомлена і неусвідомлена система вчинків, що розкриває характер і спосіб життя людини.

Типологія мовних особистостей може будуватись на різноманітних засадах. З позиції етнокультурної лінгвістики можна виділити типи носіїв базової і маргінальної культур для відповідного суспільства. Тут діє опозиція «свій - чужий». В умовах міжкультурного спілкування релевантним виявляється диференціація чужих за ознакою реальності, природності спілкування. Умовно можна виділити наступні типи мовних особистостей: 1) людина, для якої спілкування рідною мовою є природним в його комунікативному середовищі; 2) людина, для якої природним є спілкування іноземною мовою в його комунікативному середовищі, тут ми говоримо про ксенолект, тобто про той різновид мови, яким користуються, наприклад, емігранти, або люди, що довгий час проживають в іноземній країні, або люди, що користуються мовою міжнародного спілкування з ціллю природної комунікації, наприклад, вчені, що виступають, використовуючи англійську мову на конференції в Японії; 3) людина, що говорить іноземною мовою з учбовими цілями, що не відносяться до характеристик природного середовища спілкування. З позицій психолінгвістики, доречно протиставити типи особистостей, що виділяються в психології, і розглянути мовленнєві та мовні способи прояву відповідних особистостей. Детальна класифікація психологічних типів мовної особистості розроблена С.С.Сухих [5]. Автор виділяє експонентний, субстанціональний та інтенціональний рівні виміру мовної особистості. На першому рівні знакова діяльність комуніканта може бути активною, споглядальною, переконливою, такою, що сумнівається, голосливою, на другому рівні – конкретно чи абстрактно вербалізуючою досвід, на третьому рівні – може проявляти себе гумористично або буквально, конфліктно або кооперативно, директивно або інтегративно, центровано або децентровано [5]. Можна також аналізувати специфіку мовної поведінки екстравертів та інтровертів, домінуючих та тих, що підкорюються, романтичних і прозаїчних, невротичних і нормальних людей і т.д. Існує й інша теорія, де протиставляються умовні особистості Дорослого, Дитини і Батька.

Одним з можливих підходів до вивчення мовної особистості може бути виділення релевантних ознак модельної особистості, тобто типічного представника визначеної етносоціальної групи, яку можна розпізнати за специфічними характеристиками вербальної і невербальної поведінки. Наприклад, це англійський аристократ або німецький офіцер. Модельна особистість становить собою прототипний образ, межі якого досить варіативні, стереотип поведінки, який має суттєвий вплив на культуру в цілому та є своєрідним символом даної культури для представників інших етнокультур. Телевізійний ведучий, наприклад, являється носієм голосу влади. Він відрізняється високим ступенем інтелекту, освічений, його мова бездоганна, він вільно володіє іноземними мовами, нормами етикету і т.д. Якщо ж говорити про типи культури, маючи на увазі мовну культуру, тобто ступінь наближення мовної свідомості індивіда до ідеальної повноти мовного багатства у тій чи іншій мові, то можна виділити такі мовні особистості, як носій елітарної мовної культури стосовно літературної норми, або носій діалектної мовної культури, або носій міського просторіччя і т.д.

Таким чином, мовна особистість представляє собою серединну ланку між мовною свідомістю – колективним і індивідуальним активним вираженням досвіду, зафіксованого в мовній семантиці, з однієї сторони, та мовленнєвою поведінкою – усвідомленою чи неусвідомленою системою комунікативних вчинків, що розкривають характер і спосіб життя людини, з іншої сторони.

Література

1. Барглинский С., Небжеговска С. О соотношении основных единиц когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика конца XX в.: Материалы международной конференции, 7-9 октября в 3-х ч. – Ч.1. – Минск, 1997. – 172с.

2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

3. Иванова Л. П. Репрезентация когнитивного уровня языковой личности микросоциума сквозь призму ключевых имен культуры // Когнитивная лингвистика конца XX в.: Материалы международной конференции, 7-9 октября в 3-х ч. – Ч.1. – Минск, 1997. – С. 53-57.

4. Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. – М., 1986. – С. 222-234.

5. Сухих С. А. Черты языковой личности // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. – Тверь, 1993. – С. 85-91.

References

1. Bartlinskij S., Nebzhegovska S. O sootnoshenii osnovnyh edinic kognitivnoj lingvistiki. Kognitivnaja lingvistika konca HH v.: Materialy mezhdunarodnoj konferencii, 7-9 oktjabrja v 3-h ch. Ch.1. Minsk, 1997. 172p.

2. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii. Filologicheskie nauki. 2001. No.1. Pp. 64-72.

3. Ivanova L. P. Rerezentacija kognitivnogo urovnja jazykovoj lichnosti mikrosociuma skvoz' prizmu ključevyh imen kul'tury. Kognitivnaja lingvistika konca HH v.: Materialy mezhdunarodnoj konferencii, 7-9 oktjabrja v 3-h ch. Ch.1. Minsk, 1997. Pp. 53-57.

4. Karaulov Ju. N. Iz opyta rekonstrukcii jazykovoj lichnosti // Literatura. Jazyk. Kul'tura. Moscow, 1986. Pp. 222-234.

5. Suhij S. A. Cherty jazykovoj lichnosti. Kommunikativno-funkcional'nyj aspekt jazykovyh edinic. Tver', 1993. Pp. 85-91.

УДК 81

ЯЗЫК ТЕЛА И ЕГО СЛОВЕСНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Дмитриева Ю.В.
j.v.dm@mail.ru

Соликамский государственный педагогический институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

В данной статье рассматриваются невербальные компоненты коммуникации с участием различных частей тела человека. В статье представлена классификация жестов и телодвижений, которые получают словесное обозначение и служат для выражения определенных эмоциональных реакций людей в процессе межличностного общения. Статья описывает невербальное поведение, в частности язык тела, способы его вербального отражения в трех языках: английском, немецком и русском, а также затрагивает особенности словесного описания различных компонентов языка тела, в частности жестов рук, ног, головы и прочих телодвижений, в художественном произведении того или иного

языка. Автор рассматривает, с помощью каких лексических единиц, свободных словосочетаний и фразеологических оборотов передаются определенные значения жеста или телодвижения в каждом из анализируемых языков. Результатом данного исследования являются выявленные национально-культурные сходства и различия в наименовании определенного эмоционального состояния в каждой из рассматриваемых этнолингвокультур.

Ключевые слова: невербальное поведение, язык тела, словесное отражение, свободное словосочетание, фразеологическая единица, сходство, различие.

BODY LANGUAGE AND ITS VERBAL NOMINATION (IN THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

J.V. Dmitrieva

j.v.dm@mail.ru

Solikamsk State Teachers' Training Institute
(the department) of the Federal State Budget Higher Educational Establishment "Perm State National Research University"

The article acquaints us with nonverbal components of communication including different parts of the body. The classification of gestures which have verbal nomination and reflect the emotional states of people in the interpersonal process of communication is presented in the following article. The article describes the nonverbal behavior, the ways of its verbal nomination in three languages: English, German and Russian, and also touches upon the peculiarities of the verbal nomination of various components of the body language such as the gestures of hands, feet, head and others in a literary text of a certain language. The author studies what lexical units, free phrases and phraseological expressions are used to convey certain meanings of a gesture or body movement in each of the analyzed languages. This study results in revealing cultural common and peculiar features in nominating gestures and body movements to express a certain emotional state in each of three nations compared.

Keywords: nonverbal behavior, body language, verbal nomination, a free phrase, a phraseological unit, a common feature, difference.

В данной статье жесты рассматриваются как невербальные компоненты коммуникации с участием различных частей тела человека. В процессе речевого взаимодействия разные части тела имеют различное значение, например, руки и голова в общении русских в значительно большей мере, чем при общении носителей двух других культур, играют активную роль в регулировании и управлении коммуникативным процессом.

Жесты, отражающие определенные эмоциональные реакции людей, часто получают словесное выражение. Как известно, все, что происходит в мире, может быть вербализовано. Согласно мнению О.В. Мудрой, «язык является системой имен, кодифицирующих все явления мира, известные человеку, и благодаря этому, все невербальное поведение может быть описано словом» [6, с. 3].

С точки зрения языкового выражения, невербальное поведение человека представляет собой такой фрагмент реальной действительности, который вербально может быть выражен с помощью: лексемы (*to shake (to tremble)*), свободного сочетания слов (*von einem Fuß auf den anderen treten*), ФЕ (*махнуть рукой на к.-л. (ч.-л.)*) или предложения (*one's eyes stand out of one's head, smb. almost split (burst) his sides laughing, j-d. ließ die Hände in den Schoß sinken*).

Термин «жест» означает «демонстративное выразительное движение тела человека или некоторого органа, сигнализирующее о чем-то» [7, с. 63]:

«Она сделала негодующий жест, но от ответа воздержалась; повернувшись к нему спиной, она стала здороваться с окружающими и затем вышла из комнаты» [4,

с. 58];

Miss McLeod had an income from her mother. Therefore, at the age of twenty, she turned her back on that image of tyranny, her father, and went to Paris to study art [5, p. 172]; *Der SA-Posten drehte uns den Rücken zu, er sah unwillkürlich durch das vergitterte Fenster hinaus* [13, S. 8].

Аллан Пиз различает указательные, подчеркивающие, демонстративные и касательные жесты [8]. Среди кинем можно выделить единицы системы невербальной семиотики, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста (эмблематические жесты); жесты, выделяющие речевой или иной фрагмент коммуникации (иллюстративные кинемы); кинемы, управляющие коммуникативным процессом, т.е. устанавливающие, поддерживающие или завершающие общение (регулятивные жесты) [4, с. 81].

Г.Е. Крейдлин выделяет два основных семантических типа жестов: коммуникативные и симптоматические [4, с. 99]. Первую группу составляют кинемы, несущие информацию, которую собеседник в процессе общения целенаправленно передает своему партнеру: *потрешать к.-н. по плечу, поклониться, to stick out one's tongue out at smb., j-n. auf die Wangen küssen* и т.д.

В ряду русских коммуникативных кинем присутствуют единицы, представляющие собой «невербальные реплики-стимулы» [4, с. 100]: *подмигнуть, to point a finger at smb., den Blick (die Augen) auf j-n. richten (heften)*. Другие жесты выступают несловесными выражениями-реакциями: *отодвигаться от к.-н., to turn away from smb., (mit dem Kopf) nicken*.

Отдельную группу кинем образуют этикетные жесты – знаковые единицы невербального поведения, указывающие на его соответствие установленным нормам в определенной ситуации. В этикетную ситуацию общения стоит включать знания о неречевых возможностях ее осуществления. Русские этикетные кинемы включают такие жесты, как *махать рукой, пожимать руку, поклон* и т.д.

Данные жесты дополняют речь, являясь иллюстративными, например, речевые формулы, использующиеся в этикетных ситуациях приветствия или прощания в русском языке, сопровождаются определенными жестами и позами (*приподниманием шляпы, рукопожатием*), телодвижениями (*остановками в движении, поклонами*). Можно наблюдать и общественные ситуации с соблюдением ритуальных этикетных кинем (при выполнении воинских команд: *целовать знамя, вытянуться в струнку*). Симптоматические кинемы обусловлены эмоциональным состоянием партнера по общению: *прикрыть рот рукой* (от изумления), *to stamp one's foot* (при выражении гнева, злобы, каприза, категоричности, недовольства, нетерпения, упрямства, в ситуации конфликта).

Следует отметить, что для многих жестов и движений тела основным вербальным обозначением выступает не лексема или свободное словосочетание, а фразеологическая единица: *поманить пальцем, душить в объятиях, to crawl on one's knees before smb., j-d. hat weiche Knie*.

Межязыковые различия, обусловленные культурными несовпадениями, отчетливо выражены в лексико-фразеологических средствах, поскольку эти номинативные языковые средства непосредственно связаны с реальной действительностью. Ряд жестов, выражающих различные чувства и переживания (эмоциональные жесты), представлены во фразеологических выражениях, поскольку данные кинемы получили общепринятое значение, например, *пожимать плечами, стукнуть кулаком по столу, ударить себя по лбу, указать на дверь; to drag one's feet, to raise one's hands, to shake one's head; die Arme sinken lassen, j-m. den Rücken kehren*

(*bieten; wenden; zeigen*).

В группе неоднословных выражений рассматриваемых языков присутствует определенное количество фразеологических оборотов, которые сначала появились как описание кинемы, а позднее их значение изменилось (подобные единицы Г.Е. Крейдлин предлагает называть жестовыми фраземами, или жестовыми фразеологизмами [4, с. 172]): *положа руку на сердце* – *with one's hand on one's heart* – *die Hand aufs Herz* – искренне; *махнуть рукой (на ч.-л.)* – *to give smth. up* – *etwas aufgeben* – отказаться, перестать заботиться.

Язык жестов может дополнять вербальную часть информации, а иногда и отдельные жесты или телодвижения служат лишь единственным средством передачи или получения передаваемого сообщения. «Ничто не придает столько выражения в жизни, как жесты, движения рук, особенно при душевных волнениях; без жестов самое живое лицо маловыразительно», – отмечает Г. Лессинг [Цит. по: 9, с. 68].

В данной статье представлены свободные словосочетания и фразеологические выражения, отражающие особенности невербального поведения человека в трех нациях и включающие в свой состав компоненты, описывающие язык тела, такие как голова, руки, ноги и некоторые другие (например, спина, туловище в целом). Кроме того, в статье представлена классификация различных аспектов невербального поведения носителей английской, немецкой и русской этнолингвокультур.

Тематическая группа «жесты» в английском языке состоит из 451 лексических и фразеологических единиц, в немецком языке включает 473 единицы, а в русском языке охватывает 860 единиц. Язык тела подразделяется на:

- язык рук: *to hold up one's hands, die Hand drücken, полага руку на сердце*;
- язык пальцев рук: *to raise one's finger, (mit dem Finger) auf j-n. (etwas) zeigen (weisen; deuten), вскинуть палец*;
- язык ног: *to drag one's feet, mit den Füßen trampeln, переминаться с ноги на ногу*;
- язык головы: *to shake the head, den Kopf neigen, замотать головой*;
- язык туловища: *to bend over smb., einen krummen Rücken vor j-m machen, показать спину к.-н.*

Ниже представлена таблица, наглядно демонстрирующая количественные данные сопоставительного анализа средств, называющих движения тела (жесты).

Таблица 1

Классификация лексико-фразеологических средств, описывающих невербальные формы поведения (жесты)

Поведение тела		
Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«рука» – 445	«hand» – 198	«Hand» – 216
«туловище» – 189	«body» – 128	«Rumpf» – 154
«голова» – 84	«foot» – 55	«Fuß» – 44
«палец» – 65	«head» – 44	«Kopf» – 43
«нога» – 57	«finger» – 23	«Finger» – 14
«плечи» – 20	«shoulder» – 3	«die Schulter» – 2
Всего: 860 единиц	Всего: 451 единица	Всего: 473 единицы

Одним из важнейших компонентов языка тела является «рука». Большинство межъязыковых эквивалентов с данным компонентом имеют отрицательную оценку. Рука является средством для выполнения различных действий, что можно проследить при рассмотрении фразеологических оборотов с отрицательной коннотацией: *to fold*

one's hands – die Hände in den Schoß legen – складывать руки:

She saw her mother purse her lips and fold her hands together, refusing to argue further, only certain that she was in the right (S. Hill) [13, p. 208]; Sie setzte sich auf einen Koffer und wartete, die Hände im Schoß, mit gesenkten Lidern, mit gesenktem Kopf, wie sie noch gestern auf ihrer Pritsche gewartet hatte, wie sie morgen wer weiß wo warten wurde [14, S. 246];

– С такими людьми можно идти народу, они на малом не помирятся, не останятся, пока не одолеют все обманы, злобу и жадность, они не сложат рук, покуда весь народ ... в один голос не скажет – я владыка, я сам построю законы для всех равные! (М. Горький) [Цит. по: 3, с. 516].

Кинемы с компонентом «рука» зафиксированы в огромном количестве фразеологических выражений: *ударить по рукам* (совершить сделку, согласиться), *пожать руку* – кинема приветствия, прощания или существования дружеских отношений. Тот, кто хочет оказать помощь другому, *протягивает руку* и т.д.

Компонент рассматриваемых словосочетаний трех языков «рука» употребляется для передачи различных эмоциональных состояний, например, беспокойство, гнев, привязанность, просьба могут быть описаны с помощью следующих свободных и устойчивых словосочетаний: *протягивать (к к.-н.) руки, приложить руку к сердцу, схватить к.-н. за руку, дернуть к.-н. за рукав* и т.д.: – *Сынок! Желанный! – вопила старушка в поневе, протягивая руки. – Будя тебе за ради Христа! Желанный, будя – помрешь!* (И. Бунин) [Цит. по: 2, с. 183].

В рассматриваемых языках *to hold out (to extend; to put out; to stretch out) one's hand to smb. (to give one's hand to a person), to put one's hand to one's heart (breast); to seize (to grab at) smb.'s hand (to grasp the hand), to pull one's sleeve (to pull one by the sleeve); j.-m. die Hand geben (j.-m. die Hand reichen), die Hand aufs Herz legen; an der Hand fassen (packen; greifen); am Ärmel zupfen (ziehen)* являются лексическими единицами и фразеологическими оборотами, называющими данные эмоциональные состояния:

She put out her hand and took mine. "You aren't angry, are you, darling?" [10, p. 134]; And as the old man began to rise from the bench, he seized his arm roughly, "I want to know the Truth," he cried, "I want you to tell me the Truth of it all. What's behind it?" (A. Wilson) [13, p. 411];

Quasi gab ihm die Hand und sagte: "Vielen Dank, Herr Doktor, vielen Dank, wenn es hilft, kann ich ganz still liegen. Aber, wenn ich Ihnen das sagen darf: Wir sind keine komische Fakultät!" [12, S. 151]; Fahrenberg machte eine ganz menschliche Bewegung. Er legte die Hand aufs Herz. Sein Unterkiefer war abgerutscht. Sein Gesicht war schlaff vor Enttäuschung [14, S. 312].

В русском языке вербализованные описания кинем ног используются для обозначения более интенсивных эмоций, чем в двух других языках. Так, кинема «топнуть ногой» передает гнев, недовольство, раздражение, упрямство и имеет соответствующее словесное обозначение в следующих примерах:

Она топнула ногой. Только этого штриха не доставало нашей сцене. Теперь она была безупречной. – Не смейте прикасаться ко мне! Не вздумайте приблизиться ко мне! [11, с. 449].

В английском языке эквивалентным словосочетанием является *to stamp one's foot*, в немецком – *mit dem Fuß trampeln (aufstampfen)*: *It was Jim Stokes, who was directing the show. They heard the clapping and stamping of the impatient audience [5, p. 189]; Als ein alter Mann den Raum betrat, klopfen die anderen mit den Knöcheln auf die Bänke und trampelten mit den Füßen [12, S. 25].*

Что касается языка головы, в русском языке зависть, колебание, неодобрение,

отрицание, пренебрежение, сожаление и т.д. могут быть обозначены словосочетанием *покачивать головой*, что отражено в следующем примере: – *Вы занимались ее финансовыми делами? Кингсли покачал головой.*

– *Нет у нее никаких таких дел – разве что выписывала чеки, снимала деньги со счета и тратила их* [11, с. 374].

В английском языке эквивалентным данному словосочетанию является устойчивое выражение *to shake one's head*, в немецком языке – *den Kopf schütteln*: “*I have to go this morning but I'll remember the address to return.*” *He shook his head.* “*You won't come back if you talk like that. I thought you were in real trouble*” [10, p. 212]; *Auf der Straße fragte Robert: “Hat einer von euch dringendes Verlangen nach der Russischstunde?” Der Fischer Trimborn schüttelte den Kopf.* “*Es muß nicht sein. Aber ich wurde gern mal nach Fiebach sehen*” [12, S. 329].

Рассматривая язык тела, нельзя не упомянуть о позах, под которыми понимаются «значащие положения человеческого тела, сохраняемые в течение определенного времени – краткого или продолжительного» [1, с. 393].

Исследования ученых в области невербального поведения привели к тому, что инвентарь поз довольно ограничен общественными и культурными условиями, поскольку, по мнению Г.Е. Крейдлина, «в каждой культуре существуют различные расовые, этические и другие табу на определенные позы» [4, с. 190].

Что касается такого компонента, как «плечи», то он встречается в русском языке в составе ФЕ намного чаще по сравнению с английским и немецким языками. Насмешливость, недовольство, недоумение описаны в русском языке такими единицами, как *поднять плечи* и *пожать плечами*:

– *При чем тут панибратство? – поднял плечи Давлатян, остренький нос его еще более заострился, как бы воинственно нацеливаясь в сторону Дроздовского* (Ю. Бондарев) [Цит. по: 2, с. 129]. *Савчук не мог понять движения мысли старика, не мог уразуметь, чего тот хочет, и только пожал плечами* (А. Иванов) [Цит. по: Там же].

To shrug one's shoulders, mit den Achseln (Schultern) zucken, die Achseln (Schultern) zucken являются словосочетаниями, называющими соответствующие кинемы, для выражения вышеуказанных эмоций в английском и немецком языках: “*How much are such papers?*” “*It depends on what they are. The price is reasonable*” “*I don't need any now.*” *He shrugged his shoulders* [10, p. 212]; “*Ich muß jetzt drin bedienen.*” – “*So feine Gäste läßt man nicht warten.*” *Sie zuckte mit den Achseln.* “*Es ist nicht so schlimm, wir sind hierzulande abgebrüht*” [14, S. 404].

Такой фразеологический оборот, как *поворачивать спину к к.-л. (ч.-л.)* получил происхождение из свободного словосочетания, означающего нестандартное положение корпуса тела человека по отношению к собеседнику или другим людям, что означает насмешливость, неприязнь, пренебрежение, печаль по отношению к ним. Данное свободное словосочетание было переосмыслено и получило переносное значение, закрепившееся в омонимичной фразеологической единице во всех трех языках: *to turn one's back upon a person – j-m. den Rücken kehren (drehen)*:

– *Ты заплачь! Оно полегшает, – посоветовал Нагульнов, ладонью плотно, до отека, придавив дергающийся мускул щеки, не сводя с Андрея загоревшихся глаз: – И заплачу! Я, может, своего парнишку... – Андрей осекся, оскалив зубы, круто повернулся спиной к столу* (М. Шолохов) [Цит. по: 2, с. 161];

He turned his back on Kennie. For a moment he thought of leaving, but he somehow felt that he must restore his reputation [5, p. 172]; *Als wisse sie nicht, daß Franz zu den Marnets gehörte, drehte sie ihm hartnäckig den Rücken* [14, S. 216].

Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам: наибольшее

количество значений представлено в невербальном поведении посредством описания таких компонентов языка тела, как рука, туловище, голова, так как данные лексемы, входящие в состав фразеологических выражений, наиболее часто встречаются в рассматриваемом лексическом корпусе единиц и с функциональной точки зрения наиболее разнообразно отражены в лексикографических источниках и художественных произведениях.

Наиболее частотным компонентом, отражающим эмоциональные состояния человека в рассматриваемых лексических единицах и фразеологизмах, являются «рука» в поведении тела во всех трех языках. Наименее активным компонентом при передаче невербальных сообщений являются «плечи» в анализируемых языках.

Сопоставительный анализ английских, немецких и русских лексических и фразеологических единиц позволил выявить как сходные элементы, так и различающиеся компоненты в составе рассматриваемых единиц. Большинство исследователей (В.С. Виноградов, Д.О. Добровольский, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер) выделяют такие основные межъязыковые эквивалентные соответствия, как полные, частичные, среди которых различают омонимичные, синонимичные и аналогичные соответствия, и безэквивалентные единицы, что отражено в следующей таблице:

Таблица 2

Типы эквивалентных соответствий в трех языках

		Полные эквиваленты	Частичные эквиваленты					Лак уны
			Фраз. омонимы	ФЕ с тожд. планом содержания, разл-ся грам-ки	Фраз. синонимы	Фраз. аналоги	ФЕ, разл-ся по семантике, лексике и стилю	
АЯ	Язык тела	222	98	93	17	5	230	116
НЯ	Язык тела	210	98	93	17	5	221	185
РЯ	Язык тела	245	98	93	17	5	324	6

Данная таблица наглядно показывает наличие полных межъязыковых эквивалентов в рассматриваемых языках, к которым относятся анализируемые единицы трех языков с совпадающей семантикой, тождественным лексическим составом и стилистической окраской, например, *to shrug one's shoulders – mit den Achseln zucken – пожать плечами*. Данный факт говорит о том, что разные нации используют одинаковые образы для обозначения одних и тех же предметов или явлений реальной действительности. Полные эквиваленты составляют небольшую группу лексических единиц и фразеологизмов, так как сопоставляются единицы типологически разных языков.

Следующая группа фразеологических эквивалентных соответствий – частичные совпадения. Они представлены в виде 5 разновидностей. Первый вид можно проиллюстрировать, например, фразеологизмом – *to turn one's back on smb. – j-m. den Rücken wenden (zeigen) – повернуться спиной к к.-л. (перен. отвернуться от к.-л.)*. Данные словосочетания (фразеологические омонимы) имеют тождественный лексический и грамматический состав, но различаются по передаваемой семантике.

В результате исследования тематической группы, включающей в себя единицы, характеризующие невербальное поведение человека, были также выявлены единицы и словосочетания, которые характеризуются совпадением плана содержания, внутренней формы, стилистической окраски, но обладают грамматическим различием, связанным

со структурой языка:

В качестве третьего вида лексико-фразеологических частичных эквивалентов можно привести следующий пример: *to throw oneself into smb.'s arms – sich werfen (auf j-n. sich stürzen)* – *броситься к к.-л.* Подобные фразеологические обороты признаются межъязыковыми синонимами, т.е. единицами, сходными по значению и стилистическим свойствам. Отличительным признаком данных единиц является их различие в лексическом и грамматическом составе.

К частичным эквивалентам относятся также фразеологические аналоги, обозначающие полностью или частично совпадающие по семантике и стилю фразеологизмы рассматриваемых языков, которые различаются внутренним образом, а также лексическим и грамматическим составом. Несходство плана выражения лексико-фразеологических единиц трех языков, объединенных одинаковым содержанием, объясняется национально-культурной спецификой данных единиц, отражающих невербальное поведение носителей определенного языка, образ мышления представителей данной нации, что предполагает наличие ряда лингвистических особенностей, заключающихся в несовпадении количества составляющих словосочетание компонентов, или присутствие лексем, различающихся по значению или грамматической характеристике: *провести рукой по голове – to pass one's hand over one's hair – mit der Hand über das Haar streichen.*

Лексико-фразеологические единицы, частично различающиеся по всем четырем критериям (семантикой, лексическим и грамматическим составом, стилистической окраской), охватывают такие словосочетания, как, например: *становиться на колени – to kneel down – niederknien; заключить к.-л. в объятия – to embrace (to hug) smb. – umarmen (j-n. mit offenen Armen empfangen).*

Подобные единицы составляют довольно многочисленную группу единиц, так как они характеризуются несовпадением лексико-грамматической структуры анализируемых языков, а также различием передаваемого образа, внутренней формы и стилистических характеристик.

Однако значительную группу единиц образуют и безэквивалентные фразеологизмы, например, *подбочениться, тереть пальцами друг о друга (собранными в щепоть пальцами), повести плечами, j-m. beifällig nicken, eine anerkennende Geste machen* и др. Данные единицы и словосочетания содержат в своем составе такие компоненты, которые отражают культурные ценности того или иного народа, особые стороны его социальной деятельности и образ мышления, т.е. специфические черты картины мира носителя соответствующего языка.

Согласно таблице 2, количество совпадений в выражении представителями той или иной лингвокультуры определенной эмоции меньше количественных данных, показывающих их различия.

Отражая универсальные ценности какого-либо языкового коллектива, фразеологические обороты способствуют определению и осознанию их этнокультурной специфики и национального характера языковой картины мира. Национально-культурная специфика устойчивых единиц обуславливается некоторыми стереотипами коммуникативного поведения представителя определенной нации, зафиксированными в сознании носителей данной культуры.

Так, англоязычные собеседники, согласно полученным данным, предпочитают такие жесты, как, например, *to shake smb. a hand – пожать к.-н. руку, поздороваться с к.-н. за руку, потрясти руку к.-н., сжать руку к.-н.*, что указывает на их сдержанность в проявлении эмоциональных состояний, большую по сравнению с русскими и немцами закрытость по отношению к окружающим их людям, так как такого рода единицы

используются для выражения гораздо большего количества эмоций в русском языке, что подтверждается наличием в нем более разнообразных эквивалентных единиц, различающихся лексико-грамматическим составом и стилистической окраской.

Что касается представителей немецкой этнолингвокультуры, то следует отметить, что они более открыты при приветствии, знакомстве, но что касается поведения в обществе, все же более сдержанны и настороженны, чем носители русского языка, т.е. им свойственны менее эмоциональные кинемы, вербализованные посредством таких выражений, как *abwenden*, (*zusammen*)*pressen (drücken)* и многих других, указывающих на так называемую «хладнокровность» представителей данной нации, их сдержанность в проявлении эмоций.

Русские, в отличие от представителей английской и немецкой наций, более открыты в проявлении эмоциональных состояний, особенно отрицательных, в силу того, что представителю русскоязычной нации свойственны такие качества, как стремление выразить себя в обществе, показать свои эмоции, поделиться впечатлениями с другими, что четко проявляется во внешнем поведении русских и, следовательно, отражено в лексикографических источниках и художественных произведениях на ряде структур, к которым и относится рассматриваемый репертуар лексических и фразеологических средств, описывающих язык телодвижений.

Так, для выражения разного рода эмоций (беспокойства, гнева, недовольства, ненависти, нетерпения и т.д.) используются такие вербализованные единицы, как *бить себя в грудь*, *вскинуть руки (в мольбе)*, *всплеснуть ладонями (руками)*, *рвать (на себе) волосы*, *постучать рукой по столу*, *хлопнуть (себя) по бедрам (бокам)*, *топать ногами на к.-л.* и другие многочисленные примеры более экспрессивных единиц, позволяющие судить о более эмоциональном коммуникативном невербальном поведении представителей русской этнолингвокультуры.

Таким образом, проведенный анализ рассматриваемых единиц позволяет увидеть, какими лексическими и фразеологическими единицами описаны эмоциональные состояния представителя какого-либо языкового коллектива, а их сопоставление показывает определенную степень тождества, частичные совпадения или отсутствующие в сознании носителя того или иного языка понятия, специфические только для данной нации. Между сопоставляемыми этнолингвокультурами наблюдаются значительные расхождения (согласно полученным количественным данным о численном превосходстве частичных соответствий по сравнению с полными и безэквивалентными соответствиями) средств номинации аспектов невербальной коммуникации, нежели сходства, что объясняется различиями в ассоциативно-образном мышлении носителей того или иного языка и национально-культурной спецификой неречевого поведения представителей определенной нации.

Литература

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы [Текст] // Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2005. – 1037 с.
2. Дмитриева, Л.И. Словарь языка жестов [Текст] / Л.И. Дмитриева, Л.Н. Клокова, В.В. Павлова. – М.: АСТ: Астрель: Рус. слов.: Ермак, 2003. – 320 с.
3. Квеселевич, Д.И. Русско-английский фразеологический словарь [Текст] / Д.И. Квеселевич. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – 705 с.
4. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык [Текст] / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
5. Лоренс, Д.Г. Принцесса и другие рассказы (На английском языке) [Text] / Д.Г.

Лоренс. – М.: Цитадель, 2002. – 240 с.

6. Мудрая, О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка (на материале сравнения русского языка с английским) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Мудрая. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1995. – 16 с.

7. Николаева, Т.М. Языкознание и паралингвистика [Текст] // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1966. – С. 63–74.

8. Пиз, А. Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам [Текст] / А. Пиз. – Н. Новгород: Ай Кью, 1992. – 262 с.

9. Поваляева, М.А. Невербальные средства общения [Текст] / М.А. Поваляева, О.А. Рутер. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 352 с.

10. Хемингуэй, Э. Прощай, оружие! (На английском языке) [Text] / Э. Хемингуэй. – М.: Прогресс, 1976. – 320 с.

11. Чандлер, Р. Дама в озере / пер. с англ. [Текст] / Р. Чандлер. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 576 с.

12. Kant, H. Die Aula (Roman) [Text] / H. Kant. – Berlin: Rütten&Loening, 1971. – 464 S.

13. Making It All Right. Modern English Short Stories [Text]. – Moscow: Progress Publishers, 1978. – 462 p.

14. Seghers, A. Das Siebte Kreuz (Roman) [Text] / A. Seghers. – Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1964. – 424 p.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: three linguistic concepts: lexical background, speech and behavior tactics and sapientem. Moscow: Indrik: State. in-n of the Rus. lang. by Alexander Pushkin, 2005. 1037 p.

2. Dmitrieva L.I., Klovov L.N., Pavlov V.V. Dictionary of sign language. M.: AST: Astrel: Rus. words: Ermak, 2003. 320 p.

3. Kveselevich D.I. The Russian-English phraseological dictionary. 3rd ed. stereotype. M.: Rus. lang., 2001. 705 p.

4. Kreidlin G.E. Nonverbal semiotics: body language and natural language. M.: New literary review, 2004. 584 p.

5. Lawrence D.G. Princess and other stories (English). M: Citadel, 2002. 240 p.

6. Mudraya O.V. Functions of non-verbal components in the language system (based on the comparison of the Russian language with English): abstract ... dis. Cand. Filol. Sciences. M.: ROS. University of friendship of peoples, 1995. 16 p.

7. Nikolaeva T.M., Uspensky B.A. Linguistics and paralinguistic science // Linguistic studies in General and Slavic typology. M.: Nauka, 1966. pp. 63-74.

8. Pease A. Body Language: how to read others ' thoughts by their gestures. N. Novgorod: IQ, 1992. 262 p.

9. Povalyaeva M.A., Ruther O.A. Non-Verbal communication. Rostov on/D: Feniks, 2004. 352 p.

10. Hemingway E. Farewell to arms! (English). M.: Progress, 1976. 320 p.

11. Chandler R. Lady in the lake / translated from English. M.: Young guard, 1992. 576 p.

12. Kant H. Die Aula (Roman) Berlin: Rütten&Loening, 1971. 464 S.

13. Making It All Right. Modern English Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1978. 462 p.

14. Seghers A. Das Siebte Kreuz (Roman). Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1964. 424 p.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЭТИКИ БАЛЬМОНТА

Долгополов А. В.

ИМОП, Санкт-Петербургский Политехнический Университет
имени Петра Великого

Мы исследуем семантическую структуру и семиотически важные в лексическом плане элементы «творчества и огня» внутри поэзии великого русского поэта К.Д.Бальмонта с позиций русского символизма в истории мирового искусства. Мы уважаем мышление данного поэта и его понимание существования поэта в искусстве и в литературе. Мы предлагаем свой подход и метод, когда Бальмонт преподносит образ поэтической жизни и музыки в поэзии будущим поколениям людей мира сферы литературы, чтобы они творили лучшую поэзию и лучшую энергию внутри своих сильных поэтических текстов с живой музыкальной, ритмической и художественной структурой.

Ключевые слова: К.Д. Бальмонт, Русская поэзия, Русский символизм, Огонь, Энергия поэзии. Жизнь поэта, Понимание Бальмонтом...,Позиция русского символизма, послание будущим поколениям поэтов, музыкально-ритмическая структура, мышление поэта, восприятие художественного текста, семантический анализ, семиотический анализ поэтического текста.

THE EMOTIONAL ELEMENTS OF LOGIC AND OF PHILOSOFY OF BALMONT

Dolgoplov A.V.

Saint-Petersbourg Polytechnical University, IMOP

We investigate the semantic structure and the important semiotic lexicon with the elements of “creation and of the fire” into poetry of great Russian poet K.D.Balmont on the position of the Russian symbolism in the world art history. We respect the meaning of this poet and the understanding of Balmont of the life of poet in the art and in the literature. We propose an approach to solution, what Balmont give the image of the poetical life and of the music of poetry for future generation of man of literature as the message to make the best poetry and the best art energy into very strong poetical texts with live structure of the music and the rhythm and of meaning.

Keywords: K.D.Balmont, Russian poetry, Russian symbolists, The fire, The energy of poetry, the life of poet, the understanding of Balmont, the position of Russian symbolism, the message for the future generation of poets, the structure of music and of the rhythm, the meaning of poet, the reception of the artistic texts, the semantic analysis, the semiotic analysis of the poetical texts.

Влияние искусства и творчества К.Д. Бальмонта на общее состояние культуры и искусства конца девятнадцатого и начала двадцатого века сложно переоценить. Его роль в создание школы русского символизма, наравне с И. Анненским, В. Брюсовым, А. Белым, и другими весьма значительна. Он первым начал смело и дерзко экспериментировать с формой и содержанием поэтического текста, однако и сама личность Бальмонта внесла серьезные коррективы в понимание роли поэта в обществе и целостной мировой культуре. Трудно не выразить благодарность этому чрезвычайно одаренному, страстному и трудолюбивому переводчику, литературоведу, поэту и исследователю мировой цивилизации со стороны всех последующих поколений, поскольку совместно со своими опытами и изобретениями на ниве поэзии, он еще и переводил и составлял энциклопедические материалы по истории других народов и стран мира. Однако именно стихия Огня и Энергии творчества двигала его судьбой и творческой биографией. Именно мифологии сознания и структуре своего внутреннего

мужества и вдохновения Бальмонт был обязан своим неизбывным неиссякаемым энтузиазмом и неподражаемостью в выборе образов, ритмов, мелодических и силлабических структур и проблематики. В его характере и семейной культуре хранились воспоминания о слиянии двух разных миров – Азии и Европы. Его отец происходил из старинных русских и тюрских родов, а мать была родом из Литвы. Поэтому в личности юного поэта азиатская страсть и европейская утонченность стали переплетаться и развиваться благодаря усилиям матери, которая прививала сыну русские и европейские традиции, вводила в мир литературы всех народов и культур. Бальмонт вырос под сильным воздействием музыки, и поэтому его любовь к ритму и мелодии он сохранит навсегда в своем сердце. Тема Огненной стихии, Воздуха и Солнца возвращают русского читателя к временам язычества, когда эти стихии признавались главными и отвечали за возникновение, поддержание и развитие человечества и божественного начала в славянах и других народах мира... Однако христианские ценности жертвенности, благородства и прощения сливаются у Бальмонта с природными ценностями доисторических времен, поскольку сильное дворянское воспитание и богатое самообразование даровали молодому поэту способность объединять и переплетать воедино различные нетождественные идеи, понятия, метафоры и значения. Он отличался от других поэтов глубиной познаний в языках, иных культурах, подолгу изучал этические и эстетические системы народов Азии, Америки, Европы, Африки, а также путешествовал в соответствии с ненасытным желанием объять сознанием и воображением все достижения Мирового Духа и мифотворчества. Он отдал всего себя на алтарь мировой литературы. Кроме того, он создал особую манеру и позу актерского представления поэзии перед публикой. Многие исследователи очень негативно относились к выражению значений и смыслов в поэтических структурах Бальмонта, мотивируя это его небрежностью или невниманием к лексическому смыслу и референтному значению семиотических единиц его поэтических текстов. Мы в корне не согласны с этим мнением. Умение передавать коннотативные значения как раз и явилось следствием находок и новаторств Бальмонта в сфере изменения и развития трехсложных метрических структур поэтического текста. Неумение увидеть и услышать логику и принципы построения семантических единиц текста – это беда и недостаток многих литературоведов, причисляющих Бальмонта к позирующим мистическим поэтам, ничего не понимающим в передаче денотативного содержания речи. В связи с этим в нашей статье мы взяли за объект исследования центральный сборник (и кстати, его очень редко анализируют в качестве поворотного и главного момента в трансформации Бальмонта) «Сонеты солнца, меда и луны». В нем поэт раскрывает не только новую концепцию Огненного творчества и пропагандирует ценности Энергии жизни в судьбе Художника, но и интерпретирует в разных ипостасях смыслы и значения собственной фамилии – БАЛЬМОНТ. Нет ничего удивительного в том, что он заканчивает свой жизненный путь на поэтическом Олимпе – на Парнасе, в Париже, где его понимают только самые близкие гении и друзья. Его внутренняя огненная Сила Дракона, который как вулкан, как жерло или кратер, готов исторгать из себя живительную магму и огонь творчества, становится ключевой стихией порождения нового мира поэзии. Там музыка и свет всех планет и Солнца соединяются и колеблются в едином резонансе. Через духовный мир поэта проходить это преображение мира. Поэтому Гора, чертог, дом, в котором безопасно и полезно хранить все лучшие идеи и помыслы человечества, - это сам поэт. «Балль» (фр.) - это пуля, мяч, огненная сфера, если мы касаемся этимологии, а «Монт» - это гора, возвышение, сохраняющая энергию масса. В связи с преобразованием своей личности в элемент своего поэтического творчества Бальмонт начинает структурировать и

проектировать новую эстетическую и логическую картину, которая может быть параметрально проанализирована в тематике в проблематике, в семантике и в семиотике его ключевых образов-метафор. Эти символы, помещенные в яркие метрически и ритмически выделенные фрагменты звуковой цепи, сигнализируют читателю и слушателю, что именно на них построен поток сознания певца, актера и поэта. Энергия жизни, упоение и сладость от удовлетворения бытием и своим существованием в Мире – это главные гедонистические характеристики Бальмонта. Он умеет желать, он умеет создавать из ничего – из слов и ритма – новые образы. Многие композиторы считали его поэзию высоким образцом музыкальной партитуры, поскольку вложить смысловую многозначность в процессе пропевания и произношения данных фонетических и синтагматических единств проще всего: в них созданы все условия для разного прочтения, однако нет ни одного условия, чтобы испортить и повредить главный первоначальный смысл слова. Возможно углублять и расширять лексический, мелодико-ритмический и ассоциативно-метафорические виды анализа текстов Бальмонта, однако и при общем, «недетальном» анализе мы имеем все возможности получить и эмоционально-экспрессивное впечатление от образа, и понять идейную основу, и авторскую позицию Поэта. Бальмонт как бы совершает акт диалога с потомками – он дает указания будущим художникам, композиторам, поэтам не бояться. Эмоций и Чувств по отношению к Космосу и Природе, не бояться выражать Любовь, Радость бытия, поскольку именно Сила Выдачи эмоций и экспрессии в Мир всегда достойна вернуться обратно – из области Творческого Огня, из Области Бога. Этот пантеизм, этот синкретический взгляд на переполенность мироздания энергией добра, не дает Бальмонту уныния и скуки, - у него отсутствует опустошенность, лишенность и недостаток Энергии во всех произведениях искусства и в жизненном пути. Он всегда в путешествии, в полете, в увлечении, - это позволяет ему в самых печальных и грустных стихотворениях выразить силу надежды и силу уверенности в себе. Он и «Чертог», и «Котловина», и «Звездные знаки», он и «Младший» (в общине первобытных людей) – он присутствует во всех живых объектах реальности. Ему не хватает этого физического мира – он жаждет перевоплотиться в Космос. Не случайным становится факт того, что конец сборника «Сонеты Солнца, меда и луны» посвящается тем поэтам и творческим личностям, которых Бальмонт переводил и любил, он отдает должное им, оттого что боготворит в них Огненную творческую силу, Дух любви, который созидает во всех формах и измерениях. Заканчивается цикл или сборник посвящением Лермонтову, с которым он чувствовал некую схожесть и в котором он видел родственную силу и душу. Бальмонт всегда воспаряет над эмпирической денотативной реальностью. Он устремлен на диалог с Высшими сферами духа, будь то Зло или Добро, поскольку для него важен один структурный смысловой момент. Сладкий мед бытия и упоение жизнью в реальном мире дается ценой страдания и смерти каких-то сущностей. Этот закон Бальмонт принимает – но он не одобряет его, по нашему мнению. Он видит, что Вселенная скована и сцеплена кровью и смертью, однако он замечает и другое: смерть и кровь – это внешняя оболочка, которая не должна пугать Поэта, испытывающего к миру благородные, мирные, добрые чувства. Эстетика Всеобъемлющего Разума и вселенской любви, которая обычно проповедуется нашими церковными философами, представлена у Бальмонта не нарочито, нет заострения внимания на личности самого Бальмонта. Он высказывает свое уважение и толерантность к многополярному многонациональному поликультурному сообществу людей в эстетической форме и поэтическом роде искусства. Эта идея для развития мировой цивилизации представляется наиболее ценной, даже более необходимой при воспитании не только филологов, но и дипломатов, педагогов, переводчиков и

предпринимателей наряду с деятелями искусств. Идея Пронизанности мировым духом всех цивилизаций как раз доказана тем богатым наследием Бальмонта, которое существует в его переводах с разных языков мира. Человек в мировоззрении Бальмонта должен радостно и сладко упиваться солнечным миром, воспевать его и бога, он не должен быть вечным, потому что именно мгновение ценно, – и это страсть к моментальным состояниям души, любовь к выражению секунды, минуты, часа, – это главный принцип поэтики Бальмонта (и его традиционно все уже отмечают). Солнце растягивает всю Вселенную и создает гармонию, а потом оно может умереть и снова возродиться, оно готово к переменам, а значит, и человек должен быть готов умереть и возродиться. В иных сборниках цветковые и световые образы Солнца сливаются с звуковыми ассоциативными метафорами грома, выстрела, топота копыт коней, – этот символ завершения идиллии связан с детскими впечатлениями из сельской жизни ребенка. Но всегда есть надежда, что потомки увидят изображение личности поэта или творческого человека на небе в образе Звезд, или в Облаке. В этом мы находим свидетельство миропонимания и религиозного опыта Бальмонта, он сравнивает человека и Древо, человека и – Зерно (впоследствии мы будем замечать этот образ и у других символистов). Общеиндоевропейская метафора Солнца, меда, хлеба и Жизненного огня повествует о календарных обрядовых праздниках начала и конца посевных полевых работ, связано с образом Святого Георгия и Медового Спаса (праздников благодарения богини Мокоши). Поэт выступает у Бальмонта всегда в роли шамана, безумца, посредника между миром людей и миром Высших сил. В этом отношении он использует и христианский миф о возрождении Зерна, и древние индоевропейские мифы о Яриле (Солнце). Культ Перуна, бога небесного Огня, только в эти календарные периоды мог не противостоять культу бога Велеса (если говорить о славянской праоснове данных праздников). Пчелы, которые дают мед, связаны как образ – архетип с Быком и Конем, то есть символами Велеса, охраняющего скот и людей. Именно Поэт выполняет важную общественную функцию примирения и прощения людей и мира в момент восславления богов солярного пантеона. Однако древняя основа отягощается и христианскими смыслами, и сугубо бальмонтскими ассоциациями, проистекающими из его младенчества. Благодаря этому синтезу Бальмонт передает эстафету следующим поколениям поэтов (Ходасевичу, Волошину, Клюеву, Иванову) и другим.

Литература

1. Бальмонт К.Д. Стихотворения. – Москва.: Издательство «Художественная литература», 1990. – С. 216- 245.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – Москва: Наука, 1982. – С. 23- 37.
3. Русские поэты серебряного века (том первый). Символисты. – Ленинград: Издательство Лен. Ун-та. 1991. С- 60 – 94.
4. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем. – Москва: Наука, 1974. – С. 25 – 41.

References

1. Balmont K.D. Stihotvoreniya. 1990. Pp. 216- 245.
2. Losev A.F. Znak. Simvol. Mif. 1982. Pp. 23- 37.
3. Russkie poetyi serebryanogo veka (tom pervyyi). Simvolisty. 1991. Pp. 60 – 94.
4. Shreyder Yu.A. Logika znakovyih system. 1974. Pp. 25 – 41.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Долгополов А.В.

Санкт-Петербургский Политехнический университет,
Институт Международных образовательных программ,
кафедра «Русский язык как иностранный»

В статье исследуется проблема любви в поэзии В. Брюсова, анализируется семантика и семиотика русской культуры – знаки, выражающие любовь, страсть, эмоции и переживания поэта. Данный анализ позволяет сделать вывод, что текст глубже, чем его вербальная структура. Работа с анализируемыми текстами В. Брюсова помогает филологам лучше понять ценности русской культуры в сфере личных отношений.

Ключевые слова: анализ текста, поэзия В. Брюсова, тема любви, артистизм манеры говорить, Серебряный век русской поэзии.

SPECIALS CARACTETERS OF POETIC OF VALERIY BRIUSSOV

Dolgopolov A.V.

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University,
Institute of international educative programs,
the chair of Russian as foreign language

The article examines the problem of love in the poetry of Valery Briussov, analyzes the semantics and semiotics of Russian culture – signs, expressing the love, passion, emotions and feelings of the poet. This analysis allows us to conclude that the text is deeper than his verbal structure. Work with analyzing texts V. Brusov helps linguists to better understand Russian cultural values in the sphere of personal relations.

Key words: text analysis, poetry V. Brusov, the theme of love, artistry, manner of speaking, the Silver age of Russian poetry.

При обучении иностранных студентов преподаватель стремится всегда развивать эстетические и эмоциональные навыки студентов по восприятию поэтического текста в целях повышения уровня фоновых знаний студентов, а также в целях расширения их психоэмоциональной сферы личности. В лирике как наиболее экспрессивном роде литературного творчества сосредоточено предельное эмоциональное и психологическое содержание, способствующее внутреннему развитию вторичной языковой личности. Это свидетельствует об увеличении культурных и аксиологических знаний об изучаемой цивилизации [1]. На уроках русского языка при обучении филологов от преподавателя требуется яркое, адекватное прочтение и интонирование, а также правильная декламация изучаемого поэтического текста [4]. Умения читать и анализировать лирику считаются базовыми и необходимыми для преподавателя русского языка как иностранного. От студента при изучении лирики требуется адекватное восприятие смысловой и ритмической основы поэтического текста, а также адекватная репродукция текста с помощью использования правильно сформированных механизмов и стереотипов прочтения, произношения и интонирования с соблюдением пауз, синтагматических единств и просодических единств [3].

Мы предлагаем изучать лирику Серебряного века в качестве предельно эмоциональной и предельно чувственной сферы переживаний и волнений языковой личности конца девятнадцатого века, так как именно поэзия Серебряного века

способствует сильному развитию эстетической и литературной компетенции будущих филологов.

Расширение ценностной сферы понимания изучаемой русской культуры и цивилизации осуществляется благодаря внимательному анализу поэтических текстов В.Брюсова. Проблема любви мужчины к женщине становится одной из главных вопросов, волнующих автора [2]. Изучая и анализируя семантику и ритмику стихотворений В.Брюсова, студенты развивают свои фонетические, синтаксические и лексические навыки по чтению, анализу и восприятию культурного ментефакта, - то есть поэтического лирического текста с семиотикой русской аксиологии (набором символом русского мира) [1]. В практике преподавания русского языка как иностранного целесообразно выбирать именно поэтические тексты Брюсова для того, чтобы студенты смогли выступить уже не просто в качестве аналитиков и культурологов, а проявить свои актерские и сценические навыки, которые необходимы при обучении ораторскому мастерству.

Проблема любви и тема любовного чувства в лирике и поэзии В.Брюсова всегда была нарочито эксплицитной, она выражалась ярко и наглядно, благодаря использованию метафорических и иных поэтических средств художественной речи. Уже традиционным стало изучение и анализ поэзии Брюсова в качестве насыщенного глубокого по эмоциональной и экспрессивной шкале любовного переживания и любовного недуга. Поэзия В.Брюсова отражает яростное стремление личности выйти за пределы рамок и норм поведения возлюбленного. Любящий человек заявляет о своем чувстве как о личном кредо – праве на любовь, поэтому любовь становится неким социально значимым постулатом поведения поэта в обществе.

Иллюстративность, наглядность, эксплицитность эмоций и чувств лирического героя В.Брюсова поражает своей открытостью, ясностью, - это некоторый вызов патриархальному и скованному нормами обществу. Многогранная экспрессия и глубокая органичная ткань повествования о своих эмоциональных состояниях завораживают читателя [4]. Автор явно настаивает на восприятии своих индивидуальных оценок и суждений, он эпатирует публику, он стремится вызвать или горячее понимание, или протест со стороны слушателей. Эта актерская позиция и расчет на артистическое исполнение стихотворных произведений – словно партитур – следствие авторских интенций поразить публику и заставить ее вслушаться в ритмы, мелодику, интонации и смысл поэтического текста [3]. Сценичность поэтического исполнения – это как раз цель поэта. Он пробуждает в слушателе не пассивного реципиента, а активного собеседника, который или злобно, или же радостно аплодирует поэту. Возможность фонетической интерпретации текста В.Брюсова побуждает читателя встать на его точку зрения, и с позиций авторского «я» прожить жизнь лирического героя так, как хочет В.Брюсов. До этого поэта не существовало такой мощной творческой личности, поскольку поэты не включали сценическое исполнение стихотворений в свои интенции и цели при создании стихотворений. Проблема любви и проблема выражения своего любовного переживания по-новому предстает в интерпретации Брюсова. Он не просто волнуется и не может выразить всю полноту и остроту своих эмоций. Он ставит проблему существования поэта в меняющемся и непрочном состоянии влюбленности, которое не может принести успокоение и покой душе. Он ощущает болезненность любви, ее неотвратимость и вездесущность. Поэт пытается противопоставить свой внутренний мир и свои ценности всей окружающей реальности, он впервые после Лермонтова, заявляет о том, что существует только «он» и «его любимая». Остального в окружающей реальности нет. Публика и общество выносятся за скобки – они абсолютно не нужны для поэта,

который начинает видеть в образе Возлюбленной смысл своего творчества. Любовь является не темой, а проблемой, которую разрешить невозможно, так как она составляет не только объект поклонения, но способ познания самого поэта своего внутреннего «Я». В этом отношении В. Брюсов акцентирует внимание на эгоцентрическом мировоззрении своего лирического героя, борющегося против канонов и стереотипов в изображении страсти. Это мощное кредо авантюриста или эпатазирующего художника. Художественная самореализация и самовыражение считаются главными целями В. Брюсова, который воплощает свои интенции не только в любовном переживании как таковом, но и в актерской форме подачи своего желания выразить страсть и любовь. Вторая проблема любви заключается в том, что поэт находится в вечном поиске идеала, который недостижим. Однако Брюсов решает эту проблему, делая непостоянство в любви методом и способом познания мира [1]. Третья проблема, которую ставит поэт, становится невозможность осознать желания и мысли Возлюбленной. Он начисто отказывается анализировать женскую психологию. В связи с этим можно сделать вывод, что В. Брюсов выражает как раз негативное отношение ко всякому пониманию ответных реакций женщины, его интересует лишь свое поведение и своя роль в страстных личностных отношениях.

Ценностью русской культуры является особое отношение поэтов к женщине, особое уважение к любимой жене или девушке. В русском мире сама природа сравнивается с женщиной, при этом Брюсов вносит в понимание любви некоторые неотвратимые черты, которые будут продолжены А. Блоком. Он нарочитее выводит на первый план чувства эгоцентризма, собственно поэтического выражения «я» лирического героя в максимальном объеме. Однако роль женщины никак не оспаривается, а наоборот, принимает вид отправной точки для появления, развития и мощного воплощения любовного переживания [2]. Аксиология включает в себя изучение ценностей культуры, поэтому мы считаем, что новый взгляд на поэта и его центральную роль в истории человеческих любовных переживаний изменяет эстетическую и этическую картину человеческих эмоций и картину психологических типов речевого поведения лирического героя. Ментальные подтекстовые смысловые наполнения поэтического текста становятся понятны студентам, если сам преподаватель обладает актерскими умениями перевоплощаться в лирического героя – иначе изучать Брюсова с помощью холодного анализа просто невозможно и бессмысленно. Будущие филологи сначала должны проанализировать лексическую и семантическую сторону поэтики, далее – они изучают ритмическую и метрическую форму данного анализируемого текста [4]. И только затем они приступают к синтезированию полученных знаний в момент декламации поэтического текста на основе соблюдения интонационных и просодических законов построения художественной речи [3]. В своем стихотворении «Женщине» (11 августа 1899) все эксплицитные средства выражения почитания Женщины как Иконы свидетельствуют о глубочайшем понимании женской психологии [2]. Однако в имплицитном уровне (в подтексте) мы встречаем лишь нежелание и непонимание мотивов женского поведения и мышления. Любовь не дает возможности логического анализа объекта поклонения. Она слепа. Мужчина не умеет до конца понимать всю иррациональность женского мышления и эмоционального поведения. Он, словно художник, в образе Мадонны под ее внешним обликом помещает свой автопортрет, поскольку стилистика и жанровая принадлежность данного текста свидетельствует об актерской игре, о ролевой предназначенности стихотворения к сценическому выступлению. Смысл и значение в данном поэтическом текст не тождественны [1].

Литература

1. Аветян Э.Г. Смысл и значение. – Ереван, 1979. – с. 44- 49.
2. Валерий Брюсов. Поэтическая Россия. Стихотворения. – М., Советская Россия, 1990.- с. 51, 54, 69., 86- 91.
3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. – М., Наука, 1976. – с. 30 -50.
4. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков , 1905. – с. 10 – 15.

References

1. Avetyan E.G. Smyisl i znachenie. 1979. Pp. 44- 49.
2. Valeriy Bryusov. Poeticheskaya Rossiya. Stihotvoreniya. 1990. Pp. 51, 54, 69., 86- 91.
3. Vinogradov V.V. Poetika russkoy literaturyi. Izbrannyye trudyi. 1976. Pp.30 -50.
4. Potebnya A.A. Iz zapisok po teorii slovesnosti. 1905. Pp.10 – 15.

УДК 80

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЛОЛОГОВ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Долгополов А.В.

Ст. пр. Санкт-Петербургский
Политехнический университет имени Петра Великого,
ИМОП, кафедра русского как иностранного

Мы исследуем в нашей статье необходимость преподавания поэзии Н.Гумилева для будущих филологов и культурологов – и мы исследуем возможность в методическом и педагогическом плане дать студентам основы русской культуры конца 19-ого и начала 20 –ого веков. Мы предлагаем способ к решению лексических проблем, который основывается на методе Сравнения поэтических текстов (К.Балмонт и В.Брюсов) и других поэтов Серебряного века. Мы задаем параметры постулатов теории Н.Гумилева о Слове и о Любви к Свободе в действии и в жизни. Мы предлагаем изучать тексты Н.Гумилева.

Ключевые слова: Н.Гумилев, поиск истины, слова со значением «Свобода, Бог, Поэт, страсть», русская поэзия Серебряного века, сравнение с Брюсовым и Бальмонтом, лексический анализ, поэтический текст, структура.

TEACHING OF POETRY OF NIKOLAY GHUMILIOV IN THE PROCEEDING OF EDUCATION OF FUTURE PHILOLOGISTS ON THE BASES OF RUSSIAN CULTURE AND OF POETRY OF SILVER CENTURY

Dolgopolov A.V.

Saint-Petersburg Polytechnic University
department of IMOP of Russian language

The analysis of texts of poetry of Nikolay Ghumiliov is in the teaching of Russian culture on the methodical system of Russian language science. We investigate the need to teaching of the poetry of Nikolay Ghumiliov for future philologists and for culturologists and we investigate the possibility in the methodical and pedagogical meaning to give the bases of Russian culture of the end of 19 and of begin of the 20 century. We propose an approach to solution the lexical problem , which is based on the method of comparison of poetry (K. Balmont and V. Briusoff) of others different poets of Silver century of Russian poetry. We propose to study the texts of N. Ghumiliov.

Keywords: N. Ghumiliov, the research of the truth, words with the meaning "Freedom, God, Poet, Passion", Russian poetry of Silver century, comparison to Briusoff and to Balmont, lexical analysis, the poetic texts, the structure.

Поэзия Николая Гумилева представляет собой особенно интересную область в преподавании литературы и русского языка на уроках по анализу художественного текста.[1]

Мы выделяем в творчестве Н. Гумилева некоторые главные принципы и философские опоры, которые дают начало новаторству его поэзии:

1. Вера в возрождение души и реинкарнация души в ином душевной оболочке, в ином предмете или лице или животном;

2. Прапамять присутствует в душе поэта и в некоторых образах, умение вспомнить состояния души предшествующих жизней. Явление пост-памяти или памяти после смерти при воплощении в ином духовном или физическом состоянии.

3. Поиск нового испытания и подвига для души, поиск трудностей, поиск непроторенных путей. Опора на себя и на собственные силы при создании новых образов и новой поэзии.

4. Новаторство на уровне ритмики и метрики, строфики, внесение изменений в поэтическую структуру текста, стихосложение видоизменяется под влиянием иных поэтических направлений.

5. Рыцарское отношение к Родине и женщине. Любовь в Отчизне. Служение Богу на поприще поэзии. Честь и достоинство понимаются в прямом смысле слова - и нет компромиссов с властью или социумом.

6. Религиозность поэтического бытия, наполненность картины мира божественными началами.

7. Животные и растения, а также биосфера в целом имеет свою личностную духовную основу.

8. Христианские символы в ткани поэтического текста как отображение борьбы с знакомым материальным миром.

9. Постоянное проживание иных жизней, нет маскарада масок, есть полное погружение в эмоциональное состояние играемых ролей. Поиск божественного начала с разных сторон и с разных ракурсов. Непохожие судьбы в сыгранных ролях и умение перевоплотиться в непохожие персонажи.

10. Противопоставление стереотипам и канонам восприятия мира – неприятие пошлого типа «красивого» искусства.

11. Миссия – очищение души через испытания, ощущение исключительной роли преданного искусству бескорыстного человека. Трагичность рыцаря – умение сопротивляться судьбе. Превосходство над реальной жизнью.

12. Страсть и любовь понимаются как историческое переживание и сущность течения истории.

Данная философская и идеологическая основа творчества Н.Гумилева обосновывает своеобразие его лирики, структурно модифицирует нетождественные образы и наглядно показывает глубину и искренность самых сокровенных чувств и мыслей поэта. Трагичность судьбы поэта обусловлена тем честным служением искусству, которое берет за основу полное перевоплощение в описываемые предмет или личность или животное. Эксплицитные маркеры творчества и структуры текста свидетельствуют о том, что Н. Гумилев испытывает удовольствие не от эстетства и использования красочных экспрессивных средств выражения, а от самого процесса проживания образа, который он играет на поэтической сцене. Идеиные основы

мировоззрения автора способствуют многостороннему отображению «проигрываемой кинематографической ситуации». Реальная жизнь подтверждает любой эстетический факт из поэзии Н.Гумилева. Мир и реальность понимаются автором как отображение личности лирического героя и его внутреннего содержания (эмоции, чувства). Однако лаконизм и скупость в выборе эпитетов и метафор дают нам право утверждать, что мужская психология автора не позволяет эстетствовать и приукрашивать какие-либо детали, упиваться собой, создавать впечатление вместо самоотдачи действию или состоянию души. Нет позы, нет позирования, нет ничего актерского и артистического наносного – есть только истинное переживание и полное преображение в назначенной самим Гумилевым роли. Эта духовная мобильность проистекает от трагического ощущения единения с Космосом и Богом, которые не разрешают поэту разбрасываться словами ради доставления эстетического удовольствия слушателю. Поэт роднится с природными стихиями, он присутствует при рождении новой Вселенной, где бы он ни был. Сладострастие жизни не имеет греха, поскольку поэт упивается и смертью, и борьбой, и любовью. Звездный ужас от понимания основ жизни как утомительного и противоречивого процесса – это первопричина творчества Н.Гумилева. Потребность и желание высказаться в музыкальной или ритмической форме, в слове, где соединяется звук как божественная категория и смысл, как категория чувств и мыслей говорящего – это следствие сложного мыслительного процесса, основанного на использовании способности к мышлению и творчеству. В этом отношении исчисление (математический счет) и учет (анализ) как логические операции человеческого сознания уступают и отодвигаются на низший план мышления и речи. Словесное творчество и художественное мышление становятся носителями божественного разума. Однако об этих философских постулатах Н. Гумилев не повествует подробно – он воскрешает их в бессмертных стихах, в просодической и силлабо-тонической форме – в мелодико-ритмических и эйдолологических структурах. Свобода выбора личности считается основополагающей для поэта, который испытывает себя на прочность в любых ситуациях, требующих мужества и самоотдачи. Шестое чувство управляет процессом творчества, так как интуиция и способность к словотворчеству заложена в нас Богом. Реальный мир представляется отображением иного мира, где постижение истин дается усилиями поэтической воли. Душа предстаёт перед читателем в образе отсветов – то есть лучей отображения сна, в котором пребывают все до их пробуждения. Это идея, восходящая к Платону, чрезвычайно интересна, поскольку на ее основе поэзия становится восстановлением кинематографической картины сознания и подсознания, которые бегут «на дне сна жизни». «Гниющий водоем» жизни и сознания – это уподобление несвободного материального существования и безличностного прозябания. Ему поэт противопоставляет себя и свой поиск истин – борьбу «без упоенья и без страданья». Преображение духа и тела происходит и осуществляется в поэтическом творчестве и в жизненной борьбе, оно заложено в креативной природе человека, который верует в бессмертье своих идей, мыслей. «Из тесной жизни вырваться» – это идеал романтических стремлений всякого поэта, однако он становится принципом и реального жизненного поведения автора стихов. При наличии сильной веры в перерождения человека в лучшую форму существования в зависимости от того, какие благие поступки он совершил, поэт начинает проповедовать отсутствие страха смерти, так как она представляется такой же закономерностью, как и любовь, как служение Музам. В связи с этим стоит рассматривать циклы стихотворений и сборники Н.Гумилева как некое целое, то есть как единый текст. Лирика Н.Гумилева иконична по способу объединения личного волевого потенциала в реальном поведении человека и потенциала духовного и

бессмертного, воплощаемого в словотворчестве как божественном акте. Однако поэт не чувствует своей заслуги в этом, он благодарен за этот дар стихии природы и жизни, благодарен Богу и своему внутреннему желанию любить и страдать.

В отличие от поэзии таких мэтров и классиков, как В. Брюсов и К. Бальмонт, Н. Гумилев по-иному относится к роли поэтического слова. Он не становится эстетом и актером, какими были эти два гениальных автора, но продолжая их поэтические эксперименты и опыты, он выводит поэзию на новую стезю развития, которая будет впоследствии развита и В. Маяковским и Вл. Высоцким. Он привносит в мир поэтических героев самого себя, подобно Артуру Рембо. Он должен испытать на собственном опыте лишения и трудности путешествий, чтобы проникнуться духом исследуемых мест. Хотя на самом деле он занимается анализом собственных ощущений и пропагандой свободы человеческой личности в выборе пути. Его направление в лирике – безусловно – учитывает опыт и наработки В. Брюсова и К. Бальмонта в плане ритмики, строфики, «стихосложенческих новаторств», изменения в эстетических предпочтениях, однако он уже не в силах противостоять своему желанию выделиться из толпы и круга символизма и открыть новое течение – стремление к высоте помыслов и устремлений. К. Бальмонт поражает широтой и глубиной своих познаний и умений, он владеет всей мировой культурой и литературу знает на профессиональном уровне не хуже любого литературоведа, а В. Брюсов до такой степени создает новые способы и методы передачи чувственных и эмоциональных переживаний и волнений, что это удивляет современных психологов. Н. Гумилев берет за основу их концепции познания древних культур и цивилизаций, он полностью разделяет их понимание роли человека в историческом, социальном и культурном аспектах.[3] Однако он начинает играть как раз своей судьбой наилучшего лирического героя, о котором мечтали данные поэты, и вдобавок он становится идеальным прообразом поэта, о котором грезил К. Бальмонт и В. Брюсов. Гумилев является воплощением в реальной жизни тех идеалов, о которых заявляли данные поэты в своей лирике. Понятие Героя, борца, страстного преобразователя мира и любви, страстного служителя свободы и Муз как приобретает свое воплощение в образе странника Гумилева, по-рыцарски страдающего от желания осуществить в словах и поэзии свои взгляды на честную и доблестную мужественную жизнь поэта. Но на наш взгляд, проблема знания о предыдущих жизнях и последующих жизнях своей души – это свидетельство более высокого духовного уровня, по сравнению с данными поэтами. Возможность ощущать себя в теле и душе иного персонажа либо исторического деятеля – это роднит Гумилева и Блоком и Волошиным, то есть людьми, использующими свою интуицию и память в сочетании с механизмами воображения. Безусловно, К. Бальмонт и В. Брюсов также до Гумилева пытались вжиться и тело и душу своих исторических персонажей и героев, однако они не играли на полную мощность, не могли представить свое перевоплощение наиболее трагично и красочно, как это проделал Н. Гумилев в своих стихотворениях. Он постарался добавить искренность и накал тех страстей, которые присущи современным людям эпоха Конца девятнадцатого века и начала века двадцатого. Умение предчувствовать свою смерть, свои новые жизни – это следствие увлечения буддизмом и другими восточными религиями, которые признают вечное перевоплощение души в разных телах. Тем не менее, Н. Гумилев идет еще дальше в своих новых эстетических принципах, он начинает утверждать, что поэт сам волен выбирать форму перевоплощения. Его стихи имеют корни в восточном понимании сознания и подсознания, которые переплетены и связаны с течением истории, и с изменениями в социальном и материальном плане. Духовный мир предстает как театр теней и света и цирком отражений. Безусловно, в

этой своей теории Гумилев следует за И. Анненским, он также проводит параллель между миром зримым и миром незримым, между идеальным и материальными мирами, чем выводит романтизм на новый уровень вербального воплощения. Психологи могут согласиться, что тексты Гумилева, как и выше перечисленных поэтов, наиболее ценны и важны для изучения внутренней жизни личности. Поэзия приобретает черты пособия, по которому возможно изучать эмоции и чувства человека, принадлежащего к русской культуре. Поэтические тексты представляют собой наглядное пособие по обучению чтению и аудированию. В них наглядно и ярко даны те образы, которые помещены в конец строфы – то есть в предел звукового восприятия. Как правило, эти образы достаточно выделены ритмом, метром и интонацией, и в них содержатся аксиологические важные элементы картины мира изучаемой культуры и изучаемого языка. Проблема смысла жизни и смысла поэзии переплетаются и становятся интересным объектом познания.[4] При анализе лирики и поэзии Гумилева возможно проводить также и воспитательную работу, поскольку моральные и этические аспекты жизни человека в обществе в мире рассматриваются поэтом в достаточно эмоциональном ключе. Особенно важно делать акценты (подобно как и при изучении М.Лермонтова), на то что, сам поэт без посторонней воли выбирал наиболее трудные роли в бытовой обыденной жизни (например, африканские приключения и путешествия). Он вел жизнь искателя впечатлений в присутствии опасности. Однако поэт преклоняется перед Богом и считает себя не чем иным, а только голосом, поэтом, он соизмеряет свою личность и Бога. По сравнению с Н.Гумилевым и Бальмонт и Брюсов считают себя демиургами и считают себя в каком-то смысле равными Богу по способности высказывать свои высокие идеи в поэзии. Для обучения филологов, по нашему мнению, наиболее целесообразной формой обращения к поэзии Серебряного века может быть сравнение авторской концепции и авторских приемов поэтики и стилистических особенностей поэтического текста разных авторов, поскольку на фоне родственности и сближенности философских постулатов символизма наиболее ценным является нахождение различий и дифференциаций в структуре художественного текста.[2] Эти находки должны послужить филологам найти специфические индивидуальные черты стиля и поэтики каждого сравниваемого автора и поэта Серебряного века. Поэзия Н.Гумилева в методическом и педагогическом смысле становится инструментом и объектом исследования студентов, а также способом преподавателей ввести будущих филологов в поле российской культуры и цивилизации. Тема памяти и тема ощущения себя как некогда жившего субъекта и того субъекта – который еще будет жить – это интересные в логическом и концептуальном плане разряды, касающиеся и установок психологического и аксиологического рода. Преподавание текстов Н. Гумилева, наряду с текстами К.Бальмонта и В.Брюсова представляет собой особую педагогическую сферу и методическую область, которая могла бы пролить свет на мировоззрение лучших представителей творческой интеллигенции конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Богатая философская и идеологическая платформа, прочная силлабо-тоническая основа поэзии Серебряного века включает в себе ценнейший объект стилистического, лексического и лингвострановедческого рода, поскольку данные поэты интересовались мировой литературой и историей, что позволяет выстроить мосты на основе переключек в семантике лирики при межкультурной коммуникации разных языковых носителей. Особую лингвометодическую ценность представляют собой тексты, в которых кредо поэтов нарочито и выпукло выражено стилистически – это возможно использовать при обучении интонированию и ораторскому искусству. В поэзии К.Бальмонта, В.Брюсова и Н. Гумилева осуществляется эгоцентрический подход к восприятию окружающего

мира, есть мессианство, и есть заявка на панмировое (всемирное) господство поэтов и заявка на право общаться с Богом. Роль активной личности, роль мятежного преобразователя Вселенной близка молодежи и творческому сообществу. Это повышает мотивацию на обучение, так как объекты анализа – это активные творческие личности.

Литература

1. Гумилев Н.с. Стихотворения и поэмы. – Москва: Эксмо. 2010. – с. 20.,198, 204. 212. 170, 220, 231, 208.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – Москва, изд-во Наука, 1970. – с. 30 -40.
3. Русские поэты серебряного века. Том первый – символисты. – Ленинград., Изд-во лен.Ун-та, 1991. – с. 71., 79.,90, 108,113,114, 115,121, 122-123., 124-125.
4. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – Москва, наука, 1983. – с. 20 – 30.

References

1. Gumilev N.s. Stihotvoreniya i poemyi. 2010. Pp.20.,198, 204. 212. 170, 220, 231, 208.
2. Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. 1970. Pp.30 -40.
3. Russkie poetyi serebryanogo veka. Tom pervyyi – simvolisty. 1991. Pp. 71., 79.,90, 108,113,114, 115,121, 122-123., 124-125.
4. PavilYonis R.I. Problema smyisla. Sovremennyiy logiko-filosofskiy analiz yazyika. 1983. Pp.20 – 30.

УДК 80

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ СЦЕНАРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИМИТИРУЕМЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ДИСКУССИОННОГО ПОЛИЛОГА И ДИАЛОГА В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Долгополов АВ.

marystrip@mail.ru

Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Великого, ИМОП,
кафедра русского как иностранного

В процессе обучения русскому языку как иностранному преподаватель должен организовать общение (диалоги и полилоги) по особой профессиональной тематике и проблематике. Он планирует темы, проблемы, микродиалоги, стимулы развития беседы(диалога). Это мы называем сценариями общения. Сценарий общения подразумевает(является) формой и способом планирования дискуссии, диспута или полилога, когда студенты обсуждают какую-либо тему или проблему, связанную с их будущей профессиональной деятельностью. Преподаватель формирует вехи, части, блоки и структуру дискуссии(диалогов). Ролевая игра или ролевое взаимодействие помогает преподавателю и студенту определить(выявить) самые важные проблемные моменты в дискуссии. Это вопрос исследуется в данной статье.

Ключевые слова: диалог, беседа, общение, коммуникация, сценарий, проблема сценария, планирование диалога, структура общения, стратегия и тактика общения, коммуникативный сценарий урока и беседы.

THE PROBLEM OF WRITING AND OF MAKING OF SCENARIO OF THE SOCIAL COMMUNICATION AND SOCIAL CONNECTING INTO PROCEEDING OF EDUCATION AND FORMING OF THE SKILLS OF STUDENTS ON THE PROCEEDING OF THE IMITATION SPEECH SITUATION IN THE DISCUSSION(DISPUTE) AND IN THE POLYLOGUE (DIALOGUE) INTO THE PEDAGOGICAL SYSTEM OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Dolgopolov A.V.

marystrip@mail.ru

St. Petersburg state Polytechnic University named after Peter the Great
Institute of International Educational Programs

In time or proceeding of education of foreign students the teacher of Russian language must write the Scenario of discussion and of communication and he can use the elements and structure of semantic line of communication. He is making the plan and the connecting places into semantic structure of professional discussion. He is helping for the students to understand the important problematic of discussion. We investigate the problems of writing of this scenario of communication in methodic system of education of future economists. We propose an approach to their solution. He is consists in writing of scenario of communication, which is based on the method of interactive roles and special position in the discussion. We next use a system of writing the scenario of communication.

Keywords: dialog, communication, conversation, scenario, problem of scenario, strategic and tactic of communication, the communicative scenario of communication and of lesson.

В практике преподавания любого иностранного языка для экономистов и будущих бизнесменов обязательно присутствует определенный набор или перечень социально значимых функций и ролей, которые говорящий субъект должен и вынужден выполнять, будучи скован потребностями фирмы или потребностями клиентов. Однако существуют и более широкие обязанности, которые выполняет каждый член социального сообщества или фирмы.[1] Обучение русскому языку как иностранному требует внимательного отношения к отбору и планированию алгоритмов общения (что сначала обсуждается; что в продолжении; что обсуждается в конце беседы). Русское общение в микросреде вуза и в рамках аудитории вносит коррективы в сценарную проработку тем и проблем общения. Грамматика является столпом, однако стимулами и ориентирами коммуникации становятся животрепещущие вопросы современности (например, непомерное повышение цен и невозможность удовлетворить свой спрос путем оплаты из-за финансовых затруднений).

В связи с этим приходится формировать и создавать не только цели и задачи обучения студентов, но и сценарии (а также список тем и проблем), поднимаемых при формировании профессиональной и коммуникативной компетенции. [6] На практических занятиях по обсуждению экономических проблем и вопросов, а также в ходе деловой игры или имитации дискуссий и ситуаций, требующих решения задач, преподаватель вводит в вербальную и социальную структуру общения некоторые стимулы речи и катализаторы речевого и социального взаимодействия. Он определяет тактику и стратегию не только образовательного и воспитательного процессов, но и уточняет конкретные речевые и лингвистические задачи и цели внутри имитируемой речевой ситуации общения. Объектом научных исследований становится интерактивное деловое общение самих студентов и группы с самим преподавателем. [3] Обучение в социально значимом поле с заданными ролями является неотъемлемой задачей на первом и втором курсе технического и экономического вуза. Вследствие того что коммуникация в деловом режиме проходит на основе выработанных стереотипов поведения и выученных ролей, следует осуществлять работу по

планированию сценария обсуждения каких-либо проектов или проблем в аудитории, где изучается не просто иностранный язык, а профессиональная лексика, профессиональные проблемы, профессиональные методы и способы социального взаимодействия.[4] Ролевая и социальная структура микро-коллективов и фирм показывает и формирует особые средства и тактику профессионального и речевого поведения на основе социально значимого контакта.[6] В этой связи необходимо было бы определить, какова роль интенций в процессе общения на иностранном языке в имитируемой среде коммуникации. Интенции, формируемые в процессе общения на профессиональные темы достаточно точные и четкие, их можно менять в зависимости от нужд и потребностей фирмы или клиентов или производителей.[3] На рынке товаров и услуг присутствуют различные персонажи и различные герои.[1] Они становятся носителями базовых неделимых функций и значений, которые обязательно должны присутствовать в имитируемых речевых ситуациях делового общения.[2] После изучения какого-либо грамматического явления и после презентации его функционирования в речи обычных говорящих субъектов, безотносительно к их социальной роли в обществе, преподаватель дает социальную значимую профессиональную информацию о том, в каких контекстах и в каких системах коммуникативного взаимодействия показывается и проявляется данное лингвистическое явление.[3] Изучение грамматики, как подчеркивают все методисты традиционного направления в классической методике преподавания иностранных языков, предваряет выход в коммуникацию. Таким образом, студенты воспринимают уже целостный коммуникативный акт или микропроцесс общения делового содержания с особой интенциональной импликацией и экспликацией социальных мотивов и поступков, речевых операций и действий. Эти поступки и действия обязаны своим появлением уже не лингвистической системе изучаемого языка, а профессиональной ролевой структуре коммерческого или некоммерческого взаимодействия.[4] В данной структуре можно было бы выделить определенные конститутивные элементы – цели, прагматические задания, стимулы, мотивы, оценки, суждения, интенции и формы и способы перцепции на синтагматической (речевой) и парадигматической (психолого-социальной) оси общения (коммуникации). Внутренние состояния и психологические настроения связываются в языковой личности воедино, они умножаются на цели и мотивы общения и соединяются с реакциями и оценками, которые возникают как отклик на то, что слушает и читает реципиент. Речевые реакции и оценивание исследуется лингвопсихологами, а порождение речи анализируется психолингвистами, которые учитывают различные параметры социального возбуждения и торможения, проистекающие их социального и речевого контекста (обстоятельств и ситуации).[1] Переживание, желание что-то выразить и намерение подействовать на собеседника становятся факторами, мотивами и каузативной основой коммуникативных интенций.[6] Диалог требует не только собственно лингвистических и коммуникативных навыков и умений, он вынуждает участников коммуникации к сложной работе, которая закладывается в подкорке головного мозга и управляется мозжечком и различными системами организма, гипоталамусом, гипофизом и лобными долями левого и правого полушарий головного мозга. Активизация связана с возникновением особого нервного напряжения в мозге говорящего, однако активизация бывает разная. В процессе восприятия и понимания текста и речи активизируются одни зоны мозга, а при порождении речи и текста происходит возбуждение и мобилизация совсем иных структур. Поэтому деление лингвистических единиц и коммуникативных категорий на те, которые участвуют при порождении и при восприятии текста – это самый важный лингвометодический

процесс. Хотя пренебрегать учетом и анализом социального и профессионального прагматического контекста никак нельзя. Проблема выявления опор и элементов создания сценариев социального общения при написании конспекта урока или блока сценариев по дискуссионному общению достаточно традиционная, – однако она актуально и по сей день, поскольку создание и формирование стимулов, мотивов, лингвистических опор и социального прагматического содержания урока (дискуссии) – это цель и задача каждого преподавателя иностранного языка. Особый вопрос – это то, что мы желаем получить в процессе осуществления и урока и общения как дискуссии. Умение «наметить и выразить точно цели и задачи деловой дискуссии или обсуждения каких –либо экономических проблем» считается первостепенным фактором при создании сценария ролевых игр или сценария полилога, в процессе реализации которых преподаватель дает персонажам те или иные коммуникативные интенции и прагматические установки, - он формирует мотивацию и стимуляцию их мозговой активности. Он управляет процессами социального и речевого взаимодействия. [1] При этом необходимо учитывать социальные психологические парадигмы общения, которые берут начало в культуре, этносе и этике социального взаимодействия говорящих.[4] В процессе диалога культур многие стереотипы поведения переоцениваются – а иные вообще отбрасываются – а некоторые начинают прививаться и использоваться. Лингвистика не исследует этические и этнические правила и законы поведения личности в группе или в чужой иной культурной системе – поэтому изучение иностранного языкового и речевого поведения входит в круг задач и целей профессионального и социального обучения студентов. На этапе предвузовской подготовки этого не удастся сделать, так как требования и стандарты образования обслуживают достаточно узкие потребности общества и личности на первичном этапе обучения иностранному языку на уровне элементарного владения системой языка и системой ценностей изучаемой культуры.[1] Именно в условиях более глубокого и более долгого по протяженности и по структуре обучения на первом и втором курсах вуза следует уделять внимание погружению иностранцев в поле доминантной культуры и систему новых этических и моральных стереотипов поведения и мышления.[6] Однако привитие и создание навыков общения в профессиональной среде – это вторая – сопутствующая цель и задача обучения и воспитания будущих менеджеров и экономистов. Каждый студент должен уяснить и уточнить свой замысел, свою роль, свое предназначение в игре или в деловой дискуссии, прежде чем он приступит к общению и к реагированию на реплики собеседников. [6]

Если в новом социальном и профессиональном мире для студента приняты какие –либо нормы и стандарты поведения, то он обязан удовлетворить им и создать такие речевые единицы и послания, которые будут соответствовать рамкам и этическим правилам поведения в установленной ситуации и при обсуждении заранее уясненных вопросов и обговоренных проблем и задач. [1] Подготовленность речи, ее продуманность, а также заданные преподавателем параметры и роли коммуникации и схемы построения высказываний – это качественные показатели и механизмы создания учебно-речевых ситуаций. Например, одному и другому студенту мы даем роли продавца и покупателя, другим двум – роли производителя и журналиста. Это абсолютно разные мотивационные и каузативные психологические и социальные личности. [2] Журналист опрашивает покупателей и продавцов и производителей о качестве продукции, о ценах, о динамике спроса и его причинах... Производитель всегда оправдывает свое поведение на рынке товаров и услуг, часто защищает и оправдывает себя, если кто-то из потребителей не доволен ценами, или качеством и уровнем услуг, а также размером предложения на рынке. [3] Покупатель зачастую

оценивает ситуацию на рынке узко, он просто хочет удовлетворить свои потребности в товаре или услуге, однако богатый покупатель непредсказуем. Продавец вынужден попадать в ситуацию двоякую и неоднозначную – с одной стороны, он обязан обслуживать клиентов и обеспечивать их товарами или осуществлять ту или иную услугу, чтобы удовлетворить покупателя, а с другой стороны, он должен угодить производителю и дистрибьютеру – продать определенное максимальное количество товаров и услуг, сохранить репутацию фирмы. [2] Но никто не может забыть о том, что все представители рыночного взаимодействия обладают совершенно различными прагматическими установками. Они хотят получить выгоду – однако выгода одного индивидуума противопоставлена выгодам другого индивидуума. [3] Необходимо введение еще дополняющего картину персонажа – эксперта, который как третейский судья сможет оценить со стороны качество товаров и услуг. [2] Эти фоновые знания о социальном взаимодействии стоит формировать перед написанием сценариев общения и дискуссий при создании конспекта урока по изучению иностранного языка в техническом и экономическом вузе.[4] В практике преподавания РКИ следует прибегать к четкому планированию тем и проблем общения, к строгому сценарному методу построения беседы или диалога, а также использовать те сценарии, которые уже были применены коллегами при обсуждении тех или иных животрепещущих вопросов современности, принадлежащих к социальной проблематике развития общества в целом.

Литература

1. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика к основам общей теории. – Москва, Наука. 1977. ---с. 10-15
2. Клобукова Л.П., Нестерская Л.А., Л.Н. Норейко Л.Н., А.А. Воронкова, Правдина Н.Е. Русский язык для экономистов: готовимся к профессиональной деятельности. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. – Москва, Издательство «Русский язык», 2012. – с. 20-25.
3. Кружков И.Э. Янкевич Н.М. Русский язык для экономистов. – Санкт-Петербург, издательство СПб Политехнического университета. 2005. – с. 59-60; 79-80.
4. Слюсарева Н.А. Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов, в книге: Теоретические проблемы социальной лингвистики. – Москва, Наука, 1981.--- с. 25-30
5. Смелкова И.Ю., Е.А. Алымова. Русский язык как иностранный. Научный стиль речи.(экономический профиль). Санкт-Петербург, 2009. – с.148 – 152.
6. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – Москва, Наука, 1977. ---с. 30-35.

References

1. Desheriiev Yu. D. Sotsialnaya linvistika k osnovam obschiey teorii. 1977. Pp. 10-15.
2. Klobukova L.P., Nesterskaya L.A., L.N. Noreyko, A.N. Voronkova, Pravdina N.E. Russkiy yazyk dlia ekonomistov:gotovimsia k professionalnoy deyatelnosti. Utchebnoye posoboye dlia inostrantsev, izutchayuschih russkiy yazyk. 2012. Pp. 20-25.
3. Kruzhkov I.E. Yankevitch N.M. Russkiy yazyk dlia ekonomistov. 2005. Pp.59-60; 79-80.
4. Sliusariova N.A. Problemy sotsialnoy prirody yazyka v trudah frantsuzskih lingvistov, v knige: Teoreticheskiye problem sotsialnoy lingvistiki. 1981. Pp. 25-30.

5. Smelkova I.Yu., Alymova E.A. Russkiy yazyk kak inostranny. Nautchnyy stil retchi.(Ekonomitcheskiy profil). Sankt-Peterburg. 2009. Pp.148—152.

6. Shweitzer A.D. Sovremennaya sotsiolinivistika. Teoriya, Problemy, metody. 1977. Pp. 30—35.

УДК 519.622.2

АДРЕСАЦИЯ ПОЯСНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жукова Ю.В.

Julia-zhukova777@yandex.ru

Астраханский государственный университет

В данной статье исследуется влияние аудитории на пояснения в речах политических деятелей. Особое внимание уделяется доказательству учета аудитории при создании пояснений в политических текстах, интерпретации различных типов аудитории и созданных для них пояснительных конструкций. Результатом данного исследования явился вывод о том, что содержание пояснения зависит от образования, профессиональной принадлежности, политических предпочтений, возрастных параметров аудитории.

Ключевые слова: адресат, аудитория, пояснение, политический дискурс.

ADDRESSING OF EXPLICATION IN POLITICAL COMMUNICATION

Zhukova Yu.V.

Julia-zhukova777@yandex.ru

Astrakhan State University

This article investigates the influence of audience on the explication in speeches of politicians. Special attention is paid to the proof of consideration of audience in the process of making of explications in political texts, interpretation of various types of audience and the explanatory constructions created for them. The result of this study was the conclusion that the contents of the explication depend on education, professional accessory, political preferences, age parameters of audience.

Keywords: addressee, audience, explication, political discourse.

Пояснение трактуется нами как социально значимое коммуникативное действие, обусловленное неполнотой или неоднозначностью высказывания, предвидение предполагаемых несоответствий фоновых знаний адресата. Пояснение достаточно частотно в политическом дискурсе, поскольку в коммуникативное намерение политиков входит желание оказать определенное воздействие на аудиторию, в связи с этим «фактор адресата в речевом воздействии – это один из важнейших факторов коммуникации, предполагающий учет говорящим или пишущим специфических особенностей той аудитории, к которой он обращается в устной публичной речи или письменно» [3, с. 3].

Речи предвыборных кампаний – это благодатный материал для исследования аудитории, где ее можно четко идентифицировать. Важность учета фактора аудитории релевантна в пояснении именно в период выборов. Аудитория априорна, поскольку пояснение строится в зависимости от выбранной аудитории и свойственных ей потребностей. С точки зрения А.П. Чудинова, организация политического текста в значительной степени зависит от его адресата, на основании чего ученый выделяет таких основных адресатов политических текстов, как политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население). «По количественному критерию

разграничиваются индивидуальный, групповой и массовый адресат. Специфика политического дискурса заключается в том, что для политической коммуникации наиболее характерен массовый и групповой адресат» [4, с. 75]. В структуре самого пояснения уже может упоминаться аудитория, как, например, в речи Б.Обамы: «*And I see, most of all, Americans of every party, background, every faith, who believe that we are stronger together -- young, old, black, white, Latino, Asian, Native American, folks with disabilities -- all of us pledging allegiance to that same proud flag*» (<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/10/14/remarks-president-hillary-america-campaign-event>) (*И я вижу больше всего американцев любой политической партии, происхождения, любого вероисповедания, кто полагает, что мы сильнее вместе -- молодые, пожилые, темнокожие, белые, латиноамериканцы, азиаты, индейцы, люди с ограниченными возможностями -- все мы обещаем быть преданными одному гордому флагу*). Пояснение ориентировано на довольно широкий круг населения, поскольку чем больше охват, тем большее количество избирателей проголосует. Многообразие адресатов в пояснении Б. Обамы вызвано необходимостью добиться их поддержки в пользу Х. Клинтон, за которую он активно агитировал в ходе выборов. В пояснении он прибегает к национальной идее, не забывая и о людях с ограниченными возможностями, что показывает его как руководителя, заботящегося обо всех слоях населения.

В ряде случаев текст может быть формально обращенным ко всей аудитории, однако «в действительности имеется в виду один вполне конкретный чиновник, или парламентарий, или ограниченная группа лиц. В особенности это относится к текстам, преследующим тактические цели, стремящимся повлиять на конкретные политические решения [1, с. 35]. Так, целенаправленное обращение к конкретным политическим партиям показывает, что Х. Клинтон видела себя во главе государства и заранее налаживала отношения с этими партиями: «*Everyone – **Republican, Democrat, and independent** – needs to stand up and speak out*» (<https://www.hillaryclinton.com/speeches/remarks-on-working-families-and-her-economic-plan-in-warren-mi/>) (*Каждый – будь то республиканец, демократ и независимый кандидат – должен встать и высказаться*). Хиллари Клинтон как претенденту на президентский пост была нужна в дальнейшем поддержка всех партий, с которыми ей пришлось бы взаимодействовать, осознание этого факта проявляется в особом расположении партий в пояснении, где на первое место она ставит Республиканскую партию в качестве своеобразного «политического реверанса».

Еще одним фактором учета аудитории в пояснении как коммуникативном действии можно назвать уровень образованности той аудитории, к которой обращено пояснение политика, как, например, в речи госсекретаря США Джона Керри в Назарбаев Университете: «*We will not be divided by people who stand for everything that we oppose, and we will not allow our future to be shaped by the forces of ignorance and hate. And **this means** that our strategy must have the support of religious authorities, educators, and citizens who discredit hateful doctrines and help to build stronger and more resilient communities*» (<http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/11/249107.htm>) (*Мы не дадим нас разделять людям, исповедующим все то, чему мы стоим против. И мы не допустим, чтобы наше будущее формировалось под воздействием сил невежества и ненависти. **Это означает**, что наша стратегия должна опираться на поддержку духовенства, педагогов и граждан, развенчивающих ненавистнические доктрины и помогающих создавать более сильные и жизнестойкие сообщества*). Образование, воспитание, духовные ценности – это то, к чему апеллируют политики, в частности, в пояснении, адресованном представителям образованной аудитории, вследствие чего

политические деятели обращают внимание в пояснении на общечеловеческие и нравственные ценности, общегуманитарные проблемы, проблемы морали, актуальные для современной действительности.

В контексте рассматриваемой проблемы релевантной является мысль о том, что «воздействующий потенциал политических выступлений тесно связан с тем, насколько политик может реалистично оценивать ценностную систему адресата и опираться на нее в своей речи» [2, с. 95]. В американском обществе превалирует ценность свободы в разных ее проявлениях. Поскольку Трамп яро выступал против въезда в страну нелегальных иммигрантов-мусульман, этим не могли не воспользоваться демократы, которые акцентировали внимание на факте свободного мира, а не на факте легальности пребывания в стране. *"He talks about banning Muslims from coming to the United States – a land built on religious freedom"* (<https://www.hillaryclinton.com/speeches/remarks-on-criminal-justice-and-immigration-reform-in-washington-d-c/>) (*Он говорит о запрете на въезд для мусульман в Соединенные Штаты Америки – на землю, основанную на религиозной свободе*). В данном примере в пояснении учтены все факторы: во-первых, тематический аспект – это свобода вероисповедания именно в США, что значимо для того, чтобы заручиться поддержкой новой или неопределившейся аудитории; во-вторых, краткая формулировка, простые по семантике слова, что важно для аудитории, плохо знающей английский язык, или малообразованной аудитории, к которой относятся люди различного возраста со средним и неполным средним образованием, занятые физическим или неквалифицированным трудом; в-третьих, эмоциональность слов, поскольку «политику не нужна сочувствующая, но пассивная аудитория <...> ему нужно, чтобы слушатель или читатель ушел не просто убежденным, но и готовым на действие в будущем» [1, с. 19]. Таким образом, сам факт употребления в пояснении слова *свобода* должен вызвать у иммигрантов чувство доверия кандидату, чувство защищенности в стране и, как следствие, желание проголосовать именно за того, кто сможет обеспечить эту свободу.

В пояснении может затрагиваться территориальный признак принадлежности той или иной аудитории, что обуславливает сплочение в одной общей стране, как, например, в речи Б. Обамы: *«So I want all of you to understand, when I reflect back on these eight years, and I think about all the places I've been -- all 50 states -- towns and hamlets and big cities, suburbs and metropolises, and met people from all walks of life, on the factory floor, in classrooms -- there's so much goodness in this country»* (<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/10/13/remarks-president-ohio-democratic-party-dinner>). (*Поэтому я хочу, чтобы вы все понимали, что когда я размышляю над прошедшими восемью годами, то я думаю обо всех местах, где я был, обо всех 50 штатах – маленьких городках и деревнях и больших городах, пригородах и метрополиях, и встречался с людьми из всех слоев общества, в заводских цехах, в классах – в этой стране так много добра*). Особенностью представленного примера является репрезентация двойного пояснения, это наличие факта пребывания во всех 50 штатах США и перечисление от меньшего к большему населенных пунктов или территорий. В пояснении под наименованиями рабочих мест, таких как заводы, подразумевается работающее население, под школьными кабинетами – учителя, родители учеников, то есть «аудитория среднего возраста – наиболее квалифицированная, опытная аудитория, с интересами в сфере профессиональной деятельности, карьеры, улучшения своего материального благосостояния, образования детей, обеспечения жилищных условий» [3, с.10]. Пояснение политика составлено таким образом, чтобы аудитория не осталась обделенной вниманием президента, оно

должно запомниться всему американскому обществу, поскольку является одним из последних выступлений Б. Обамы в качестве президента США.

Таким образом, учет специфики аудитории, её статусно-ролевых характеристик во многом определяет эффективность пояснения как коммуникативного действия и служит залогом успешного выступления политического деятеля.

Литература

1. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов / А.Г. Алтунян. – М.: Логос, 2014. – 384.
2. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
3. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 51 с.
4. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

References

1. Altunyan A.G. Analiz politicheskikh tekstov. Moscow, Logos. 2014. 384p.
2. Parshina O.N. Rossiyskaya politicheskaya rech: Teoriya i praktika. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM». 2012. 232 p.
3. Sternin I.A. Faktor adresata v rechevom vozdeystvii. Voronezh, «Istoki». 2012. 51p.
4. Chudinov. A.P. Politicheskaya lingvistika. 2-e izd., ispr. Moscow, Flinta: Nauka. 2007. 256 p.

УДК 81

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНА «ГЕНДЕР» В ЛИНГВИСТИКЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Колоколова Н.М., к.ф.н., доцент

Астраханский государственный университет

Генералова Е.В., доцент,

Астраханский технический университет

В статье освещаются методологические разработки российских и зарубежных ученых в теории гендерных лингвистических исследований, представлена краткая хронология их становления и развития. В статье анализируются основные подходы в современных зарубежных и российских гендерных исследованиях и основные направления, которые могут быть дифференцированы как концептуально, так и с позиции методологии и характера изучаемого материала. Представлены как теоретические так и практические факты, заявляющие о принципе междисциплинарности в гендерных исследованиях. Такой подход характерен и на уровне исследования конкретных проблем, и на уровне обоснования гендерной асимметрии в целом.

Ключевые слова: гендерные исследования, теория гендера, методология, гендерная асимметрия, междисциплинарный, феминизм, социопсихологический подход, микрореальность, языковое поведение, контрастивная лингвокультурология, когнитивные ресурсы, стереотип, лингвистическая категория.

THEORETISCHE UNTERSUCHUNGEN DES BEGRIFFS "GENDER" IN DER SPRACHWISSENSCHAFT

METHODIK DER GENDERFORSCHUNGEN

Kolokolova N.M., Kandidat der Sprachwissenschaften, Dozent

Astrachaner Staatsuniversität

Generalova E.V., Hochschulassistent,

Astrachaner Technische Universität

The article deals with the methodological development of Russian and foreign scientists in the theory of gender linguistic. This research is done in a brief chronology of the establishment and development. The article analyzes the main approaches in modern Russian and foreign gender studies and guidelines, which can be differentiated both conceptually and from the standpoint of the methodology and the nature of the material being studied. It presents both theoretical and practical facts, claiming the principle of interdisciplinarity in gender studies. This approach is typical at the level of the study of specific problems and on the level of study of gender asymmetry in general.

Keywords: gender studies, gender theory, methodology, gender asymmetry, interdisciplinary, feminism, socio-psychological approach, microreality, language behavior, contrastive cultural linguistics, cognitive resources, stereotype, linguistic category.

Grundlegende philosophische Fragen: das Problem der menschlichen Natur, der Sinn und der Zweck, der Raum und die Zeit der menschlichen Existenz, bekamen in den späten zwanzigsten Jahrhundert eine geschlechtsspezifische Dimension. Dies hat vielen Geschlechterforschungen in verschiedenen Ländern beeinflusst [1].

Das wissenschaftliche Bereich der Geschlechterforschungen sind das Ergebnis intensiver Entwicklung feministischer Praktiken. Der Begriff Gender (Geschlecht), wie die Forscher hinweisen, wurde in den 60-er Jahren des XX Jahrhunderts im wissenschaftlichen Gebrauch eingeführt. In wissenschaftlichen Arbeiten wurde dieser Begriff gebraucht um die Grenze zwischen dem Terminus der biologischen Geschlecht (Sexus) und sozialen und kulturellen Implikation zu ziehen, die man in den Konzepten "männlich - weiblich" einlegt: Trennung der Rollen, kulturelle Traditionen und Machtverhältnisse in Bezug auf das Geschlecht des Menschen [4,7,9,15].

In den 80-er Jahren bekommt man eine neue Phase der Entwicklung dieser leistungsfähigen wissenschaftlichen Richtung , als der Übergang von der Analyse des Patriarchats und spezifischen Erfahrung von Frauen zur Analyse des Gender-Systems. Die Frauenforschungen (women's studies) werden allmählich zu Genderforschung, wo im Vordergrund Ansätze sind , nach denen alle Aspekte der Gesellschaft und Kultur eine Geschlechterdimension haben können. Der Schwerpunkt dieser Forschungen sind eine Strebung zu verstehen, wie Gender existiert, entwickelt sich in allen gesellschaftlichen Bereichen. Das neue Konzept des Geschlechts versetzte das Thema "Frauen" im weiteren Problemfeld der sexuellen Differenz. Einige Forscher weisen darauf hin, dass diese Verschiebung fällt mit dem Übergang von der "Sozialgeschichte" zur "Kulturgeschichte" zusammen. Der Inhalt der "weiblichen" Forschungen waren verbreitet, umfasst die Fragen der Männlichkeit und Sexualität. Zur Zeit haben die Geschlechterforschungen auch die Richtung von "man's studies".

In den 90-er Jahren der Geschlechterforschungen werden verbreitet in vielen sprachwissenschaftlichen Kulturen und setzt sich zur Aufgabe die Untersuchung der Beziehungen zwischen der Gewalt und dem politisch-kulturellen Bereich, die den Druck der männlichen Mentalität zum Ausdruck bringen. Ihre Theorie und Praxis im Westen, wurden nicht nur gegen Sexismus sondern auch gegen Ideologien und Institutionen gerichtet, die wissentlich oder unwissentlich auf der Ungleichheit gebaut sind.

Es gibt unterschiedliche methodische Ansätze in der Geschlechterforschungen. I. A. Zhrebkina [10] unterscheidet zwei wichtigste Methoden: 1) ein Verfahren des "sozialistischen Feminismus" und 2) die Methode der "Theorie der Unterscheidung".

Die erste Art der Methodik der Geschlechterforschungen beruht auf der Tatsache der Anerkennung der subjektiven Identität und insbesondere auf der Anerkennung der fehlenden Unterscheidung zwischen männlichen und weiblichen Typen der Subjektivität. Die amerikanische feministische Tradition gebraucht diese Methode.

Die zweite Art der Methodik geht aus der Unterscheidungen aus, sowohl in der Struktur der Subjektivität als auch innerhalb der Strukturen von weiblichen und männlichen Identität. Dieser Typ entspricht der europäischen und vor allem französischen Tradition der feministischen Theorie und Praxis.

I. A. Zhrebkina weist darauf hin, dass jede Art der Methode ihre spezifische Metasprache der Beschreibung hat. Im ersten Fall gebraucht man die traditionellen Konzepte, wie das Subjekt, das Bewusstsein, das Selbstbewusstsein usw. Er beschreibt die Makroprozesse, strukturierte und sichtbare Prozesse der Wirklichkeit. Die zweite Art der Sprache in der Geschlechterforschungen beschreibt die Mikroprozesse der Wirklichkeit. Mikrorealität ist etwas, was nicht auf der Ebene der strukturierten Identität sondern auf der Ebene der nicht lokalisierbare Vielzahl ist, die nicht in der Einheit des "männlichen" oder "weiblichen" vereinigt wird.

Mit diesem Ansatz ist es wichtig, dass eine Frau etwas ganz anderes in bezug auf den Mann ist, denn das verschiedene System der Realität hat solche Begriffe wie "verschieden", "anderer" und das erlaubt ihr nicht als geschlossenes System zu existieren [10].

O. N. Kolosov unterscheidet drei Hauptansätze in der modernen ausländischen Genderforschungen [7].

Der erste Ansatz besteht darin, dass die Sprache der Frauen und der Männer ausschließlich sozialer Charakter hat und ist auf die Feststellung der sprachlichen Unterschiede orientiert, die durch die Besonderheiten der Umverteilung der gesellschaftlichen Macht in der Gesellschaft erklärt werden. Dabei ist die "männliche" oder "weiblich" Sprache eine Art eines funktionellen Teils der Primärsprache und wird in einigen Fällen verwendet, in denen Sprachpartner auf verschiedenen Ebenen der sozialen Hierarchie sind [2,11-14].

Das zweite "sozialpsychologische Ansatz versteht unter der "weiblichen" und "männlichen" Sprache die Besonderheiten der Sprachverhalten der Geschlechter. Für Vertreter dieser Richtung bestimmen die Statistiken oder die durchschnittlichen Parameter eine Grundlage für psycholinguistische Konstruktionen von männlichen und weiblichen Arten der verbalen Verhalten [10,14,16].

Die Vertreter der dritten Richtung fokussieren sich auf dem kognitiven Aspekt des Unterschieds im Sprachverhalten der Geschlechter. Für sie vor allem ist es wichtig eine Gründung des ganzheitlichen sprachlichen Modells der kognitiven Grundlagen der sprachlichen Kategorien [7,10,13].

In dem modernen wissenschaftlichen Paradigma gelten alle drei Ansätze als komplementär und nur in der Summe haben sie ihre Erklärungskraft [16].

A.V. Kirilina unterscheidet sechs Hauptbereiche, die sowohl konzeptionell als auch vom Standpunkt der Methodik und der Art des Materials bestimmt werden können [10]:

1. Soziolinguistische Geschlechterforschungen
2. Feministische Linguistik.
3. Eigentlich Geschlechterforschungen, die das Sprachverhalten beider Geschlechter untersuchen

4. Forschung der Männlichkeit (die neueste Tendenz , die am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts entstand).

5. Psycholinguistische Forschung. Im Rahmen dieser Richtung werden Forschungen auf dem Gebiet der Neurolinguistik, der Ontogenese der Sprache, der kognitiven Eigenschaften und Unterschiede in der Rede zwischen Männern und Frauen durchgeführt.

6. Linvokulturologische Forschungen, die Hypothese der Geschlechter Subkulturen enthalten [9].

Dennoch glaubt der Autor, dass diese Klassifizierung sehr bedingt ist und alle diese Bereiche haben viel gemeinsam. Und eines der Merkmale der Genderlinguistik ist seine Interdisziplinarität und die Forschungen auf diesem Gebiet können sich gleichzeitig im Rahmen einiger Richtungen entwickelt werden. [10]

Die Entwicklung von quantitativen Linguistik wurde die Motivation für die Forschung auf dem Gebiet Gender Studies, gestellt zur Verfügung der Forscher eine umfassende quantitative und statistische Daten über die Merkmale der Funktionsweise von Sprache in bestimmten sozialen Gruppen [4,7]. Im Schwerpunkt der Forschung von Labov war ein fonologischer Aspekt, in dessen Rahmen festgestellt wurde, dass die Frauen vorziehen, die mehr attraktiven Formen der Aussprache zu verwenden, dass die Frequenz der Unterschiede in der Aussprache bei Männern und Frauen in der englischen Sprache signifikant mit einem Anstieg ihres sozialen Status und Bildungsniveau verringert wird. Ähnliche Ergebnisse wurden in den Forschungen von Gender-Aspekten der Kommunikation auf Material von anderen europäischen Sprachen [6,9].

Ausserdem bewies Labov, dass jeder Sprecher der Sprache variiert und dieselbe phonologische Variante des Wortes in allen Fällen ihrer Nutzung nicht spricht. Diese Schlussfolgerung hatte erhebliche wissenschaftliche Bedeutung , da "die früheren Arbeiten zu Gender-Fragen" enthielten in der Regel implizite oder explizite Folge über die immanente Natur der Unterschiede der männlichen und weiblichen Sprechen als ein biologisch verursachte Faktor".

Große Aufmerksamkeit wurde der Phonologie in der Tradshilla's Forschung geschenkt, der sich mit den Fragen der Aussprachevarianten im Englischen beschäftigte. [11,12].

In der Soziolinguistik kann man auch eine Hypothese über die große konservative "weibliche" Sprache finden, aber das erregt Bedenken gegen Ihre Gültigkeit einiger Forscher [15].

Der Großteil dieser interkulturellen und linvokulturologischen Daten wurde auf der Grundlage der amerikanischen Variante der englischen Sprache erhalten. Aber dieses Problem wurde wenig auf das Material in anderen Sprachen geforscht. Deshalb gibt es eine vollen Vorstellung der Faktoren über das Gender-Bild in der Welt noch nicht. [7-12]. Doch auf der Grundlage der bereits untersuchten Material können wir sagen, dass das nominative Sprachsystem ungleiche Weise manifestiert Konzepte "Männlichkeit" und "Weiblichkeit" und gibt ihnen unterschiedliche Bedeutungen. Sprachverhalten von Männern und Frauen können in Abhängigkeit von den Regeln der jeweiligen Kulturen unterscheiden. Wie A.V. Kirilina hält [10] "für die kontrastive linguistische Kulturologie ist es wichtig die Vergleich der kulturellen Konzepte [5] und ihre Interpretation". Solche Forschungen stellen die Aufgaben der Beschreibung der kulturellen Konzepte von "Weiblichkeit" und "Männlichkeit" und der Identifizierung ihrer Komponenten.

Im Rahmen dieses Ansatzes gilt man die Grundlage der Beschreibung des naive Weltbild, wo die Interaktion und gegenseitige Durchdringung von Kulturen und Sprachen, sowie die Form der Festlegung in verschiedenen Sprachen und kulturelle wichtige der Gender - Informationen gezeigt wurde.

Einige Forscher ausländischer Linguistik konzentrieren sich auf die kognitiven Ansatz, denn ein wichtiger Aspekt der Geschlechterforschung ist auch die Sphäre des sprachlichen Bewusstseins der Sprecher - eine dynamische und komplexe Umgebung, die in der Form von verschiedenen verbalen Konstruktionen existiert und stellt die Einheit der kognitiven, emotionalen und sprachlichen Prozesse dar. Also, in der englischen Sprache, die Verwendung des Pronomens der erste Person erlaubt einige Unterschiede zwischen den Frauen und Männern sprachlichen Bewusstsein zu bestimmen [3].

In der linguistischen Literatur gibt es eine Reihe von Arbeiten, wo der Fragen grammatische Kategorie teilweise studiert werden [4-9].

Die Kategorie des Geschlechts ist ein charakteristisches Merkmal der grammatische Struktur der indoeuropäischen Sprachen, trotz der Tatsache, dass sie verschiedene Grade des bewahrten Geschlechts übergeben, die in der direkten Abhängigkeit von der Festigkeit des Synthetismus im System der Wortveränderung ist. Die Entwicklung von Analytismus im Englischen brachte zur Zerstörung der Wortveränderung und Verlust der Geschlechtsentgegensetzung in den Namen. Auf solche Weise wurde das Geschlechts als versteckte Kategorie, die man durch die Pronomen er, sie, es entdeckt werden kann. Einigen Substantiven, die lebendige Wesen bezeichnen, können sowohl männliche als auch weibliche Geschlecht gehören. Und wenn man das Geschlecht eines Personen oder eines Tiers zeigen muss, so fügt man ein Wort zum Substantiv hinzu, das das Geschlecht zu bestimmt. Auf diese Weise sind im Englischen, neutrale Wörter, die Personen beider Geschlecht bezeichnen, die Wörter des männlichen Geschlechts.

Diese Grundstellung ruft eine negative Verhalten von der Seite der bestimmten Gruppe von Linguisten, die für die Veränderung der Gender -Charakteristik in der modernen englischen Sprache kämpfen. Sie glauben, dass die Verwendung des Maskulinums mit den neutralen Wörter mit der geschichtlichen Entwicklung der englischen Gesellschaft verbunden ist. Damals war sie "eine Gesellschaft für die Männer" mit der vorherrschenden Patriarchat, was die Entwicklung der englischen Sprache stark beeinflusste. Die Forscher schlagen vor, die Wörter mit einem Geschlechtsbegriff "man" auf generalisierendes Lexem "person" zu ersetzen.

In den außereuropäischen Sprachen ist der Gender-Faktor schwach entwickelt [2,4,7]. Zugleich kann man einige Gender - Aspekte der Sprache im interkulturellen Vergleich in den Werken einiger Linguisten finden, die das Thema "Gender" nicht untersuchen [5,12].

Im Grossen und Ganzen unterscheiden die ausländischen Geschlechterforschungen folgende Tendenzen:

- Auf dem Gebiet der Grammatik gibt es einige Unterschiede zwischen männlichen und weiblichen Sprache;
- Geschlechtsunterschiede auf dem Ebene der Sprache als Systems identifizieren gewisse Asymmetrie, die in den Formen von semantischen Lücken manifestieren, wenn eine Bezeichnung für jemanden Konzept in der Sprache fehlt. [13];
- Die Rede der Frauen ist mehr emotionell, was auf ihre Verwendung der expressiven Redewendungen der Gesamtbewertung beeinflusst.

Die Ergebnisse auf dem Gebiet der Geschlechterforschungen zeigen, daß man große Aufmerksamkeit in der Fachliteratur nicht nur konkrete Fakten sondern Terminologie auf diesem Gebiet schenk. [16].

So kann man feststellen solche Begriffe wie "geschlechtsneutrale Sprache» (genderneutral language) gleichbedeutender Begriff "nicht-geschlechtsspezifische Sprache" (non-genderspecific language), «sexistische Sprache» (sexist language), «nicht-sexistischen Sprache» (non sexistlanguage). Die Vielfalt der neuen Begriffe bedarf weiterer Forschung und multilateralen Verständnis.

Statt eines binären Begriffs "Sex" erscheint Plural - "Gender", " der nicht nur eine biologische Substanz, sondern auch ein kulturelles Konstrukt" [11].

Geschlechtsidentität gehört zu den kognitiven Ressourcen, sowohl eines Individuum als auch einer Gesellschaft. Dementsprechend kann das Geschlecht als ein Maß für die Forschungen in vielen Sozialwissenschaften betrachtet werden. Dabei erlaubt die Anerkennung der Theorie von Unterscheidung mehr motiviert zu erklären das Prinzip der Interdisziplinarität in der Geschlechterforschungen. Dieser Ansatz ist typisch für der Ebene der Untersuchung spezifischer Probleme und für die Ebene der Geschlechterasymmetrie.

Überraschenderweise enthalten Geschlechtsuntersuchungen viele Wissenschaften: Philosophie, Soziologie, Geschichte, Anthropologie, Psychologie, Ökonomie, Demografie, Politikwissenschaft, Ethnographie, Kulturwissenschaft und andere.

Geschlechtfaktor wird von solchen Gelehrten-Linguisten als Goroshko 1995 studierte; Bakusheva 1995; Belyanin 1999; Potapov, 1997; Chill-1997; Troshchov 1998; Kirilina 1999v; Khaleeva 1999; Romanov 2000; 2000 Sorokin und andere besonders eng in den letzten Jahrzehnten untersucht.

Die Untersuchung des Phänomens "Gender" verdient eine genaue Aufmerksamkeit von seiten der kognitiven Linguistik, Psycholinguistik, linguistischen Pragmatik, Kommunikationstheorie und Stimmeeffekten und andere Sprachwissenschaften.

Auch wenn das Geschlecht ist nicht linguistische Kategorie, sein Inhalt kann weitgehend durch die Analyse der Sprachstrukturen untersucht werden [3-6, 8].

Литература

1. Багринцева О.Б. Гендерные оппозиции brother-sister и father-mother в субстандартных лексических единицах [Текст] / О.Б. Багринцева// Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. - №5. – С. 124-128.
2. Баско Н.А. Половой дисбаланс и синтаксис простого предложения // Антропоцентризм и прагматика, Кривой Рог – Москва 1995. С. 97-100
3. Бурукина О.А. Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания / Под ред. И.И. Халеевой. М., 2000. С.99-107.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 416с.
6. Витлинская Т.Д. Гендерная вариативность в коммуникативном акте настаивания // Animuset Anima: языковые картины мира и формы речевого поведения / Под ред. А.Л. Романова. - Москва-Тверь, 2000.-С.44-51
7. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма// Гендерный фактор в языке и коммуникации, Иваново, 1999. – С.28-41.
8. Горошко Е.И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи // Человек говорящий: язык, познание, культура/ Под ред. А.А.Романова. – Москва-Тверь, 1995., С.25-36.
9. Грошев И.В. Полоролевые стереотипы и гендерная невербальная коммуникация в зеркале рекламы // Вестник ТГТУ. -№4, 1998. – С.4-50.
10. Жеребкина И. Теория и история феминизма. – Харьковский центр гендерных исследований, Ф-Пресс, 1996
11. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М., 1999. – 190с.
12. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. – М., 1998, №2, С.51-58.
13. Колоколова Н.М. Promissifs exclamatifs des femmes russes et franc aises: analyse contrastive [Текст]/Н.М. Колоколова//Збірник наукових праць «Студентство. Наука.

Иноземна нова». – Харьков: Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, 2012. – С. 195-198.

14. Колосова О.В. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка). Дис....д-ра филол. наук. – М., 1996.

15. Кривых Л.Д. Статус иностранного языка в современном обществе [Текст]/ Л.Д. Кривых// Сборник статей III Международной научно-практической конференции «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях». – Знаменск: Издательский дом «Астраханский государственный университет», 2014. – С. 42-44.

16. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. – М., 2006

References

1. Bagrintseva O.B. Gendernyie oppozitsii brother-sister i father-mother v substandartnyih leksicheskikh edinitsah. Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2011. No.5. Pp. 124-128.

2. Basko N.A. Polovoy disbalans i sintaksis prostogo predlozheniya. Antropotsentrizm i pragmatika, 1995. Pp. 97-100.

3. Burukina O.A. Genderniy aspekt perevoda. Gender kak intriga poznaniya, 2000. Pp.99-107.

4. Vezhbtskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov, 1999.

5. Vezhbtskaya A. Yazyik. Kultura. Poznanie. 1996. 416p.

6. Vitlinskaya T.D. Gendernaya variativnost v kommunikativnom akte nastaivaniya. Animuset Anima: yazykovyie kartinyi mira i formyi rechevogo povedeniya. 2000. Pp.44-51.

7. Goroshko E.I. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya pisma. Genderniy faktor v yazyike i kommunikatsii, Ivanovo, 1999. Pp.28-41.

8. Goroshko E.I. Problemyi izucheniya osobennostey muzhskogo i zhenskogo stilya rechi. Chelovek govoryaschiy: yazyik, poznanie, kultura. Moskow-Tver, 1995. Pp.25-36.

9. Groshev I.V. Polorolevyie stereotipyi i gendernaya neverbalnaya kommunikatsiya v zerkale reklamyi. Vestnik TGTU. No.4, 1998. Pp.4-50.

10. Zherebkina I. Teoriya i istoriya feminizma. – Harkovskiy tsentr gendernyih issledovaniy, F-Press, 1996.

11. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspektyi. Moscow., 1999. 190 p.

12. Kirilina A.V. Razvitie gendernyih issledovaniy v lingvistike. Filologicheskie nauki. Moscow., 1998, No.2, Pp.51-58.

13. Kolokolova N.M. Promissifs exclamatifs des femmes russes et franc aises: analyse contrastive. Zbirnik naukovih prats «Studentstvo. Nauka. Inozemna nova». Harkov, 2012. Pp. 195-198.

14. Kolosova O.V. Kognitivnyie osnovaniya yazykovyih kategoriy (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyika). Dis....d-ra filol. nauk. Moscow, 1996.

15. Krivyyih L.D. Status inostrannogo yazyika v sovremennom obschestve. Sbornik statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Osnovnyie voprosyi pedagogiki, psihologii, lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatelnyih uchrezhdeniyah». Znamensk, 2014. Pp. 42-44.

16. Potapova R.K., Potapov V.V. Yazyik, rech, lichnost. Moscow., 2006.

ГОТИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕРМИН

Колоколова Н.М.

Астраханский государственный университет

Панов Д.Г.

ИП Батаева С.Е.

В данной статье авторы пытаются предупредить русскоязычного читателя от «ложных друзей переводчика» и предостеречь его от коммуникативных ошибок, на примере словосочетания «готическая новелла», принятого как название литературного жанра в литературоведении. Авторы пытаются донести свою заинтересованность данным литературным жанром и привести примеры не только из собственного опыта но и ознакомить читателя с мнением американского критика А.Симпсона. Статья так же содержит краткую биографию американской писательницы Харпер Ли и краткое упоминание о её знаменитом романе «Убить пересмешника» в качестве хрестоматийного примера американской южной готической новеллой. Авторы надеются, что читатели обратят своё внимание на этот жанр литературы, которая может быть полезна в качестве объекта изучения для лиц занимающихся различными аспектами лингвистических наук-лингвострановедением, культурологией, страноведением, историей литературы США, так и просто быть увлекательным чтением высочайшего класса.

Ключевые слова: литературный термин « Готическая новелла», «Готический», средневековая архитектура, стиль литературы 18 века, романтические приключения, литература ужасов, Искусство Литературы, «Замок Отранто», «Русская готическая новелла», « Южная готическая школа американской литературы», Расовые темы, « Убить пересмешника» Харпер Ли, Нелле Харпер Ли, «Едкие комментарии», расовые взаимоотношения, справедливость, честь, семейные ценности, Марк С.Симпсон, «Русская Готическая Новелла и её Британские предшественники», Эндрю Райт, психологический персонаж.

GOTHIC AS A LITERARY TERM

Kolokolova N.M

Astrakhan state University

Panov D.G.

IE Bataeva SE

In this article authors make an attempt to warn Russian speaking readers of English from so-called “false friends of a translator” on the example of literary term “ Gothic” and to prevent communicative mistakes. This mistakes could happen because in Russian the adjective “ Gothic” is usually connected with architecture. In English this word is widely used as a literary term. Then they inform about meaning of this term found in respected English sources. The authors illustrate literary term “Southern Gothic” with Harper Lee’s bestseller “ To Kill a Mocking Bird” . Her name and her book are well known in Russia and nevertheless her book is still interesting for new generations of readers and critics. The article quotes American critics Mark S. Simpson and Andrew Wright claiming “ Understanding of literature of the last two hundred years requires the nature of Gothic” . The authors share their opinion and invite readers to read or reread Harper Lee’s book, have pleasure of reading and find new inspirations in study of Linguistics.

Key words: The literary term, gothic novel, gothic, medieval architecture, 18th century style of literature, romantic adventures in mysterious or frightening settings, “The Castle of Otranto”, “The Russian Gothic novel”, “ Southern Gothic school of American literature”, culture, significance of family, religion, racial issues, decayed settings, eccentric characters, poverty, crime, “ To kill a mocking bird” , Nelle Harper Lee, Gregory Peck, a must read of American literature, narrator, “Boo” Radley, “ tired old town”, Mark S. Simpson , “ Russian Gothic Novel and its British

antecedents”, Andrew Wright, literary phenomenon , Western literary world, good and evil blend together in sometimes indissoluble unions.

The literary term “gothic novel” can be rather misleading for a native Russian -speaking reader of English. The word “Gothic” is usually used in Russian with a connection to Medieval architecture. Nevertheless in English the word has got a wider meaning.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary explains this word among other four meanings as “of or in an 18th –century style of literature which described romantic adventures in mysterious or frightening settings: Gothic novels, horror.”

Webster’s School Dictionary gives some more information: “ of or relating to a literary style characterized by the use of desolate or remote settings and macabre, mysterious , or violent incidents- gothically, adv – Gothicism, n”.

Encyclopedia Britannica has got two articles on the term “Gothic novel”, the first in Micropedia, and the second in Macropedia , in the big article “The art of Literature”.

In the first article it defines the Gothic novel as “ European Romantic, pseudo-medieval fiction having a prevailing atmosphere of mystery and terror. Its hayday was in the 1790s, but it underwent frequent revivals in subsequent countries.”

It also names Horace Warpole’s novel “The Castle of Otranto” (1765) as the initiator of the vogue in England. The article continues that “in the second part of the 20th century the term was applied to paperback romances having the same kind of themes and trappings similar to the originals”.

The definitions do not contradict each other.

So the term has a lot of applications, some rather strange as “The Russian Gothic novel” and one of them is Southern Gothic school of American Literature.

Southern Gothic is a subgenre of Gothic fiction in American literature that takes place in American Southern States or is written by authors who lived, live, or were born there, or accept the style in any way.

Southern American states are: South Carolina, Georgia, Florida, Alabama, North Carolina, Virginia, Tennessee, Mississippi, Louisiana, Texas, Oklahoma, Kentucky, West Virginia, Arkansas and Washington D.C.

These states have a lot common not only in geographical settings but in history and culture as well. Their culture is rather conservative and have a strong focus on the significance of family, religion (Christianity), strong senses of place and community. Racial issues are very important as well.

Despite these common themes there is debate as to what makes writers or their literary works “Southern”. Many authors moved to Northern states during their lives or even were born elsewhere but nevertheless critics and readers define their literature as Southern and Southern Gothic.

Common themes in Southern Gothic are decayed settings, strange or eccentric characters, poverty, crime, racial interrelations and many others.

One of the most famous book of that literary genre is “To kill a mocking bird “ of Harper Lee. The book was published in 1960 and still is a bestseller.

A few words about the author:

Nelle Harper Lee was born on 28.04.1926 in Monroeville, Alabama. Her father was a lawyer, her mother a homemaker. She had two elder sisters and a brother.

Her family was white middle-class and religious. In 1944 Nelle was graduated from high school and started Huntingdon College in Montgomery. The next year she enrolled at University of Alabama for Law school and wrote a column “ Caustic Comment” for University of Alabama campus newspaper. In 1949 she left Monroeville for New York city.

She began to write a novel. On Christmas Day 1956 her friends gave her a full year of financial support to complete her novel. In 1961 her novel “ To kill a Mocking Bird “ awarded Pulitzer prize for fiction. In December 1962 there was a premiere of film “ To kill a Mocking Bird” in Hollywood. The Film was nominated for eight Academy Awards. Nelle developed personal friendship with actor Gregory Peck and his family. Gregory Peck’s grandson was named after her Harper. Ms Lee avoided publicity during her life, her interviews were rare. In 2009 she received Presidential Medal of Freedom. On 19.02.2016 Nelle Harper Lee passed away at age of 89 in Monroeville, Alabama.

Her famous novel, a must read of American literature, is loosely based on her observations of her family and neighbors and has all qualification to be classified as a Southern Gothic novel. The narrator tells us a story about the events occurred in her Southern Town through the eyes of young girl. A brilliant narrator, Harper Lee somehow is able to combine the narrator’s voice of a child with a grown woman reflections on her childhood. Their neighbor Boo Radley represents an outsider , an important element of Southern Gothic literature. Not only he but the whole neighborhood is full of rather odd people. Lee describes “tired old town” Maycomb, Alabama as only a Southerner very well knowing it could do.

Racial issues, justice and honor, moral and family values are all in the focus of the author.

Mark S. Simpson, an American critic, in his book “The Russian Gothic Novel and its British antecedents” quotes American literary critic Andrew Wright claiming that “ understanding of the literature of the last two hundred years requires a knowledge of the nature of Gothic.” He adds that “The Gothic tradition tends now to be viewed as a positive and powerful literary phenomenon, responsible for much change and development within the Western literary world. This is essentially because it is now almost unanimously agreed that a fundamental feature of this Gothic genre is its psychological character. Gothic stories rested upon the assumption that the human mind and spirit represent a disordered but clearly contoured universe in which good and evil blend together in sometimes indissoluble unions.”

And questions as what is good what is evil , a place of a human being in a changing world, reflections of the troubled past, justice and family values will be always of great interest of readers of any age and any social background.

There are much reasons to reread Harper Lee’s “To kill a mocking bird” for literary critic, a student of English or any other person romanced in literature. Thanks God, today it is rather easy to find an original, even a paper book if you like.

If you never read it, do it. It’s a great pleasure. Enjoy it.

References

1. The New Encyclopedia Britannica, Fifteenth Edition 1994, USA
2. Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary
3. Webster’s School Dictionary 1986, USA
4. The Russian Gothic Novel and its British Antecedents Mark S. Simpson Slavica Publishers, Inc. 1986 Columbus , Ohio USA
5. Lee Hunter. "To Kill a Mockingbird": a book for reading in English. SPb .: "Anthology" Publishing House, 2016.320 p.

Литература

1. Новая Энциклопедия Британника 15 издание 1994
2. Оксфордский словарь для изучающих английский на продвинутом уровне.
3. Вебстеровский школьный словарь 1986 США
4. Русская готическая новелла и её британские предшественники

Марк С. Симпсон Славика Паблшез Инк. 1986 Колумбус, Огайо, США.
5. Ли Хантер. Убить пересмешника: книга для чтения на английском языке.-
СПб.: Издательство « Антология» 2016, 320 стр.

УДК 80

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА

Кривых Л.Д.

lud-krivykh@mail.ru

Астраханский государственный университет

Статья посвящена задаче высшей школы по формированию личности профессионала, нацеленной на научно-техническое творчество, а также на удовлетворение личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии. Рассматривается преобладающую роль английского языка в фундаментальном образовании. XXI век - это век информационных технологий. Глобальный характер этих технологий требует наднациональных средств общения. И пока лидирующее положение занимает английский язык как язык наднационального общения. Соответственно отмечается необходимость формирования коммуникативной компетенции. А также привлекается внимание к вопросу формирования двух составляющих: социолингвистической компетенции и социокультурной компетенции. Статья адресована учителям и преподавателям иностранных языков, всем интересующимся вопросами коммуникативного преподавания языков.

Ключевые слова: наднациональные средства общения, коммуникативная компетенция, профессионализация, гуманитаризация.

FOREIGN LANGUAGE AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF GENERAL AND PROFESSIONAL CULTURE OF A SPECIALIST

Krivykh L.D.

Lud-krivykh@mail.ru

ASU Astrakhan

The article is devoted to the problem of the higher school for the formation of a professional identity, aimed at scientific and technical creativity, as well as to satisfy the individual in intellectual, cultural and moral development. We consider the prevailing role of the English language in the fundamental education. XXI century is the age of information technology. The global nature of these technologies requires a supranational means of communication. And while the leading position is occupied by the English language as the language of supranational communication. Accordingly, the author notes the need of formation of communicative competence. As well as we draw attention to the issue of formation of two components: the sociolinguistic competence and social competence. The article is written for lecturers and foreign language teachers, all those interested in questions of communicative language teaching.

Keywords: Supra-national means of communication, communicative competence, humanization, professionalization.

Социальные изменения в обществе и развитие науки повлекли за собой изменения во взглядах на иностранный язык как образовательную дисциплину.

В настоящее время благодаря всё более ускоряющейся интеграции общественных процессов, определившей наднациональный характер научных знаний, изменились требования к современному специалисту и соответственно, возросла роль иностранного языка как средства межнационального общения и обмена знаниями [1].

Основной целью обучения в высшем учебном заведении является не только

профессиональное развитие личности, а также формирование общей культуры личности и иностранный язык становится важнейшим элементом общей и профессиональной культуры специалиста [1-3].

Возрастание роли иностранного языка в техническом ВУЗе продиктовано наднациональным характером научных знаний, являющихся инструментом глобализации интеграционных процессов. Возросший уровень коммуникации между научными сообществами привёл к тому, что знания полученные в отдельных странах и технологии, разработанные на основе этих знаний, становятся достоянием всего человечества вне зависимости от политического строя, национальных особенностей, религиозных убеждений и т. д. Соответственно в методике преподавания иностранных языков объективная необходимость повышения эффективности обучения иноязычной речевой деятельности приобретает императивный характер.

Необходимо отметить превалирующую роль английского языка в фундаментальном образовании. Финансовые ресурсы, направленные англоязычными странами на развитие инфраструктуры образования и науки, на исследование новых технологий, приоритет США в компьютерной сфере и сфере телекоммуникаций выдвигают английский язык на роль языка международного научного сообщества.

Большая часть современной научной литературы во всех областях науки и техники публикуется на английском языке. В международных компьютерных сетях сайты и серверы предоставляют услуги на национальных языках и часто дублируют на английском языке. Английский язык является языком международных конференций. Программное обеспечение для выполнения научных исследований, а также для обеспечения образовательных функций и технических приложений написано в оригинале на основе английского языка.

XXI век -это век информационных технологий. Глобальный характер этих технологий требует наднациональных средств общения. И пока лидирующее положение занимает английский язык [4-5]. И в первую очередь при обучении иностранному языку, в частности английскому языку, необходимо формировать коммуникативную компетенцию. Составляющими данной компетенции являются:

- 1)лингвистическая компетенция;
- 2)социолингвистическая компетенция;
- 3)социокультурная компетенция;
- 4)стратегическая компетенция;
- 5)дискурсивная компетенция;
- 6)социальная компетенция.

В данной статье хотелось бы остановиться на двух составляющих: социолингвистической компетенции и социокультурной компетенции. Чтобы адекватно решать задачи общения, помимо определённых знаний и соответствующих им навыков связанных с лексикой, грамматикой и фонетикой(лингвистическая компетенция), необходимо осуществлять выбор языковых форм, использовать их в соответствии с контекстом(социолингвистическая компетенция). Возьмём пример из фонетики. Нисходящий и восходящий тон . Нисходящий тон выражает законченность, уверенность, решительность, предостережение и т. п. Прощаясь по-английски вы произносите “bye-bye”(пока) с падающей интонацией. Что это значит? А ведь это угроза, предостережение. И, как и в жизни, незнание закона не освобождает от последствий.

На уровне использования лексики и грамматики это ещё заметнее. В английском языке нет мужского, женского и среднего рода, а поэтому не следует называть неодушевлённые предметы «он, она», за исключением названий кораблей

(женский род) и некоторых стран, включая Россию. В английском на вопрос “ Do you like bad weather?” вы должны ответить “No, I don’t” а не как это возможно в русском “Yes, I don’t”. Русское выражение «Да нет!» переводится как “ Of course, not”.

Язык отражает особенности жизни людей. Изучая многообразие планов выражения можно многое узнать и понять о культуре различных стран изучаемого языка и это подводит нас к формированию социокультурной компетенции, то есть способность к ведению диалога культур.[3]

Знать и понимать культуру страны изучаемого языка -это не только «запомнить и уметь воспроизвести»,но и включить опыт эмоционально-чувственного отношения к фактам чужой культуры. Можно отнестись к ним по разному: нейтрально, принять к сведению, с недоверием, даже враждебно или терпимо, с любопытством или с интересом. Всё зависит от уровня ценности той или иной эмоции для обучаемого. И факт чужой культуры переживается как факт личной жизни или как что-то стороннее. Итак диалог культур происходит тогда, когда чужой менталитет становится не чуждым.

Если социокультурная компетенция сформирована достаточно хорошо, то человек способен:

- интерпретировать различные культурные ценности;
- идентифицировать себя с собственной культурой, гражданские качества личности;
- видеть в чужом не столько то, что отличает нас друг от друга, сколько то, что нас сближает и объединяет;
- сопереживать, чувствовать радость и гордость, сострадание и желание помочь.
- адекватно представлять себя и свою страну в другой иноязычной среде.

Таким образом, иностранный язык как средство профессионализации и гуманитаризации личности, является одним из тех учебных предметов, который отвечает двум основным тенденциям высшего образования- удовлетворению интеллектуальных потребностей, поддержанию и приращению уровня знаний, а также возможность получить качественную профессиональную подготовку.

Литература

1. Багринцева О.Б.. Learner’s guide. Методические рекомендации. -Астрахань. Астраханский государственный университет .Издательский дом»Астраханский университет,2012.-56с.

2. Кривых Л.Д. Интеркультурный диалог через интерактивное обучение.(Материалы 7 Всероссийской научно-практической конференции с международным участием »Проблемы и инновации современного общества») МФПУ «Синергия»,2015г.с.297-301.

3. Кривых Н.И.Формирование ценностного отношения к иностранному языку лингвистическими средствами у студентов неязыковых специальностей («Культурология»): Метод. Рекомендации. — Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та , 2003. - 16 с. - ISBN (В обл.).

4. Колоколова Н.М. Коллективная деятельность студентов.// МНПК «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях – Астраханский университет – г.Знаменск – 2015 – с.42-44.

5. Насиханова А.З. К вопросу о сущности понятия «иноязычная компетенция» // Гуманитарные исследования – Астраханский университет – 2013 – с. 41-46.

References

1. Bagrintseva O.B. Learner's guide. Guidelines. Astrakhan. Astrakhan State University .Izdatelsky house "Astrakhan University, 2012.56p
2. Krivykh L.D . Intercultural dialogue through interactive learning. (7 Materials of All-Russian scientific-practical conference with international participation "Problems and innovation of modern society") MFP "Synergy", 2015. Pp.297-301
3. Kolokolova N.M. Collective activity of students-spine .// P BMCs "Basic questions of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions - Astrakhan University, Znamensk, 2015. Pp.42-44.
4. Krivykh N.I .Formirovanie valuable relation to foreign language students linguistic means language specialties ("Cultural Studies") method. Recommendation. Astrakhan, Publishing House of the Astrakhan State. University Press, 2003. 16 p. ISBN (in reg.).
5. Nasihanova A.Z To the question about the essence of the concept of "foreign language competence", Humanities Research. Astrakhan University, 2013. Pp. 41-46.

УДК 372.367

РЕБЕНОК – КНИГА, НАУЧИТЬСЯ ЕЁ ЧИТАТЬ!

Локтионова А. А.

МБДОУ г. Астрахани № 82,

В статье описывается процесс обучения как один из основных процессов психического развития личности. Авторы представили познавательную деятельность и описали ее влияние на развитие психических процессов (ощущения, восприятия, памяти, воображения, мышления и речи). В статье описаны новые современные методики развития творческой личности.

Ключевые слова: обучение, творческая личность, познавательная деятельность, психические процессы.

A CHILD IS A BOOK, LEARN HOW TO READ IT!

Loktionova AA

Astrakhan Municipal budget preschool educational institution number 82

Abstract: The paper refers to the process of education as to the one of the main processes in psychological sdevelopment of a personality. The authors showed the cognitive activity and described its influence on the development of psychical processes (cognition, perception, memory, imagination, thinking and speech). In the article the new modern technologies of a creative personality.

Key words: education, creative personality, cognitive activity, psychical processes.

Движущей силой психического развития является обучение как необходимый путь становления родовых, исторических особенностей человека, как путь «присвоения» ребенком общечеловеческих способностей (Выготский Л. С.) При этом Выготским Л. С. подчеркивалось, что не всякое обучение хорошо, а только то, которое ориентируется на «зону ближайшего развития», на созревающие, а не уже созревшие функции. Общение малыша с миром происходит не только через нас, взрослых, но и самостоятельно. Мир проникает в сознание человека сразу же после того, как он рождается. Это взаимопроникновение и служит основой процесса развития личности.

Ребенок сначала познает мир только чувственным образом. Чувственный мир безграничен, так как лишен стереотипов. Ребенок чувствует себя в нем свободно, и мир открывается ему словно в процессе рисования – постепенно и завораживающе.

Все, что взрослым уже знакомо, все, что, как им кажется, до конца понятно, объяснено и уложено в схемы, ребенок видит впервые, и его восторг так силен, что ему хочется продлить это «впервые» до бесконечности. Но лишь немногие взрослые, которых называют людьми искусства, сохраняют в себе способность бесконечного первооткрытия мира. Здесь и возникают вопросы о том, как же помочь ребенку не превратиться из «маленького гения» в заурядного человека и почему детская восторженная и трепетная оживленность сменяется иногда апатией?

Как организовать познавательную деятельность, чтобы развить психические процессы? (ощущения, восприятие, память, воображение, мышление, а также развитие речи) Какие условия необходимо создать нам, взрослым, для того чтобы не загубить ту самую незаурядную личность, которая только начинает зарождаться в малыше, которая сможет создавать что-то новое, ценное, нешаблонное, нестереотипное.

Главное помочь ребенку осознать себя индивидуальной, талантливой и нужной личностью. А.В. Запорожец писал, что способность понимать прекрасное не только умом, но и сердцем, наиболее успешно развивается лишь тогда, когда ребенок является не пассивным объектом эстетических воздействий, а активно воссоздает художественные образы либо в плане воображения при восприятии произведений искусства, либо участвуя в доступных ему формах художественной деятельности.

Поэтому такой актуальной является разработка новых современных методов обучения, при которых ребенок приобрел бы умение экспериментировать с различными предметами и явлениями, что расширит его возможности самостоятельно, творчески добывать новые знания, выходить за пределы того материала, который дает ему взрослый. Для активизации этого процесса необходимо формировать у дошкольников знания и умения в гибкой, подвижной, вариативной форме. Процесс формирования творчества требует создания условий для поисковой, ориентировочной деятельности. В деятельности ребенок строит свой образ мира, расширяющий и углубляющий возможности его ориентировки и успешного действия в многообразных условиях решения практических задач, которые перед ним ставит повседневная жизнь. Деятельность не остается неизменной в жизни ребенка, она развивается от возраста к возрасту, меняется ее содержание и форма. Отсутствие прямых указаний, создает ситуацию свободной ориентировки в материалах, найденных ребенком способами изображения. Каждое новое знание открывает ребенку малоизвестные стороны познаваемого объекта, возбуждает вопросы, догадки, активизирует мысль детей, придает ей критичность, приучает к самостоятельности в процессе познания. Это иногда вызывает у воспитателя негативное отношение, так как он оказывается неспособным увидеть «индивидуальность почерка» и объясняет его как «неправильное» изображение предмета, персонажа, явления, или как «невыполнение» программных требований.

Иногда создание образа в рисунках младших дошкольников происходит наиболее эффективно, если педагог создает общую композицию, в которой дети находят место своим доступным по возрасту способам изображения. Процесс «сотворчества» включает детей в ситуацию реального действия. Необходимо сохранять атмосферу игры, которая помогает детям понять все указания воспитателя. Обыгрывание персонажа создает условия для формирования сюжетно-игрового замысла как специфического процесса в художественном творчестве детей раннего и младшего дошкольного возраста.

На занятиях по изобразительной деятельности интегрированного характера им предоставляется возможность самостоятельно выбирать цвета красок, карандашей, что способствует развитию чувства цвета. С помощью цвета ребенок передает свое мироощущение. Чтобы процесс происходил успешно, на занятиях создается творческая атмосфера, при которой каждый ребенок имеет право выбора материала, способа изображения.

Такое построение педагогического процесса способствует созданию положительного эмоционального тона на занятиях: дети испытывают радость первых самостоятельных находок в рисунке, лепке, аппликации.

Сам процесс творчества стимулирует эмоциональные проявления ребенка, его стремление к самовыражению. Если методы обучения дают такую возможность (отсутствие шаблона, стереотипов), то процесс творчества доставляет ребенку радость, удовольствие: «Я, как художник»; «Я научился рисовать, лепить», - говорит ребенок. В дальнейшем у него появляется уверенность в себе, и он высказывается «Я – художник», «Я умею рисовать». Эмоциональный отклик на создаваемый образ свидетельствует о стремлении ребенка получить положительную оценку со стороны взрослого и сверстников.

Большое значение имеет воспитание у младших дошкольников стремления сделать работу понятной и интересной для других. Уже на четвертом году жизни дети стремятся получить оценку своих рисунков и других работ, они испытывают удовлетворение от того, что их лепка, рисунок понравились, что дети выразили свое одобрение, отметили их работы. Положительная оценка работы должна даваться по заслугам, т. е. за действительно достигнутое хорошее качество, выразительность, красоту. Конечно, это высокое качество будет соответствовать возможностям детей данного возраста.

В раннем же возрасте ребенок в любом рисунке проявляет свои мысли, эмоции, внутренний мир, поэтому детский рисунок нельзя оценивать с взрослой точки зрения. Он не может быть правильным или неправильным. Ребёнок пытается передать самую суть изображаемого предмета, поэтому нам не всегда понятно, что же кроется за необычной фигурой. В этом, наверное, кроется секрет детской гениальности рисунков.

Немаловажную роль в формировании личностной позиции ребенка как автора своего произведения играет эмоциональный отклик его родителей, бабушек, дедушек и т.д. Вы наблюдали за детьми, когда они выполняют работу-подарок кому-то из своей семьи? С каким эмоциональным подъемом они их дарят и ждут одобрительной оценки от взрослых.

Что же происходит с малышами? Они отождествляют свои работы с частичкой самих себя. Каждый рисунок это маленькая история, эмоциональное переживание. Расстаются с рисунками очень тяжело, даже если это и простые линии или пятна. В большей степени эти работы ни кому не достаются, а со временем имеют значение только для родителей. Ребенок про рисунки в меру своего психического развития забывает. Поэтому очень важно, чтобы работы в раннем возрасте окружали ребенка, как дома, так и в учреждении, чтобы ребенок понимал, как важны его рисунки для окружающих.

Рисунок может многое рассказать специалистам, но родителям следует помнить, что ребёнок не обязан соответствовать их представлениям о его развитии, кроме того, рисунок отображает настроение своего создателя, а оно меняется час от часу. Дети мыслят совершенно иначе, чем мы взрослые и изображают свои детские мысли. Не должно быть критики относительно работ ребёнка, ему нужна похвала и признание. И

конечно, нельзя заставить ребёнка рисовать, любовь к рисованию, скорость работы и количество рисунков глубоко индивидуальны.

Бесспорно, изобразительную деятельность дети дошкольного возраста считают самой интересной. Только разрисовав себя фломастерами или испачкав акварелью, ребенок понимает - есть в жизни счастье...

Мы взрослые порой этого счастья не разделяем, и даже возмущаемся до глубины души, разглядывая художества малыша на стенах, столе. А ведь рисование имеет огромное значение в формировании личности ребенка. Помните, каждый ребенок — это отдельный мир со своими правилами поведения, своими чувствами. И чем богаче, разнообразнее жизненные впечатления ребенка, тем ярче, неординарное его воображение, тем вероятнее, что интуитивная тяга к искусству станет со временем осмысленнее. Воображение и фантазия — это важнейшая сторона жизни ребенка. А развивается воображение особенно интенсивно в возрасте от 5 до 15 лет. Вместе с уменьшением способности фантазировать у детей обедняется личность, снижаются возможности творческого мышления, гаснет интерес к искусству, к творческой деятельности.

Литература

1. Гмошинская М., Воробьева И. Художники в памперсах – М.: Дошкольное воспитание, 2009 г. – 78 с.

2. Казаковцева Р. Г., Рисование с детьми дошкольного возраста: Нетрадиционные техники, планирование, конспекты занятий – М.: ТЦ Сфера, 2006 г. -128 с.

3. Казакова, Т.Г., Теория и методика развития детского изобразительного творчества – М.: ВЛАДОС, 2006 г. – 255 с.

4. Лыкова И. А., Программа художественного воспитания, обучения и развития детей 2-7 лет – М.: Карпуз-Дидактика, 2007 г. – 144 с.

References

1. Gmshinskaja M., Vorob'eva I. Hudozhniki v pampersah M.: Doshkol'noe vospitanie, 2009. 78 p.

2. Kazakovceva R. G., Risovanie s det'mi doshkol'nogo vozrasta: Netradicionnye tehniki, planirovanie, konspekty zanjatij. M.: TC Sfera, 2006. 128 p.

3. Kazakova, T.G., Teorija i metodika razvitija detskogo izobrazitel'nogo tvorchestva. M.: VLADOS, 2006. 255 p.

4. Lykova I. A., Programma hudozhestvennogo vospitanija, obuchenija i razvitija detej 2-7 let. M.: Karapuz-Didaktika, 2007. 144 p.

УДК 81'373

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ИНФОРМИРОВАНИЯ

Мустафина Р.Ф.

Набережночелнинский государственный педагогический университет

В статье проводится анализ употребления формальных глаголов информирования английского языка, исследуется соотношение семантики и прагматики языковых единиц, а также влияние семантического пространства на прагматическое значение глаголов. Прагматическое и семантическое значения взаимодополняют друг друга: семантическое значение влияет на прагматическое, а прагматика употребления в свою очередь расширяет семантику языковых единиц. Немаловажную роль также играет семантическое

пространство глаголов, уточняя контекст употребления, что подтверждается проведенным в статье анализом употребления глаголов.

Ключевые слова: прагматическое значение, семантическое значение, формальные глаголы говорения, контекст.

PRAGMATIC MEANING OF FORMAL VERBS OF SPEAKING

Mustafina R.F.

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

This article analyzes the usage of nine formal English verbs of speaking in some examples from classical literature, studies the correlation between semantics and pragmatics, the influence of semantic field on pragmatic meaning of verbs. Pragmatic and semantic meanings are closely connected: semantic meaning influences on pragmatic one, and pragmatics broadens semantics. The semantic field also plays great role specifying the context what was shown in the article by the analysis of verbs.

Keywords: pragmatic meaning, semantics, formal verbs of speaking, context.

При рассмотрении языковых единиц на первый план выходит их семантическое значение, зафиксированное в словарях, без учета ситуации употребления. При непосредственном же использовании самой единицы большее значение приобретает контекстный смысл, прагматическое значение, выражающееся в предназначении лексической единицы. Другими словами, с какой целью говорящий употребляет именно это слово, и какое значение он придает ему в контексте. В некоторых случаях семантика и прагматика одной и той же лексемы могут не иметь ничего общего между собой, так как человек, употребляя определенное слово, вкладывает в него свое индивидуальное понимание, не зафиксированное в словаре. Это придает лексической единице дополнительный экстралингвистический оттенок, проявляющийся только в определенной речевой ситуации. Данное значение со временем может стать частью семантического, что приводит к расширению сфер употребления языковых средств [2].

Целью данной статьи является выявление в семантике формальных глаголов информирования прагматического компонента, обусловленного употреблением данных глаголов в различных коммуникативных ситуациях. Как известно, коммуникативные ситуации различаются по степени формальности, определяемой, прежде всего возрастом и социальным положением коммуникантов, местом их общения. Для анализа были отобраны десять глаголов информирования формальной сферы употребления: *allege, assert, impart, contend, aver, affirm, avow, proclaim, relate, recount*. Для уточнения их семантического значения использовались словари “Cambridge Dictionary” и “Merriam-Webster”, как наиболее полно передающие информацию о лексической единице. В этом исследовании приведен анализ употребления перечисленных глаголов с прагматической точки зрения на примерах из художественной литературы, так как в художественном тексте могут быть представлены все сферы деятельности человека и, следовательно, он охватывает наиболее широкий круг речевых ситуаций. Рассматриваемые глаголы отмечаются в словаре “Cambridge Dictionary” как формальные и относятся к категории информирования. Данные глаголы, помимо признака формальности, также имеют общие значения. Так, глаголы *assert, contend, aver, affirm* объединяются общим значением «утверждать, сказать правду»; *avow, proclaim* – «заявлять, объявить публично»; *relate, recount* – «рассказать». Отдельно рассматриваются глагол *allege* с определением “to say that someone has done something illegal or wrong without giving proof” и “*impart* – to communicate information to someone”. Согласно классификации иллокутивных актов Дж. Серля употребление данных

глаголов относится к репрезентативам, отвечающими за правдивость суждения с различной степенью убежденности [1].

Как правило, слово имеет более одного значения, которые проявляются в зависимости от контекста, который в свою очередь базируется на словосочетании и предложении текста. При употреблении в речи глагол образует своего рода семантическое пространство для создания связей соответствующих определенной речевой ситуации, в которых значение глагола может расширяться. Сочетание слов расширяет сферу употребления языковых единиц, что говорит о том, что признак формальности глагола не относит его лишь к формальной ситуации речи.

Формальный глагол *allege* (to say that someone has done something illegal or wrong without giving proof) переводится как «утверждать». Определение дает дополнительную негативную коннотацию: не просто утверждать что-либо, а «заявлять о противоправных действиях», что сразу очерчивает круг возможного употребления глагола – формальная ситуация общения в сфере закона, например: The two men *allege* (that) the police forced them to make false confessions [4]. В данном примере употребление глагола *allege* подтверждается связанными с ним словами *forced* и *false*, подчеркивающими семантическое значение и конкретизируя прагматический смысл высказывания. Мы также можем найти примеры употребления данного глагола в художественной литературе, например, в романе Charlotte Bronte “Jane Eyre”: I did not like to walk at this hour alone with Mr. Rochester in the shadowy orchard; but I could not find a reason *to allege* for leaving him. Здесь глагол приобретает дополнительное значение “to offer as a reason or excuse”, которое подтверждается предыдущим предложением в тексте: It is one of my faults, that though my tongue is sometimes prompt enough at an answer, there are times when it sadly fails me in framing an excuse; and always the lapse occurs at some crisis, when a facile word or plausible pretext is specially wanted to get me out of painful embarrassment. Это и объясняет желание героини избежать неловкости ситуации.

Следующий глагол *assert* (to say that something is certainly true) также имеет перевод «утверждать, заявлять» или согласно определению «утверждать правду». Семантическое значение является нейтральным, в прагматическом же контексте правда может иметь как положительную, так и негативную коннотацию. Глагол в следующем примере показывает уверенность автора в своих словах, и наречие *most unhesitatingly* подчеркивает степень уверенности: I *assert* most unhesitatingly, that the religion of the south is a mere covering for the most horrid crimes, - a justifier of the most appalling barbarity, - a sanctifier of the most hateful frauds, - and a dark shelter under, which the darkest, foulest, grossest, and most infernal deeds of slaveholders find the strongest protection (F. Douglass “Narrative of the Life of Frederick Douglass An American Slave”). В данном случае представлена неофициальная коммуникативная ситуация в ее монологической форме речи (выражение отношения автора к религии юга).

Формальный глагол говорения *impart* (to communicate information to someone) также имеет нейтральное семантическое значения, без уточнения определенности передаваемой информации, например: Now let me tell you something more than I could *impart* over the telephone (V. Appleton “Tom Swift In The Land Of Wonders”). Прагматическое значение ситуации выявляется посредством сочетания *something more than I could impart*, что предполагает наличие большей информации для передачи адресату, чем было сообщено сначала по телефону. В другом случае смысл ситуации передается словами *as he says*, что вводит оттенок сомнения в передаче дополнительной информации: Sir, you can; the marquis of Montcalm has, in addition to his other civilities, invited me to a personal interview between the works and his own camp; in

order, as he says, *to impart* some additional information (J. F. Cooper "The Last of The Mohicans"):

Эти примеры иллюстрируют тождественность семантического и прагматического значений, а также употребление формальных глаголов в разговорной речи.

Глагол информирования *contend* (to say that something is true or is a fact) как и предыдущие переводится как «заявлять, утверждать». Формальность использования может быть продемонстрирована на следующем примере: The lawyer *contended* (that) her client had never been near the scene of the crime [4]. Коммуникативная ситуация представляет собой официально-деловую встречу, место проведения – возможно, суд, сфера – закон, уголовное дело.

Похожий на него глагол *aver* (to say that something is certainly true) также характеризуется формальностью употребления, например: The lawyer *averred* her client's innocence. Глагол употребляется и в разговорной речи, например: Some say that she did it in all kindness of heart; while others *aver* that she was none other than the former Sheriff's daughter, and found her revenge at last in this cruel deed (J. Walker McSpadden "Robin Hood"): В прагматическом смысле употребление *aver* предполагает, что говорящие действительно верят в то, что говорят, воспринимают как правду свои слова.

Формальность следующего глагола с такой же семой *affirm* (to state something as true) подтверждается на примере: The suspect *affirmed* (that) he had been at home all evening. Употребление подобного глагола предполагает правдивость последующих слов для автора, например: Anon, as age came stealing, like a sad twilight, back over his figure, you would have felt tempted to hold an argument with Destiny, and *affirm*, that either this being should not have been made mortal, or mortal existence should have been tempered to his qualities (N.Hawthorne "House Of Seven Gables").

Глагол информирования *avow* (to admit something or say something publicly) отличается от предыдущих дополнительным значением «публичности». Данное значение можно проиллюстрировать примером из художественной литературы: "Foolish though it may be, you have often heard me *avow* my faith in the tones of the human voice!" Здесь публичность подтверждается словами *you have often heard*.

С этой же семой в значении представлен глагол *proclaim* (to announce something publicly or officially, especially something positive), но уже с более конкретной передачей смысла употребления (положительная коннотация), как в примере: All the countries *have proclaimed* their loyalty to the alliance. Это довольно часто встречающийся в употреблении глагол, как в формальной, так и в разговорной сфере. Можно привести множество примеров употребления и в художественной литературе. Так, например: Then, as acknowledged (or at least unrumpled) adults, we head towards some fuller, maturer condition, when the narrative has justified itself and we are expected *to proclaim*, or shyly admit, 'Ripeness is all! (J. Barnes "Nothing to Be Frightened Of"). В данном примере официальность значения глагола подчеркивается словами *we are expected*. Положительная коннотация данного глагола видна в следующем примере: 8:00: the cook saved his reputation, cooked a chicken, brought it forth, *proclaimed* it "roast bastard," just as in the Englishman's favorite joke book of natives using incorrect English. But sometimes, eating that roast bustard, the judge felt the joke might also be on him, and he called for another rum, took a big gulp, and kept eating feeling as if he were eating himself, since he, too, was (was he?) part of the fun... (Kiran Desai "The Inheritance of Loss"). Следующий пример интересен негативной коннотацией, так как в своем семантическом значении предполагает лишь положительную (especially something positive): "Mutt Muttu Mutton chop," she yodeled wildly, in a way she could never ever have publicly *proclaimed* her own unhappiness (Kiran Desai "The Inheritance of Loss"). Употребление

существительного *unhappiness* как раз и придает негативный оттенок контексту употребления глагола *publicly proclaimed*, который сохраняет свою публичность. Данный пример наглядно демонстрирует влияние прагматического значения на семантику глагола, что вводит в его употребление дополнительную коннотацию.

Следующие два глагола, как уже отмечалось выше, имеют общее значение «рассказать». Глагол *relate* (to tell a story or describe a series of events) употребляется в формальной ситуации, например: She *related* the events of the previous week to the police [4]. В художественной литературе: Most of the memorable events I have myself been exercised in; and, for the satisfaction of the public, will briefly *relate* the circumstances of my adventures, and scenes of life, from my first movement to this country until this day (John Filson “Adventures Of Col. Daniel Boone”). В данном примере глагол употреблен в своем нейтральном семантическом значении, но имеет характеристику действия в виде наречия *briefly*.

Другой глагол *recount* (to describe how something happened, or to tell a story) передает значение «рассказать», например: Kevin, who’d spent the day at a friend’s house, excitedly *recounted* the movie he’d seen, oblivious of the fact that his mother was barely listening (Nicholas Sparks “Message in the bottle”). В данном случае наречие *excitedly* придает эмоциональность значению глагола.

Рассмотренные примеры употребления перечисленных глаголов информирования показывают влияние окружающего семантического пространства на прагматическое значение самого глагола, которое может отличаться от его определения в словаре либо быть ему тождественным. Анализ глаголов также показал возможность употребления формальных языковых единиц в разговорной речевой ситуации без потери своего первоначального значения. Подобное употребление придает контексту серьезность повествования и увеличивает степень убежденности автора в своих словах. Также приведенные примеры употребления перечисленных формальных глаголов информирования подтверждают их принадлежность к репрезентативам в классификации иллокутивных актов Дж.Серля, так как в разных коммуникативных ситуациях подчеркивают истинность суждения с разной степенью убежденности в сказанном, выраженной семантическим пространством глагола.

Литература

1. Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
2. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива: 2-е изд., испр. и доп./ Е.В. Падучева — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
3. Т.А.ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
4. Словарь “Cambridge Dictionary”: <http://dictionary.cambridge.org/>
5. Словарь “Merriam-Webster”: <https://www.merriam-webster.com/>

References

1. John R. Searle. A classification of illocutionary acts. — «Language in Society», 1976, № 5, p. 1-23. © Cambridge University Press, London, 1976.
2. Paducheva E.V. Semantic study (Semantics time and type in Russian; Semantics narrative), 2 edition/ - М.: Yaziky slavyanskoy kultury, 2010. – 480.
3. Teun Adrianus van Dijk. Language. Knowledge. Communication. В.: BKG Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay, 2000. – 308.

4. Cambridge Dictionary: <http://dictionary.cambridge.org/>
5. Merriam-Webster: <https://www.merriam-webster.com/>

УДК 81

ПРИМЕНЕНИЕ «КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ» В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Муханалиева А.А., Насиханова А.З.

Астраханский государственный университет

В статье представлена технология применения кейс-метода в вузе, который способствует формированию профессиональных компетенций будущего специалиста. Целью использования этого метода ситуационных задач является оптимизация процесса подготовки студентов.

Ключевые слова: кейс-технологии, кейс-метод, ситуация, анализ, метод.

THE USE OF "CASE - TECHNOLOGY" IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING.

Muhanalieva A.A., Nasikhanova A. Z.

Astrakhan state University

The article presents the technology of using case method in the university, which contributes to the formation of professional competence of the future specialist. The purpose of using this method of situational problems is the optimization of students' learning process.

Keywords: case technology, case-method, situation, analysis, method.

В современном образовательном пространстве сложилась тенденция ориентации на развитие познавательного потенциала личности, повышения способности к обучению, овладению новыми системами знания, развитие творческих способностей и расширение их творческих возможностей. При этом повышается ответственность педагога, призванного найти эффективные пути улучшения программы обучения, а вместе с этим выделить оптимальные методы и приемы обучения.

Одним из инновационных и малоизученных способов организации обучения является кейс-технология (Case Study). Суть данного метода заключается в осмыслении, критическом анализе и решении конкретных проблем или случаев (cases). Кейс – это описание ситуации, которая имела место в той или иной практике и содержит в себе некоторую проблему, требующую разрешения. При переходе современного образования в России на Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) системообразующими составляющими стали требования к результатам освоения основных образовательных программ, представляющие собой конкретизированные и операционализованные цели образования.

В связи с данными требованиями ФГОС нового поколения актуализируют деятельностный характер, предполагающий главной задачей развитие личности. Учитывая традиционные представления о результатах обучения в виде знаний, умений и навыков, формулировки нового стандарта указывают на реальные виды деятельности. Современные установки в отечественной образовательной системе требуют перехода к системно-деятельностной парадигме, связанной с принципиальными изменениями деятельности педагога, реализующего новый стандарт в условиях изменения технологии обучения. К последней относится и рассматриваемая кейс-технология. Эта

технология относится к методам активного обучения, т.е. обучение происходит в процессе деятельности.[2]

Как уже было сказано, кейс – технология – это метод активного проблемно – ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач-ситуаций (кейсов). Особенностью метода case – технологий, применяемых на уроках английского языка, является создание проблемной ситуации на основе фактов из реальной жизни. Непосредственная цель метода – совместными усилиями группы проанализировать ситуацию (case), возникающую в определенной учебной ситуации, и выработать практическое решение; окончание процесса – оценка предложенных алгоритмов и выбор лучшего в контексте поставленной проблемы.

К методам кейс – технологии относятся следующие: метод инцидентов, метод разборов деловой корреспонденции, игровое проектирование, ситуационно-ролевая игра, метод дискуссии, кейс – стадии (case-study). Для предложенного нами кейса можно использовать метод дискуссии или метод «case-study» [3]

Дискуссия– это обмен мнениями по какому-либо вопросу в соответствии с более или менее определенными правилами процедуры. Для прочного усвоения знаний и понимания возможности их использования в практической деятельности необходимо не просто прочитать и выучить материал, но и обязательно обсудить его с другим человеком. Метод кейс-стадии предполагает: подготовленный в письменном виде пример кейса, самостоятельное изучение и обсуждение кейса учащимися, совместное обсуждение кейса под руководством преподавателя, следование принципу «процесс обсуждения важнее самого решения».

Особенностями названного выше метода являются следующие: присутствие исследовательской стадии процесса, коллективное обучение или работа в группе, интеграция индивидуального, группового и коллективного обучения, специфическая разновидность проектной технологии, стимулирование деятельности студентов для достижения успеха.[1]

Использование кейс – стадии позволяет приобретать новые знания и навыки практической работы. Этот метод принципиально отличается от традиционных методик: студент равноправен с другими студентами и преподавателем в процессе обсуждения проблемы и поиска истины. Он помогает преодолеть классический дефект обучения, связанный с «сухостью» изложения материала: эмоций, творческой конкуренции и даже борьбы в этом методе так много, что хорошо организованное обсуждение кейса может напоминать мини- спектакль.

Эффективность применения метода кейс-стадии во многом будет зависеть от умения преподавателя руководить образовательным процессом. В таком случае роль преподавателя при применении кейс – технологии вполне определена и ответственна, поскольку преподаватель создает кейс или использует уже имеющийся, распределяет по малым группам ,знакомит с ситуацией, системой оценивания решений проблемы, сроками выполнения заданий, организует работу учащихся в малых группах, определяет докладчиков, организует презентацию решений в малых группах, организует общую дискуссию, выступает с обобщающим анализом ситуации и оценивает студентов. Кейс– это единый информационный комплекс. Как правило, кейс состоит из трех частей: вспомогательная информация, необходимая для анализа кейса; описание конкретной ситуации; задания к кейсу. Отметим, что при решении той или иной проблемы важно не репродуктивное освоение студентами информации, а сотворчество преподавателя и студента, где преподаватель, являясь коммуникативным лидером, направляет учащихся, помогает им самостоятельно добывать, обрабатывать, классифицировать и применять полученные с помощью кейс –технологий знания.

Литература

1. Багринцева О.Б. Социолексикологический анализ терминов родства в социолексикографическом интернет-издании www.slovoborg.ru/ Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях — 2014 — С. 10-13
2. Колоколова, Н.М. Эмотивные компоненты женского промиссива в русском и французском языках/ Н.М. Колоколова//Язык и межкультурная коммуникация. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. - 2016- С. 38-42
3. Муханалиева А.А. О роли нормативного коммуникативного поведения /А.А. Муханалиева//Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях — 2013 — С. 61-64.
4. Насиханова А.З. Различные подходы к определению метода проектов в современных исследованиях/Насиханова А.З.// Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях — 2013 — С. 64-67.
5. Пителина М.В. Национальные особенности образа учебного заведения в англоязычной и русскоязычной рекламе образовательных услуг /М.В. Пителина//Гуманитарные исследования — 2011 — №1 - С. 62-68.

References

1. Bagrineva O.B. Socioleksikologicheskiy analiz terminov rodstva v socioleksikograficheskom internet-isdanii www.slovoborg.ru. 2014. Pp. 10-13.
2. Kolokolova N.M. Emotivnie komponenty zhenskogo promissiva v russkom I francuzskom yazykah. Astrakhan, 2016. Pp. 38-42.
3. Muhanalieva A.A. O roli normativnogo kommunikativnogo povedeniya. Astrakhan, 2013. Pp. 61-64.
4. Nasikhanova A.Z. Raslichnie podhody k opredeleniyu metoda proektov v sovremennyh issledovaniyah. Astrakhan, 2013. Pp.64-67.
5. Pitelina M,V. Nacionalnie osobennosti obrasa uchebnogo zavedeniya v angloyasichnoi I russkoyasichnoi reklame obrasovatelnyh uslug. Astrakhan, 2011. Pp. 62-68.

УДК 811.161.2

NON-INTERFIX SUFFIXAL COMPOUND UNITS IN MODERN UKRAINIAN

Novikova Ye.

Kharkiv National Automobile and Highway University, Kharkiv, Ukraine

The article deals with the status of a compound word in Ukrainian word forming system. The methods of creating innovative non-interfix suffixal compound adjectives have been analyzed. The producing bases and derivational means taking part into compounding have been defined. The most productive formants of such compounding have been determined. The main specifics of prepositive and postpositive element combining have been marked out.

Keywords: compound word, neologism, composite, adjective, derivational meaning.

СЛОЖНОСУФФИКСАЛЬНЫЕ СЛОВА БЕЗ ИНТЕРФИКСА В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Новикова Е. Б.

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

В статье рассмотрен статус сложного слова в украинской словообразовательной системе. Проанализированы способы образования инновационных сложносуффиксальных прилагательных без интерфикса. Определены мотивирующие базы и словообразовательные средства, принимающие участие в основосложении. Выявлены наиболее продуктивные форманты, сопровождающие композицию основ. Указаны особенности сочетаемости препозиционных и постпозиционных элементов.

Ключевые слова: сложное слово, неологизм, композит, имя прилагательное, словообразовательное значение.

Current knowledge and social relations, production improvement and culture development are marked by deep differentiation, variety, further detail, causing the emerging not only synthetic but many new different analytical units, including the adjectives that have structural and semantic peculiarities, their own specifics and regularity of their forming.

On the one hand, forming a large number of compound words at this stage of language development we can explain by the fact that these compound models are productive and diverse, as they have unlimited possibilities in producing new words (one word can combine several concepts), on the other hand, N. Molchanova indicates, this process is caused by extralinguistic factors primarily related to changes in the objective world content, social activities of modern people, active work of human minds [10].

The actuality of the research is determined by the necessity of more profound and comprehensive analysis of innovative complex adjectives that increase their share in the modern Ukrainian language in the last decade, including the study of peculiarities of semantics and structure of these units, and the laws of their forming. Thus, the subject of our work is innovative suffixal compound adjectives in modern Ukrainian without interfix, accordingly the object of the article – the methods of their forming.

Before defining the features of innovative complex words creation we'd like to find out the issues relating to the status of complex words, ways and means of their forming.

The beginning of the XXI century, as noted above, is characterized by intense enriching the vocabulary of the Ukrainian language, including complex neologisms. The complex word is a phenomenon in the lexical and word building systems in Ukrainian. To become complex linguistic expression of several words or bases must be an integral unit of the nomination, which cannot include other autonomous units and are modeled to express word-formative meaning by certain formal means (N. Klimenko [6] O. Kubryakova [8]). Besides, the composite is the result of lexical implementing several semantic categories by means of which the entity carries out the conceptualization of reality; it is characterized by several features: 1) design integrity, 2) morphemic structure polycentricity, 3) semantics integrity [1]. Units of morphemic structure polycentricity are the minimal context where complex semantic processes take place. In complex adjectives, as indicated by O. Rud, not only the meanings of their components are included, but their own “autonomous” content and expressive senses that determine the semantic and descriptive properties of the entire complex word as a whole. New content already emerges in the compatibility of the compound adjectives components [13, p. 7].

The nature of the compound word, according to N. Sologub, causes the condensation of semantics components of that syntactic nominative unit that was the derivational basis for compound word creation [14, p. 72].

Speaking of complex words L. Bulakhovsky notes that they are a kind of specific category “forged words” that are “on the border of word-formation and existing words combination” [2]. Developing this idea, A. Kozhin underlines: “Every compound word, on the one hand, can be considered as a new word, elements of which give it a certain degree of

another morphological design”; on the other hand, every word-composite can be regarded as “a combination of existing words in the language” [7, p. 12].

In the theory of compound words there are still many controversial and debatable, especially it concerns the definition of a composite as a linguistic term, interpretation the methods of compound words forming, clarification word-formative / non-word-formative nature of these methods. The Ukrainian language encyclopedia presents such a definition of complex words: “The complex word is a derivative word formed by base- or word-compounding and has at least two bases” [15, p. 602]. It should be noted that many researchers don’t distinguish between word-compounding (yukstaposition) and base-compounding (composition). Both of these methods are summed up in one concept – word-compounding. Some scientists, including M. Brytsyn, indicates that compounding is the method of complex words creation by combining the bases with interfixes [15, p. 101].

There are different methods of complex words creating in scientific literature: base-compounding, contamination, word-compounding with its variants: fusion, reduplication. As far as not all the mentioned methods have word-building nature we’d like to outline our position.

Similar in structure to complex adjectives are units that are fully identical according their morphemic content in all the forms the equivalent word combinations such as *високопосаджений, свіжовідставлений, лівоналаштований*. This maintains the component syntactic relations and their sequence in the structure of phrases and complex words. In such case we can tell about lexical and syntactic derivational method – fusion [15, p. 83]. New words formed by fusion, as noted by N. Klimenko, are the result of a collecting in one word, lexicalization of two or more units that are close and often repeated in this order in the text. This leads to the emergence of a two-component unit [15]. Fusion derivation method differs from the complex: when fusion there is the lexicalization of the relevant phrase while keeping the components order, and stressing the support component [5].

We consider that the phenomenon of fusion is not a derivational nomination because the newly formed unit does not enter into motivation relations with the original phrase, these units are semantically identical, besides the creation of fusion is not accompanied by the use of derivational means.

As V. Lopatin points out for words-fusions the syntactic link of the corresponding phrase components is typical. It’s translated in such formations into the level of words [9, p. 56]. This attribute, according to A. Nelyuba, results fusion beyond the limits of complex words, because they don’t have any connection morphemes [12, p. 79]. It is difficult to select the derivational meaning and a formant (content carrier) in such units, which also indicates about non-derivational nature of such fusion units.

Reduplication is a complete or partial repetition of the root, base or an entire word. Only adjectives such as *радий-радісінський* perform a nominative function. Reduplicative units are also formed by non-derivational method, and “they are formed as syntactic structures by means of arranging the connection types, but not as morphological structures of simple words by clarifying the semantics of their components” [6, p. 18].

Composites are compound words, formed by the method of base-compounding [6, p. 4]. So we use such definition of the term “composite” in this paper. Base-compounding, as A. Nelyuba notes, is the method of derivational nomination, which is a combination of elements of the generative base using word-forming means [12].

Systematic research of composites Ukrainian linguists began in mid XX. In most cases, the researchers concentrated on the study of complex substantives. The peculiarities of nouns-composites forming were studied by M. Plyushch, P. Plyushch, S. Samiilenko, I. Taranenko and other linguists. In papers of V. Gorpynych, I. Kovalik, N. Rodzevich, Ye. Rudnytsky,

V. Rusanivskiy compound words were considered as a result of concept names lexicalization in the form of word combinations that are accompanied by the change of structure and semantics of the units that serve as components of these composites. The combination of some bases into a single lexical unit causes the formation of a new word that gets formal and grammatical and semantic features of a separate lexical unit. Word building structure and semantics of compound words in modern Ukrainian was thoroughly investigated by N. Klymenko [6]. K. Horodenska interpreted the process of complex nouns creating as a method of formal and grammatical implementing the semantic structure of the sentence [3]. The issue of complex terms were analysed in the works of M. Bogutska A. Burachok, L. Goncharenko, V. Marchenko, V. Ovcharenko. Some aspects of compound adjectives derivation were the subject of study by M. Dolenko, Z. Olijnyk, O. Selivanova, V. Vashchenko, L. Pustovit, N. Sologub, L. Savchenko, O. Styshov, O. Rud, N. Stratulat and others.

Compounding in modern Ukrainian belongs to the most productive method of word formation. It combines the bases with or without connecting vowels, by means of the combination new composites appear.

“The course of the modern Ukrainian literary language” edited by B. Kulik M. Zhovtobryukh fixed two ways of base combining: coordinative (*зубробізон*) and subordinative (*миловар, життєпис*) [5, p. 218]. V. Gorpnich identifies three types of base-compounding: a) forming a derived word from a combination of coordinated individual words: *лісостеп*; b) forming derivative words motivated by phrases: *сільськогосподарський*; a) forming derivatives from the words that are not directly combined in the phrase: *пароплав, фотоательє, паровоз* [4, p. 87–89].

Most compound adjectives emerge from available words in the language according to established derivative models in the modern Ukrainian language. Taking into consideration the semantic relations between the components of the compound words, we identify composites based on coordinating relations created as to productive derivational models with equal meaning of the components (*позитивно-прекрасний, ліцейсько-вузівський, комерційно-активний*). The word-formative meaning of such derivatives is the combination of motivator senses in the autonomous compound word “general character, which is the amount of such features, called base-components”. Within the compound adjectives formed from a combination of coordinated components we select terminological names (*консультативно-діагностичний, електронно-лазерний*).

The dependent relations of components clarifying and specifying the content of the support component of a compound word is intrinsic for adjectives formed from subordinating phrases (*горіхопромисловий, вовнопрядильний, агресивно-сексуальний, вибуховотехнічний, експорторієнтований*).

Compound adjectives based on structural integrity are called to convey a complex trait, property that will allow describe objects and phenomena of reality accurately in one word.

We also fix compound adjectives formed from a combination of generating bases without connecting vowel as prepositive element is mostly a steady word. Adverbs can be such elements (*млявоплинний ← мляво плинути, сліпонамацувальний ← сліпо намацувати, легковійний ← легко віяти, марнохвальний ← марно хвалити*).

Such neologisms are formed only by the material expressed suffixal element *млявоплинний ← мляво плинути, сліпонамацувальний ← сліпо намацувати, важкомовний ← важко мовити*). We have not found the examples of innovations with zero suffix element.

Most of these composites are formed using the suffix *-н-* (*марнохвальний ← марно хвалити*) and its variants (*сліпонамацувальний ← сліпо намацувати,*

телеапокаліптичний ← *телевізійний апокаліпсис*) and **-(ів)ськ-** (*гарріпоттерівський* ← *Гаррі Поттер*, *денбраунівський* ← *Ден Браун*, *ньюджерзійський* ← *Нью-Джерзі*), *джекклондонівський* ← *Джек Лондон*, *роланбартівський* ← *Ролан Барт*)

The motivators of complex suffixal adjectives-composites without interfix are mostly adverbial and verbal basis: *важкомовний* ← *важко мовити*, *марнохвальний* ← *марно хвалити*, *млявоплинний* ← *мляво плинути*. Substantive and adjective-noun producing basis are almost unproductive: *деньнародження*, *кругстінний*.

As noted above, the most productive prepositive element of complex adjectives is an adverb. We fix adverb *важко* with the meaning “that requires a lot of tension, a lot of effort for the implementation and so on”, that form neologisms with subordinating relation *важкомовний* ← *важко мовити*, *важкотворний* ← *важко творити* (<...> *Там, де сама мовна стихія підказує, що слово важкомовне і важкотворне, доводиться ці слова зачитувати* [11, с. 24]).

Idiom *день народження* is a motivator for neologism-composite *деньнародження* (<...> *Яка з неземною вишуканістю задмухувала на постерах єдину свічку на «деньнародженному» торті*). From the verbs *віяти*, *хвалити*, *плинути*, *намацувати* and adverbs of action a range of innovative units was created: *легковійний*, *марнохвальний*, *млявоплинний*, *сліпонамацувальний*.

The proper names are often components of composites:

– names, surnames, nicknames both real people, including writers (*емільзолівський* ← *Еміль Золя*, *теннесівільямсівський* ← *Теннесі Вільямс*, *джейностіновський* ← *Джейн Остін*, *джекклондонівський* ← *Джек Лондон*), philosophers (*роланбартівський* ← *Ролан Барт*), artists (*ван-гогівський* ← *Ван Гог*) and imaginary (*гарріпоттерівський* ← *Гаррі Поттер*, *урфінджюський* ← *Урфін Джюс*);

– names of musical bands (*депешмодівський* ← *Депеш Мод*);

– names of political parties (*нетактний* ← «*Не так*»), etc.

By analogy to commonly used *потоїбічний* it was formed non-interfix innovative unit *затойбічний* from a preposition-pronoun-noun generating base *за той бік* (*А в діль затойбічний заміс. День занеможе на чорну хворобу ночі, А я на безсоння – біліше од страху беріз*).

Thus the prepositive element of compound adjectives formed from a combination of motivators without interfix is mostly a steady word (adverb, unchangeable noun). Such neologisms are formed only by the material expressed suffix. These adjectives-composites can be formed from onyms that are complex names (names and surnames, city names, names of events, holidays, etc.). There are a few new compound adjectives, the motivational basis of which is phraseologisms with a noun as the main component (it is expressively coloured). The derivation of innovative suffixal compound adjectives with interfixes in the modern Ukrainian literary language may be accompanied by morphological changes.

Література

1. Алексеева Е. В. Адъективные новообразования в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. В. Алексеева. – СПб., 2011. – 185 с.

2. Булаховський Л. А. Нариси з загального мовознавств : навч. посіб. / Л. А. Булаховський. – [2-ге вид., випр. і доп]. – К. : Радянська шк., 1959. – 307 с.

3. Городенська К. Г. Префіксально-суфіксальний словотвір / К. Г. Городенська // Словотвір сучасної української літературної мови. – К. : Наук. думка, 1979. – С. 285–313.

4. Горпинич В. О. Морфологія української мови : підр. / В. О. Горпинич. – К. : Академія, 2004. – 334 с.
5. Жовтобрюх М. А. Курс сучасної української літературної мови в 2 ч. / М. А. Жовтобрюх, Б. М. Кулик. – Ч. 1. – К. : Вища шк., 1972. – 406 с.
6. Клименко Н. Ф. Термінування і детермінування в процесах інтелектуалізації сучасної української мови / Н. Ф. Клименко // *Studia Linguistica* : збірн. наук. праць. – К., 2009. – Вип. 3. – С. 100–107.
7. Козырев В. А. Русская лексикография : пособ. для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
8. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Либроком, 2010. – 88 с.
9. Лук'яненко С. С. Лексико-словотвірні інновації в українському соціально-політичному назовництві : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. С. Лук'яненко. – Х., 2009. – 208 с.
10. Молчанова Н. Ф. Сложные прилагательные в современном русском языке : учеб. пособ. / Н. Ф. Молчанова. – Йошкар-Ола, 1994. – 100 с.
11. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації. 2012–2013 : слов. / А. Нелюба, Є. Редько [заг. ред. А. Нелюби]. – Х. : Харк. істор.-філол. т-во, 2014. – 172 с.
12. Нелюба А. Явища економії в словотвірній номінації української мови / А. Нелюба ; відпов. ред. К. Городенська. – Х., 2007. – 302 с.
13. Рудь О. М. Художньо-виражальні функції складних слів в українській поетичній мові ХХ ст. : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Рудь. – К., 1998. – 264 с.
14. Сологуб Н. М. Мовний портрет Яра Славутича / Н. М. Сологуб. – К. : Дніпро; Вінніпег : Укр. вільна акад. наук, 1999. – 152 с.
15. Українська мова : енцикл. / редкол. В. М. Русанівський (співголова), О. О. Тараненко (співголова), М. П. Зяблюк та ін. – [2-ге вид., випр. і доп.]. – К. : Вид-во Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2004. – 824 с.

References

1. Alekseeva E. V. Adektyvnye novoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke : dys. ... kand. fylol. nauk : spets. 10.02.01 «Russkiy yazyk» / E. V. Alekseeva. SPb., 2011. 185 p.
2. Bulakhovskiy L. A. Narysy z zahalnoho movoznavstv : navch. posib. L. A. Bulakhovskiy. K. : Radianska shk., 1959. 307 p.
3. Horodenska K. H. Prefiksialno-sufiksialnyi slovotvir. Slovotvir suchasnoi ukrainskoi literaturnoi movy. K. : Nauk. dumka, 1979. Pp. 285–313.
4. Horpynych V. O. Morfolohiia ukrainskoi movy : pidr. K. : Akademiia, 2004. 334 p.
5. Zhovtobriukh M. A. Kurs suchasnoi ukrainskoi literaturnoi movy v 2 ch. Ch. 1. K. : Vyshcha shk., 1972. 406 p.
6. Klymenko N. F. Terminuvannia i determinuvannia v protsesakh intelektualizatsii suchasnoi ukrainskoi movy. *Studia Linguistica* : zbirn. nauk. prats. K., 2009. Vyp. 3. Pp. 100–107.
7. Kozyrev V. A. Russkaia leksikohrafiia : posob. dlia. Moscow, Drofa, 2004. 288 p.
8. Kubriakova E. S. Teoriia nominatsii v slovoobrazovanii. Moscow, Librokom, 2010. 88 p.
9. Luk'ianenko S. S. Leksyko-slovotvirni innovatsii v ukrainskomu sotsialno-politychnomu nazovnytstvi : dys. ... kand. filol. nauk : spets. 10.02.01 «Ukrainska mova». Kh., 2009. 208 P.

10. Molchanova N. F. Slozhnye prylahatelnye v sovremennom russkom yazyke : ucheb. posob. Yoshkar-Ola, 1994. 100 p.
11. Neliuba A. Leksyko-slovotvirni innovatsii. 2012–2013 : slov. / A. Neliuba, Ie. Redko [zah. red. A. Neliuby]. Kh. : Khark. istor.-filol. t-vo, 2014. 172 p.
12. Neliuba A. Yavyshcha ekonomii v slovotvirnii nominatsii ukrainskoi movy / A. Neliuba ; vidpov. red. K. Horodenska. Kh., 2007. 302 p.
13. Rud O. M. Khudozhno-vyrazhalni funktsii skladnykh sliv v ukrainskii poetychnii movi KhKh st. : dys. ... kand. filol. nauk : spets. 10.02.01 «Ukrainska mova» / O. M. Rud. K., 1998. 264 p.
14. Solohub N. M. Movnyi portret Yara Slavutycha / N. M. Solohub. K. : Dnipro; Vinnipeg : Ukr. vilna akad. nauk, 1999. 152 p.
15. Ukrainska mova : entsykl. / redkol. V. M. Rusanivskyi (spivholova), O. O. Taranenko (spivholova), M. P. Ziabliuk ta in. K. : Vyd-vo Ukr. entsykl. im. M. P. Bazhana, 2004. 824 p.

УДК 378

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
ВУЗЕ**

Руденко Н. В.

rud_nat@ukr.net

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

В данной статье изучается проблема межкультурной коммуникации при обучении иностранных студентов в поликультурной среде высшего учебного заведения. Особое внимание уделяется внутренним и внешним психолого-педагогическим условиям подготовки студенческой молодежи к межкультурному взаимодействию в образовательной среде вуза, а именно формирование ценностного отношения к другой культуре на основе этнической толерантности; наличие у студентов сильной мотивации к межкультурному взаимодействию; развитие рефлексии собственного отношения к представителям другой культуры в процесс межкультурной коммуникации, благоприятный психологический климат в группах со смешанным национальным составом.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, иностранные студенты, вуз, межкультурное взаимодействие.

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF TRAINING
FOREIGN STUDENTS TO CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN HIGH
SCHOOL**

Rudenko N.V.

rud_nat@ukr.net

Kharkiv National Automobile and Highway University

In this paper we study the problem of cross-cultural communication in training foreign students in the multicultural environment of higher educational institution. Particular attention is paid to internal and external psychological and pedagogical conditions of training students for cross-cultural interaction in the educational environment of high school, namely the creation of valuable attitude to different cultures based on ethnic tolerance; the presence of students' strong motivation for intercultural interaction; the development of self-reflection relationship to other cultures in the process of cross-cultural communication, a favorable psychological climate in mixed ethnic groups.

Key words: cross cultural communication, foreign students, high school and intercultural interaction.

Расширение международных связей в XXI в., мировые тенденции глобализации напрямую зависят от нового поколения активной молодежи, студенчества. Именно студенчество - наиболее активная часть общества - призвано осуществлять межкультурное сотрудничество с представителями различных национальностей. Нетерпимость к инаковости, оскорбление национальных чувств, оскорбление национального достоинства личности, непонимание проблем людей, принадлежащих к другим конфессиям, незнание большинством студентов культуры других народов и неумение подобрать адекватную и корректную форму поведения и общения по отношению к ее представителям доказывают важность и необходимость определения совокупности эффективных психолого-педагогических условий подготовки студенческой молодежи к межкультурному сотрудничеству в образовательной среде вузов [3].

Теоретический анализ монографий и диссертационных исследований (Т. Н. Язвинский, С. Ю. Радоновых, Т. В. Черватюк, Л. Ф. Гайсина, Л. Г. Слободжанкина, М. С. Сафина, Е. В. Тройник, Г. В. Захарова), а также практическая работа в вузе позволили выделить внутренние и внешние психолого-педагогические условия подготовки студентов к межкультурной коммуникации в вузе [2].

К внутренним психолого-педагогическим условиям мы относим формирования ценностного отношения к другой культуре на основе этнической толерантности; наличие у студентов сильной мотивации к межкультурному сотрудничеству; развитие рефлексии собственного отношения к представителям другой культуры в процесс межкультурной коммуникации.

Внешние психолого-педагогические условия подготовки к межкультурной коммуникации включают усвоение студентами элементов украинской культуры, применение инновационных, развивающих образовательных технологий, активных форм обучения и воспитания на основе сотрудничества и взаимопонимания, благоприятный психологический климат в группах со смешанным национальным составом. Рассмотрим вышеназванные группы психолого-педагогических условий подробнее.

Первым внутренним психолого-педагогическим условием является формирование ценностного отношения к другой культуре на основе этнической толерантности. Формирование готовности студентов к межкультурному сотрудничеству предусматривает тесное межкультурное взаимодействие, обостряет вопрос сохранения национальной самобытности. В решении этой проблемы особое значение приобретает формирование у студентов ценностного отношения к другой культуре как источнику развития мышления, модели поведения и форм деятельности, обеспечивающих самореализацию и свободу культурного самоопределения.

Формирование ценностного отношения к другой культуре предусматривает расширение и углубление знаний студентов в области социологии, межкультурной коммуникации, этнопсихологии; формирование положительного эмоционального отклика по отношению к особенностям поведения, традициям студентов-иностранцев; диалог культур украинских и иностранных студентов; отношение к представителю другой культуры как к равноправному участнику межкультурной коммуникации [4].

При этом этническая толерантность, ценностное отношение к другой культуре является именно той основой, без которой невозможно бесконфликтное взаимодействие иностранных студентов, и, тем более, их межкультурная коммуникация в образовательном пространстве вуза.

Вторым внутренним психолого-педагогическим условием является наличие у студентов мотивации к межкультурной коммуникации. Формирование устойчивой

мотивации к межкультурному взаимодействию является процесс осознания студентами сущности и необходимости межкультурного сотрудничества в целом и в их будущей профессиональной деятельности, в частности. При этом культурные различия в группах со смешанным национальным составом должны рассматриваться как преимущество, как стимул к формированию у студентов интереса, потребности, способности понимать и уважать культурное многообразие, которые могут служить основой обогащения общечеловеческой культуры, эффективной движущей силой в решении политических, экономических, социальных проблем, а также условием развития всей человеческой цивилизации.

Третьим внутренним психолого-педагогическим условием является рефлексия студентами собственного отношения к представителям другой культуры в процесс межкультурной коммуникации.

Рефлексия в ходе межкультурного взаимодействия предполагает выявление возможных трудностей в процессе совместной деятельности, ошибок и путей их исправления и корректировки, актуализацию внутренних сил участников, самоанализ, диагностику собственных качеств и свойств, способности к самосовершенствованию [1].

Очень важно, чтобы иностранные студенты под руководством педагога имели возможность открыто обсудить проблемы, конфликты и ошибки, возникающие в ходе совместной деятельности, анализировать причины их возникновения, предлагать различные пути их преодоления.

Литература

1. Кузьмин Е. С. Руководитель и коллектив / Е.С. Кузьмин, И. Б. Волков, Ю. Н. Емельянов. – Л. : Лениздат, 1974. – 167 с.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М., Издательство «Наука», 1984. – 226 с.
3. Смолкин А. М. Методы активного обучения / А. М. Смолкин. – М., 1991. – 179 с.
4. Шепель В. М. Имиджология: Секреты личного обаяния / В. М. Шепель. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ., 1994. – 320 с.

References

1. Kuzmin E. S., Volkov I., Yemelyanov N., Kuzmin E. S. Director and staff. St. Petersburg, 1974. 167 p.
2. Lomov B. F. Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow, "Nauka" Publishing House, 1984. 226 p.
3. Smolkin A. M. Methods of active learning. Moscow, 1991. 179 p.
4. Shepel V. M. Imageology: Secrets of personal charm. Moscow. Culture and Sports, UNITY, 1994. 320 p.

УДК 811.11+659.1

ТИПЫ ВЫДВИЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ

Самарина В. В.

samarinaviktoria@mail.ru

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

В статье исследуется реклама как текст и как дискурс, поскольку реклама является неотъемлемой частью современной культуры. В статье рассмотрены стилистические

средства, типы выдвигения, которые используются для концентрации смысла в тексте рекламы и акцентировании внимания на элементе текста.

Ключевые слова: рекламный дискурс, стилистические фигуры, типы выдвигения, конвергенция, сцепление, эффект обманутого ожидания.

TYPES OF FOREGROUNDING

Samarina V. V.

Kharkiv National Automobile and Highway University

The article deals with the study of advertising text and discourse, because advertising is an integral part of modern culture. The article addresses the stylistic means, types of foregrounding, which are used for the concentration of the meaning in the advertising text and for the accentuation of the attention to the text element.

Key words: advertising discourse, stylistic figures, types of foregrounding, convergence, coherence, false expectation effect.

Стилистическое наполнение текста рекламы производится многочисленными стилистическими приемами, выбором композиции, лексикой, адекватной целям и прагматическим функциям рекламы. Изучение данных вопросов, фактически, относится к прагматилистике, поскольку главной в рекламе является ее прагматическая направленность. Осознание максимальной практичности рекламных текстов приводит к необходимости изучать применяемые в данном типе текста стилистические фигуры, типы выдвигения как реальное воплощение речевых стратегий и явления кодирования – декодирования, а также уделить внимание способам сочетания в тексте новой и предшествующей информации [2, с.43].

Рекламный дискурс имеет строго определенные цели, реализации которых способствуют определенные прагматические функции текста. Соответственно, все речевые средства рекламы, в том числе стилистические, также строго подчинены данной прагматике.

Стилистические средства рекламного дискурса «обслуживают» его прагматику. Все средства обеспечивают «взаимодействие предметно-логического содержания сообщения, т.е. информацию первого рода с информацией второго рода, т.е. с проявлениями эмотивной, волюнтаривной, аппелятивной, контактоустанавливающей и эстетической функций языка, с выражением субъективного отношения говорящего к предмету высказывания, собеседнику и ситуации сообщения» [1, с. 9].

Для концентрации смысла в коротких рекламных текстах, для акцента на том или ином смысловом элементе используется группа стилистических средств, называемых типами выдвигения [1, с. 63]. Выдвигение есть способ формальной организации текста, который фокусирует внимание адресата на определенном элементе сообщения и устанавливает релевантные отношения между элементами одного или различных уровней. Наиболее известными типами выдвигения являются сцепление, конвергенция и обманутое ожидание [там же]. Конвергенция есть концентрация в одном месте текста группы стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции. Могут быть использованы средства различных уровней, например, лексического, синтаксического, фонетического [там же, с. 64]. Сцеплением называют возникновение сходных элементов в сходных текстовых позициях, что придает целостность тексту. Сцепление также проявляется на любых уровнях и на разных по длине отрезках текста. Сходство элементов может проявляться как в парадигматике, так и в синтагматике [там же, с. 66]. Эффект обманутого ожидания заключается в появлении маловероятного элемента в ряду других текстовых элементов, которые ожидаемы адресатом. Такое нарушение непрерывности создает акцент в необходимом

месте текста. Очевидно, что данный эффект также может проявляться на любом текстовом уровне.

Стилистические средства, называемые типами выдвижения, служат для концентрации смысла в том или ином элементе текста. Как упоминалось ранее, основными типами являются конвергенция, сцепление и обманутое ожидание. Для обнаружения этих типов необходим цельный текст.

Обширный фрагмент текста написан деловым стилем и использует логический прием убеждения «от противного»:

*Klimaanlagen-Service
vorher   nachher
statt 77.-
59.90*

Jetzt ist Zeit für den Klimaanlage-Service in der A.T.U-Meisterwerkstatt.

Eine Fahrzeugklimaanlage ist nicht wartungsfrei. Die Klimaanlage verliert in einem Jahr bis zu 15 % Kältemittel, durch Schläuche, O-Ringe und die Wellendichtringe am Kompressor. Dies führt zu unzureichender Kühlung im Fahrzeuginnenraum. Wird dieser Kältemittelverlust nicht durch regelmäßige Wartung ausgeglichen, muss Ihre Klimaanlage höhere Belastungen tragen. Da das Kältemittel auch für die Schmierung beweglicher Teile sorgt, kann zu wenig Kältemittel zu Bauteilschäden führen.

Unser Klimaservice beinhaltet die folgenden Leistungen:

- Funktionsprüfung der Klimaanlage, Innenraumtemperaturmessung*
- Sichtprüfung der einzelnen Komponenten, soweit zugänglich*
- Absaugen des Kältemittels; Wiederbefüllung mit den korrekten Systemfüllmengen nach Herstellerangaben*

- Erneute Funktionsprüfung

Klimaanlagen-Service*

Inkl. Kältemittelergänzung und Dichtigkeitsprüfung für R 134a-Anlagen

* Leeranlage ausgeschlossen

Auto. – Mai 2008. – S.8 /www.atu.de A.T.U.

В приведенном фрагменте текста очевидна избыточность убеждающих аргументов, выдвигающих на первый план идею потребления данных услуг. В таком выдвижении можно усмотреть прием конвергенции (концентрация логических аргументов на узком фрагменте текста). В данном рекламном тексте задействован также тип выдвижения СЦЕПЛЕНИЕ: сходные элементы текста (каждый убеждающий аргумент) семантически эквивалентны, поскольку их общий смысл – если не придерживаться правил обслуживания, то неизбежен выход из строя автомобиля.

Сцепление наблюдается также и в последующем фрагменте текста, поскольку в этих идентичных по структуре строфах излагаются операции обслуживания автомобиля; строфы являются семантически эквивалентными.

Vichy laboratoires

Die Haut schöpft ihre Gesundheit aus Wasser und aus Mineralien.

Aqualia thermal

24 h Feuchtigkeitspflege, hautberuhigend und kräftigend

Feuchtigkeitspflege mit Thermalwasser, reich an wertvollen Mineralien. Kräftigt die Haut. Jeden Tag mehr.

Mit Thermalwasser von Vichy.

Vichy. Weil Gesundheit auch Hautsache ist

Ihr Apotheker berät Sie gern.

Gala. – №12. 13.März 2008. – S.25

Своеобразной смесью конвергенции и сцепления можно считать текст рекламы VICHY. На фоне призывов с нарастающей интенсивностью употреблять эту термальную воду трижды повторяются назывные предложения с единственным смыслом «VICHY», «термальная вода». Нарастающая интенсивность призывов есть форма сцепления, поскольку манипулирует с семантически эквивалентными элементами. Одновременно, повтор одного и того же смысла в различных вариациях есть простейший вид конвергенции, придающей этому смыслу различные стилистические оттенки.

*IHR PERSÖNLICHES SPORTPROGRAMM:
MIT MIELE ACTIVECARE.*

In Zukunft bleiben nicht nur Sie, sondern auch Ihre Sportwäsche in Top-Form. Die Miele ActiveCare Waschvollautomaten und Wäschetrockner bieten Ihnen Spezialprogramme wie Sportwäsche, Outdoor oder Imprägnieren. Perfekt darauf abgestimmt sind die Spezialwaschmittel der Miele CareCollection. Damit bietet Ihnen Miele erstmalig ein komplettes Wäschepflege-System, mit dem Sie Ihre Sport- und Outdoorwäsche textiltgerecht pflegen und imprägnieren können. So bleiben die wichtigen funktionellen Eigenschaften lange erhalten. Und Sie können sich unbesorgt Ihrem Lieblingssport widmen. Überzeugen Sie sich jetzt im Fachhandel.

www.miele.de

Miele

IMMER BESSER

Gala. – №12. 13.März 2008. – S.67

Тип выдвижения СЦЕПЛЕНИЕ применен в данном тексте с целью акцентировать внимание на результате потребления предлагаемых товаров (стиральные машины-автоматы, сушилки, моющие средства). При этом результат показан избирательно – атрибуты стирки не обязательно применять именно к спортивной одежде, но последняя – наилучший признак здоровья и имиджа. Текст начинается и заканчивается высказываниями об идеальной сохранности спортивной одежды адресата. Данные высказывания, построенные на почти идентичной лексике, скрепляют (или сцепляют) весь текст, в середине которого расположена информирующая часть рекламы. Идентичная лексика и сходная семантика обрамляющих предложений текста и позволяет квалифицировать этот тип выдвижения как сцепление.

Конвергенция выражена в тексте эксплицитно, но едва заметно, чем усиливается ее убеждающее действие на коллективное подсознательное потребителей. Предпоследнее предложение текста: «*Und Sie können sich unbesorgt Ihrem Lieblingssport widmen*» вытекает из предыдущих объективно-технических характеристик предлагаемого стирального комплекса. Здесь еще нет никакой метафоры. Однако, в сочетании с первым предложением текста: «*In Zukunft bleiben nicht nur Sie, sondern auch Ihre Sportwäsche in Top-Form*» метафора создается. В данном предложении почти незаметно, намеком, соединено «Вы» (личность) и «Ваша одежда для спорта» и утверждается, что оба эти компонента останутся в идеальной форме. Стилистический прием (намеком) создает метафору, переносящую идеальное состояние спортивной формы (одежды) на идеальное состояние ее обладателя.

„Eine englische Küche in der Tradition klassischer Landhausarchitektur.“

Wir gestalten unsere Küchen so, dass sie den authentischen Charakter und Stil der einzigartigen, englischen Landhäuser widerspiegeln. Unser Design zeichnet sich durch innovative Ideen aus, in die der Charme und die Atmosphäre der englischen Landhausküche einfließen.

Wir vereinen individuelle Wünsche und moderne Ansprüche in einem klassischen Design. Wenn Sie sich für eine Robinson and Cornish Küche entscheiden, können Sie sicher sein, „the best of the best“ zu erhalten. Wir beraten Sie gerne. Fordern Sie unsere Broschüre an.

Robinson and Cornish

Houses speak to us.

Exklusive, handgefertigte englische Küchen

Здесь применен эффект обманутого ожидания, выраженный на содержательном уровне и стилистически оформленный в едином предложении: *Wir vereinen individuelle Wünsche und moderne Ansprüche in einem klassischen Design*.

Как уже упоминалось ранее, соблюдение требований (т.е. некий современный стандарт) и индивидуальных пожеланий (т.е. отсутствие стандарта) является несколько неожиданным для адресата из-за относительной противоречивости данных тенденций. Поскольку эти два высказывания максимально сближены, оформлены в одно предложение, то здесь в наличии эффект обманутого ожидания, акцентирующий внимание на предполагаемом творческом подходе фирмы к сервису. В эмоциональном аспекте упомянутое обещание фирмы решить противоречивую задачу воспринимается адресатом как «приятная неожиданность».

Как показывает проведенный анализ, типы выдвижения являются полезным инструментом для прагматики рекламы. Они могут участвовать в любом типе обоснования высказываний – фактографическом, эмпирическом, образно-ассоциативном и пр., формируя тем самым речевую стратегию рекламного дискурса.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Самарина В. В. Немецкоязычный рекламный дискурс: прагматический, когнитивный и лингвостилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Самарина Виктория Викторовна. – Х., 2010. – 209 с.

References

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka (stilistika dekodirovanija). M.: Prosveshhenie, 1990. 300 p.
2. Samarina V. V. Nemeckojazychnyj reklamnyj diskurs: pragmaticeskij, kognitivnyj i lingvostilisticheskiy aspekty : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. Kharkiv., 2010. 209 p.

УДК 81'272

К ВОПРОСУ О «РЕЧЕВОЙ МАСКЕ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Сапожникова А.А.

sapozhnikova_anastasia@mail.ru

Южный Федеральный Университет

В статье рассматриваются основные теоретические аспекты функционирования языковой стратегии «речевая маска». Приводится классификация и цели использования данной стратегии в рамках речевого общения в сети Интернет. Речевая маска трактуется как коммуникативная стратегия в современной Интернет-коммуникации. Она может классифицироваться по степени спонтанности и длительности использования.

Ключевые слова: речевая маска, речевой портрет, коммуникативная ситуация, коммуникативная стратегия, интернет-коммуникация, блогосфера.

REVISITING “SPEECH MASKING” WITHIN THE INTERNET-COMMUNICATION

Sapozhnikova A.A.

sapozhnikova_anastasia@mail.ru

Southern Federal University

The article deals with the main theoretical aspects of speech strategy “speech masking” functioning. The classification and the applying goals of the provided strategy within the scope of the Internet communication are proposed. “Speech masking” is defined as a communicative strategy within the modern Internet communication. It can be classified by the level of spontaneity and usage length.

Keywords: speech masking, speech portraying, communicative situation, speech strategy, online communication, blogosphere.

Одним из важнейших параметров, характеризующих человека, является речь, с помощью которой происходит репрезентация говорящим себя, его культурного и социального опыта. Условия современной Интернет-коммуникации позволяют участникам речевого взаимодействия осуществлять различные эксперименты со своей идентичностью и самопрезентацией, создавая абсолютно новую личность с помощью различных лингвистических средств «речевой маски». Данное понятие вошло в современную лингвистику и является актуальным.

Цель настоящей *статьи* – рассмотрение коммуникативной стратегии «речевая маска» в современной Интернет-коммуникации.

Языковая коммуникация, опирающаяся на слуховой и речевой каналы связи, является основным средством человеческого общения и представляет собой сложную структуру, которая строится в рамках коммуникативной, или речевой ситуации и организована следующим образом:

- 1) говорящий (адресант);
- 2) слушающий (адресат);
- 3) отношения между говорящим и слушающим;
- 4) тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская);
- 5) цель;
- 6) средство общения (язык, диалект, стиль, параязыковые средства – жесты, мимика);
- 7) способ общения (устный, письменный, контактный, дистантный);
- 8) место общения [2].

Каждый из указанных параметров оказывает непосредственное влияние на создание образа личности и его представление в процессе коммуникации. По мнению Т.А. Чеботниковой подобный подход позволяет не только определить, как говорит человек и какие языковые средства выбирает в процессе общения, но и понять, почему и зачем он это делает, т.е. позволяет увидеть интеллектуальный уровень и эмоциональную организацию самой личности [11]. Отсюда, важнейшую роль в межличностной коммуникации играют психологические особенности самой личности,

которые находят своё отражение в речевом портрете. Определение речевого портрета приводят Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова, которые трактуют его как средство художественного изображения персонажей, где используется подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений. К таким особым средствам они относят слова и синтаксические конструкции книжной речи, просторечная лексика и необработанный синтаксис, излюбленные «словечки» и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с разных сторон (общекультурной, социальной, профессиональной и т. п.) [9]. Указание на отнесённость к определённому социуму есть и в определении Т.П. Тарасенко, где речевой портрет есть совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования [10]. Речевой портрет является естественным для человека и обусловлен социокультурными предпосылками и, в свою очередь, влияет на речевое творчество субъекта коммуникации.

Следует отметить, что феномен коммуникации имеет свойства осознанности и целенаправленности, для достижения которых применяются коммуникативные стратегии. В современной лингвистике понятие коммуникативной или речевой стратегии является одним из самых разработанных, и, тем не менее, актуальным. Определение речевой стратегии, приводимое О.Я. Гойхман и Т.М. Надеиной, носит обобщающий характер: «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения» [1]. Более точное определение приводит Е.В. Ключев, который понимает речевую коммуникацию как «успешность речевого взаимодействия», а коммуникативную стратегию как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [5]. В лингвистике выделяется достаточно большое количество коммуникативных стратегий в зависимости от задач и материала исследования. Одной из коммуникативных стратегий, которые Е.В. Ключев, понимает как результат, на который направлен коммуникативный акт является «речевая маска» [5; 13].

Феномен маски функционирует в социокультурном пространстве с древнейших времен. Маска представлена в двух значениях – *прямом* (предмет, скрывающий лицо) и *расширенном* (маски театральные – роли и ампула; карнавальные; социальные – имиджи; авторские). В первобытной культуре маски являлись частью обряда и были связаны с трудовыми процессами, погребальным ритуалом, из которых впоследствии возникли культовые действия и традиционные народные зрелища, такие как японский театр Кабуки. В эпоху романтизма маске присваивается свойство обмана, помимо сокрытия; в культуре постмодернизма одним из аспектов маски становится взгляд на человека как на набор сменяющихся друг друга масок [8].

Маска, являясь спутником «человека культурного», позволяет скрывать его подлинное «Я» [7]. В современной лингвистике речевая маска рассматривается как коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата. Это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщённом представлении о том или ином типе коммуникантов [13]. Другие исследователи трактуют маску как элемент языковой игры. Языковая маска проявляется в имитации речи иностранцев. Для этого используются интонационные рисунки и ошибки, свойственные той или иной нации [12]. С позиции прагмалингвистики в связи с

речевой маской следует говорить о локутивном аспекте речевого акта. Она осуществляется в акте фонации, а именно при помощи имитации акцента. Для того, чтобы быть принятым за иностранца, имитируется территориальная принадлежность говорящего [6: 140]. Всё это позволяет оказывать воздействие на этнические стереотипы и ожидания в сознании реципиента.

В лингвистике выделяют спонтанные и подготовленные речевые маски [13: 79]. *Спонтанная* речевая маска, где её осуществление диктуется условиями конкретной ситуации общения» и опирается на самые общие представления об изображаемой личности. *Подготовленная* речевая маска предполагает детальную проработку манеры речи, лексикона, поведения и даже внешнего вида, что в совокупности обеспечивает максимальную правдоподобность. Данный вид маски используется коммуникантами, если известны параметры коммуникативной ситуации [13: 79]. По длительности использования речевые маски делятся на:

1) Речевая маска (РМ) кратковременного использования, которая «возникает, как правило, на основе удачно сыгранной спонтанной или подготовленной РМ, и языковая личность использует её повторно в аналогичных ситуациях». В зависимости от целей собеседника маска может претерпевать изменения, а именно дополняться и свертываться.

2) Речевая маска длительного использования. Основной функцией данного вида РМ является защитная, хотя использование такой маски может зависеть от разных целей, преследуемых говорящим. Данная речевая маска представляет интерес в силу того, что «зачастую приводит к изменению идиостиля языковой личности, то есть маска постепенно «прирастает». И тем быстрее, чем дольше используется маска и чем больше человеку нравится эксплуатируемый речевой образ» [13: 81].

Широкое использование речевых масок можно наблюдать в сети Интернет, т.к. основной чертой онлайн-общения является *анонимность*. Погружаясь в мир Интернета, языковая личность может как оставаться собой, так и экспериментировать со своей идентичностью. Наивысшей степенью игры с собственной идентичностью является создание языковой личностью квазиличности и управление ею. Здесь следует говорить о том, что коммуникант в Интернет часто воспринимается как набор масок: при общении проверить подлинность его виртуальной личности, так же, как и искренность его высказываний, достаточно сложно. Так, А.А. Качанова отмечает, что личностная позиция собеседника как таковая исчезает, превращаясь в одну из многих виртуальных ролей. Все учитываемые при коммуникации моменты: социальный статус, возраст, пол, национальность, религиозная принадлежность – могут быть виртуально присвоены или таким же образом отброшены [3]. Из этого следует, что участник онлайн-коммуникации не ограничен социальными и культурными рамками и может формировать свой речевой образ в зависимости от ситуации, желания и преследуемой цели.

Использование приёмов языковой маски активно наблюдается в блогосфере, т.е. в сетевом дневнике, или Интернет-дневнике, который, как правило, рассчитан на публичное или массовое прочтение [4: 142]. Первичным проявлением маски является сетевое имя – ник, который автор выбирает исходя из своих желаний, целей и вида блога. Ник анонимизирует личность пишущего и может играть одну из ключевых ролей в оформлении блога, а именно указывать на тематику.

Очевидно, что в современной лингвистике языковая маска представляет собой имитацию несвойственного человеку речевого поведения для достижения поставленной адресантом цели, которыми могут выступать обыгрывание стереотипов речевого поведения и намеренное сокрытие собственного «Я». В отличие от речевой

маски, речевой портрет присущ человеку и не имитирует чужеродную речь. При этом, речевая маска может быть спонтанной, характеризующейся своей схематичностью, и подготовленной, важнейшей характеристикой которой является её проработанность и правдоподобность. По степени длительности использования речевая маска может быть разделена на кратковременную и длительную. Кратковременная характеризуется одноразовостью и может повторяться в аналогичных ситуациях, но претерпевает изменения в силу коммуникативной ситуации, в то время как длительная может изменить идиостиль языковой личности. Речевая маска проявляется в Интернет-коммуникации посредством основного свойства онлайн-пространства – анонимности.

Литература

1. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 2008 [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: [http://professor.rosnou.ru/sites/default/files/osnmaterial/Гойхман, Надеина-Речевая%20коммуникация\(ВО\) -2008_0.pdf](http://professor.rosnou.ru/sites/default/files/osnmaterial/Гойхман, Надеина-Речевая%20коммуникация(ВО) -2008_0.pdf), свободный, (10.11.2016).
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим». 2011. [Электронный документ]. [Режим доступа: http://sociolinguistics_dictionary.academic.ru] [Дата обращения: 12.10.2016].
3. Качанова А.А. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. – М.: ФЛИНТА: Наука. 2012. – С. 178-189.
4. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. –М.: ФЛИНТА : Наука. 2012. С. 139-158.
5. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик. 2002. С. 320.
6. Ленец А.В. Прагматика лжи. – Ростов Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ. 2008. 284 с.
7. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в культуре XVIII в. СПб. 2002. С. 233-254.
8. Осьмухина О.Ю. Маска// Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. – С. 226-228.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1334/>, свободный, (21.10.2016).
10. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. Дис. канд. филол. Наук. Краснодар.2007.
11. Чеботникова Т. А. Речевая роль-маска и ее функции//Известия ВГПУ. 2012. №2 С.14-19.
12. Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности//Жанры речи: Сборник научных статей/Отв. ред. В.Е.Гольдин. – Саратов: Изд-во Государственного научного центра «Колледж». 1999. С. 133-145.
13. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок//Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. №3 С.78-82.

References

7. Goihman O.A., Nadeina T.M. Verbal communication: Manual. – 2nd edition, revised and

- corrected. Moscow: INFRA-M. 2008 [Electronic source]. – [Access mode]: [http://professor.rosnou.ru/sites/default/files/osnmaterial/Гойхман,Надеина-Речевая%20коммуникация\(ВО\)2008_0.pdf](http://professor.rosnou.ru/sites/default/files/osnmaterial/Гойхман,Надеина-Речевая%20коммуникация(ВО)2008_0.pdf), available, (10.11.2016).
8. Jerebilo T.V. Terms and definitions of linguistics: General language science. Sociolinguistics: Glossary. Nazran: ООО «Pilgrim». 2011. [Electronic source]. – [Access mode]: http://sociolinguistics_dictionary.academic.ru/, available,
  9. Kachanova A.A. Internet-communication as a new speech formation: multi-authored monograph/ science editor Kolokoltseva T.N., Lutovinova O.V. Moscow : FLINTA : Nauka. 2012. P. 178-189.
  10. Kolokoltseva T.N. Internet-communication as a new speech formation : multi-authored monograph/ science editor Kolokoltseva T.N., Lutovinova O.V. Moscow : FLINTA : Nauka. 2012. P. 139-158.
  11. Kluev E.V. Verbal communication. Moscow: Ripol Classic. 2002. P. 320.
  12. Lenets A.V. Pragmatics of lying. Rostov-on-Don: Institute of Postgraduate Education teaching institute SFEDU. 2008. 284 p.
  13. Lotman U.M. Poetics of everyday behaviour in cultural context of XVIII century. SPb. 2002. P. 233-254.
  14. Osmukhina O.U. Mask // ZPU. 2007. №2 P. 226-228.
  15. Rosental D.E., Telenkova M.A. Linguistic terms glossary. 2nd edition. Moscow: Prosveshenie. 1976. [Electronic source]. [Access mode]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1334/>, available, (21.10.2016).
  16. Tarasenko T.P. Linguistic persona of a senior high school student in the aspect of speech realization (based on the data of Krasnodar students class dialect association experiment): candidate of science synopsis of a thesis. Krasnodar. 2007.
  17. Tchebotnikova T. A. Speech role-mask and its functions // Proceedings VSPU. 2012. №2 P.14-19.
  18. Shmelev A.D., Shmeleva E.A. Anecdote telling as a genre of modern Russian speech: issues of variation// Speech genres: Collection of scientific articles / Executive editor V.E. Goldin. Saratov: Publishing company of State scientific center «College». 1999. P. 133-145.
  19. Shpilman M. V. Revisiting linguistic persona usage peculiarity of different speech masks types // Ural philological newsletter. Line: Language. System. Personality: creative approach linguistics. 2012. №3 P.78-82.

УДК 800 : 82

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТ
«ОРУЖИЕ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ XVII–XIX ВВ.**

Супряга С. В.

supriaga@mail.ru

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Статья представляет собой фрагмент комплексного исследования языка русского традиционного фольклора в аспекте взаимодействия культур. В частности, представлен анализ заимствованной лексики, представляющей концепт «ОРУЖИЕ» в исторических песнях XVII–XIX вв.

Ключевые слова: лексика, язык фольклора, оружие, исторические песни XVII–XIX вв., концепт, лексическая репрезентация концепта в языке фольклора.

LOANWORDS OF THE CONCEPT OF "WEAPON" THE HISTORICAL SONGS XVII-XIX CENTURIES

Supryaga S. V.

supriaga@mail.ru

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kursk State University”

The article is a fragment of a comprehensive vocabulary study of traditional Russian folklore in the aspect of cultures interaction. In particular, the author gives the analysis of the loanwords, representing the concept «WEAPON» in historical songs XVII-XIX centuries.

Keywords: lexis, folklore language, weapon, the concept, historical songs XVII-XIX centuries, the lexical concept representation in folklore language

Думается, что если говорить о языке фольклора, то показательнее всего процесс взаимодействия культур можно проследить на материале лексики исторических песен XVII–XIX вв. К сожалению, вследствие размытости границ жанра исторической песни её изучение долгое время отступало на второй план, поскольку исследователей языка фольклора больше интересовали былины (в частности, им посвящены многочисленные работы таких курских фольклористов, как М.А. Бобунова [4], А.Т. Хроленко [29], С.П. Праведников [15], М.А. Караваева (Лукина) [11], Н.И. Колотова [13] и др.).

Как отмечал Б.Н. Путилов, не вызывает никаких сомнений тот факт, что в русском фольклоре существует теснейшая «связь между жанрами по генетической линии»: можно с уверенностью говорить о жанре-«источнике» и жанрах, «родившихся» из него: речь идёт об исторических песнях, которые «сложились путём преобразования элементов былинного эпоса» [17: 174].

В. Я. Пропп подчеркивал, что для исторических песен характерны «чрезвычайное разнообразие и пестрота поэтических форм, причём одни исторические песни принадлежат эпосу, другие – лирике» [16: 61–62]. Ученый полагал, что принципиальное отличие между былинной и исторической песней состоит в том, что они отражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах. В песнях отражено иное отношение художественного замысла к действительности, нежели в былинах [16: 9].

О «разножанровости» исторических песен, их неоднородности по форме и художественной образности писали многие исследователи (С. Н. Азбелев [1], В. К. Соколова [21], Б. Н. Путилов [17], В. И. Чичеров [31] и другие).

С точки зрения нашего исследования важно то, что в исторических песнях, в отличие от былин, действующие лица – не вымышленные персонажи, а реально существующие личности, причем чаще всего – всем известные. В основу сюжета этих текстов, как правило, положено какое-либо реальное событие, хотя персонажи и их поступки не всегда полностью соответствуют фактической истории (имеет место народная «историческая фантазия», вымысел). Главное в исторических песнях то, что русский народ в них выражает своё отношение к реальным событиям, людям и обстоятельствам и собственное историческое самосознание [31].

В. К. Соколова, анализирувавшая русские исторические песни XVI – XVIII, отмечала: «...Историческим песням присуще отчётливо своеобразие, проявляющееся прежде всего в содержании и сюжетах, а также в некоторых поэтических приёмах, в

особенностях использования традиционных средств народной поэтики. Воспроизведение действительных фактов, лиц и исторической обстановки приводило к замене традиционных художественных средств народной поэзии (постоянных эпитетов, сравнений и символов) точными определениями. Общая же с другими жанрами народной поэзии образность, будучи исторически прикреплена, получала новый конкретно-исторический смысл» [21: 305].

Заимствованная лексика, закрепившаяся в исторических песнях, в той или иной мере становилась и прежде предметом изучения исследователей. Так, М. Ф. Дашкова и Р. Б. Козлова отмечали, что в исторических песнях обнаруживается больше иноязычных слов, чем в других фольклорных жанрах. В большинстве своём они относятся к военной сфере [8: 21; 12: 28].

В частности, Р.Б. Козлова исследовала заимствования из западноевропейских и классических языков и обращала внимание на «народно-этимологические сближения русских и заимствованных слов и морфем» [12: 10]. В поле зрения исследователя попали Архангельские исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. [2], а также тексты из собрания «Исторические песни русского народа XVI – XVII вв.» В.Ф. Миллера [14] и из сборника «Исторические песни XVIII века» [9].

Р. Б. Козлова в сопоставительных целях привлекала, помимо прочих справочных изданий, «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого», составленный Н.А. Смирновым и опубликованный в книге «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» [20], и «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Чудинова [32].

Автор подчеркивает, что поскольку сюжетом для исторических песен служили такие события, как «многовековая борьба русского народа за независимость родины, за освобождение Русского государства от интервентов», то вполне объясним «огромный поток иноязычной военной лексики, так широко хлынувшей в этот жанр устного народного творчества» [12: 22].

Среди иноязычных лексем, относящихся к тематической группе «Военное дело и война» Р.Б. Козлова выделяет следующие заимствования, номинирующие ручное, огнестрельное и холодное оружие в песнях: *бомба, афес, мушкет, пика, пистолет, сабля, фузья, штык, шпага, шомпол* и др., называющие орудия, снаряды, станки, батареи: *батарея, гаубица, картуз, картечь, лафет, мортира, мина, патрон, шрапнель* и др.

Эмпирической базой для нашего исследования выступило академическое издание исторических песен серии «Памятники русского фольклора», включающее в себя три тома: «Исторические песни XVII века»; «Исторические песни XVIII века»; «Исторические песни XIX века» [9]. Также анализировался составленный И.А. Степановой на базе указанных изданий словник исторических песен XVII – XIX веков [24].

Рассмотрим заимствования, представляющие концепт «Оружие» в исторических песнях указанного периода.

Заметим, что под *концептом* вслед за И. А. Стерниным мы понимаем «глобальную смысловую единицу, организованную по принципу ядра и периферии и отражающую все стороны осмысляемого явления» [26: 76].

Итак, среди иноязычных лексем, номинирующих **холодное оружие**, в текстах, относящихся ко всем трем векам, зафиксированы существительные *сабля, шапка, штык*, в песнях XVIII и XIX веков – *шпага* (встречается в песне с сюжетом «Курьер сообщает о смерти Александра I»), в текстах только XVII века – *кинжал*, только XIX века – *пика*.

Если *шпага* относится к группе лексики, заимствованной в конце XVI – в первой половине XVII веков [23: 247], то *кинжал* в значении ‘род холодного оружия: обоюдоострый клинок с острым суживающимся концом’ известно в русском языке с начала XVII века, оно широко распространено в тюркских языках (и вообще на Ближнем Востоке) [30: I: 396]. Видимо, этим обстоятельством объясняется тот факт, что *кинжалом* пользуются в текстах исторических песен XVII века татары или «злые люди» [25].

Пи́ка как ‘старинное холодное ручное колющее оружие на древке с острым наконечником’ [18]РСС: II: 165] заимствовано из западноевропейских языков в первой половине XVII века [30: II: 31]. В исторических песнях XIX века лексема *пи́ка* употребляется как изофункциональное слову *дротик* и отмечена в абсолютном большинстве случаев в сюжете «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при изображении сражения двух армий: «Приложили *вострые пи́ки* ко чёрным гривам» (текст № 121). В исторических песнях *пи́ки* используют только *казаки*. Действия, производимые с этим видом оружия, – *приклонить* и *приложить* [25].

Только в текстах XVII века отмечен тюркизм *кистеня* – ‘старинное **ударное холодное ручное оружие** в виде короткой палки с подвешенным на ремне или цепочке металлическим шаром, тяжестью’ [18: II: 166].

Заимствованные лексемы, номинирующие **огнестрельное оружие**, составляют наиболее многочисленную группу. Во всех трех анализируемых корпусах текстов зафиксировано существительное *батарея* – ‘совокупность известного числа артиллерийских орудий’; в текстах XVIII и XIX веков – *артиллерия* как ‘огнестрельное оружие относительно крупного калибра’ (слово заимствовано предположительно из итальянского и в русском языке известно с 1695 года [30: I: 54]) и *мортира* – ‘короткоствольное артиллерийское орудие’ (предположительно такое оружие и его название появились на Руси в результате преобразований русской армии Петром I).

В исторических песнях XVII и XVIII веков – употреблено слово, заимствованное из французского языка в Петровское время, – *пистолет*, и только в песнях XVII века – пришедшие в русский язык в конце XVI – начале XVII века из немецкого лексемы *пистоль* [30: II: 36] и *штык* (отмечено в составе композита *штык-ружьё*); лишь в текстах XVIII века встречается заимствованное из западноевропейских языков существительное *мушкет*, только в песнях XIX века – *карабин* (лексема имеет единичное употребление в тексте сюжета «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при изображении сборов казаков в поход за границу).

Отметим, что лексема *пистоль* употребляется в исторических песнях о Степане Разине в значении ‘пистолет’ и заменяет это существительное в одном и том же тексте.

Интересно, что в исторических песнях встречаются биномы, включающие в себя в качестве первого компонента исконно русское слово *пушка*, а в качестве второго – иноязычное наименование оружия (*пушка-мортира*, *пушка-манерка* в текстах XVIII века, *пушка-мартелка* – в текстах XIX века) либо этноним (*пушка-галанка*).

О таком использовании в фольклоре заимствованных слов писали многие исследователи. Так, Р.Б. Козлова отмечала, что для толкования иноязычных слов в текстах нередко используются как русские, так и ранее усвоенные иноязычные слова. Толкуемое и толкующее слова образуют своеобразный «повтор» (*лакеи-прислужники*, *штыки-ружья*, *псалтырь-книга* и др.), компоненты которого обладают разной степенью семантической близости, а иногда и разным семантическим объемом [12: 7].

Одной из причин, обуславливающих проникновение заимствованных слов в народно-песенную речь, является постоянная фольклорная тенденция к расширению

синонимических рядов, так как «законы устного народного творчества одинаковы по отношению к исконной и к освоенной заимствованной лексике». Для устного народного творчества важно не происхождение, а значение слова [8: 21].

А.Т. Хроленко отмечал, что фольклорное слово в условиях стихотворно-музыкального текста «ведет себя как “поэтическая морфема”, то есть как единица, которая в рамках стремящейся к цельности строки может быть и отдельным словом, и частью окказионального композита» [28: 231]. Исследователь относит к фразеологизмам конструкции типа *тоска-печаль*, *путь-дорога*, *травя-мурава*, *хлеб-соль*, которые словарями современного литературного языка фиксируются как лексические единицы [28: 232].

Тот факт, что в качестве второй части таких сложных наименований оказывается иноязычный элемент, указывает на попытку освоения фольклорным текстом «инородного» для него элемента

И.А. Степанова фиксирует в рассматриваемой тематической группе еще одну лексему – *бомбический* (производную, очевидно, от иноязычного существительного *бомба*). Слово употреблено в песнях о Крымской войне при описании действий русской армии под Севастополем. Огонь, согласно сюжету песни, производят французы: «Стали шуточки с нами шутить, Из *бомбических палить*, Стали шуточки с нами шутить, Из *бомбических стали палить*» (текст № 365) [25].

В тематическую группу «**боеприпасы**» можно отнести заимствования *пуля* (встречается во всех корпусах текстов), *бомба* (в русском языке известно с Петровской эпохи, заимствовано из западноевропейских языков [30: I: 102]), *картечь* – ‘артиллерийский снаряд ближнего действия, состоящий из пуль’ (в русском языке также появилось через немецкое и английское посредство из французского языка при Петре I [30: II: 382]). Лексемы *бомба* и *картечь* отмечены в текстах XVIII и XIX веков, а галлицизм *патрон* – ‘гильза (трубка) с воспламенителем, пороховым капсюлем и пулей’, пришедший в русский язык из французского через немецкий в Петровское время [30: II: 13], зафиксирован только в исторических песнях XIX века.

Как отмечают исследователи, последняя из перечисленных в этой группе лексем употребляется в исторических песнях безотносительно сюжетной линии, но всегда *патроны* используются не по их основному назначению, в основном при описании тяжёлого положения русской армии: «Вместо соли мы солили Из *патронов* порошком (текст № 325) [25].

Здесь мы тоже должны отметить композиты, имеющие в своем составе один или оба иноязычных компонента – *пуля-картечь* (единично отмечены в тексте сюжета «Песни об Отечественной войне 1812 г.») и *пуля-порох*, употребленный в обобщённом значении ‘боеприпасы’. Последний функционирует исключительно в одном тексте сюжета «Разин под Астраханью» в песнях XVII века, только в цикле «Песни о турецких войнах» – при описании взятия Хотина в текстах двух последующих веков, а также в цикле «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при описании того, как русская армия готовится к вступлению в Париж, в исторических песнях XIX века. То есть эти два сложных наименования встречаются в текстах всех трех изучаемых нами временных периодов [25].

Попали в группу «боеприпасы» и лексемы *каркас* – ‘зажигательный, продолговатый артиллерийский снаряд’ [7: II: 92] (оно встретилось только один раз в историческом тексте с сюжетом «Песни о семилетней войне»), *картуз* – ‘пушечный заряд’ / ‘мешок с порохом для артиллерийского заряда’ [18: II: 172] и *мина* – ‘снаряд со взрывчатым веществом, снабжённый взрывателем, устанавливаемый под водой, в земле’ [30: I: 532] (отмечена дважды в тексте с сюжетом «Песни о турецких войнах»

при описании действий русских солдат под Очаковым) [25]. Все три указанные лексемы пришли в русский язык из французского и отмечены только в текстах XVIII века. Причем лексемы *каркас* и *картуз*, по наблюдениям И.А. Степановой, используются как заменяющие друг друга в текстах исторических песен с одним и тем же сюжетом. Сравним: «Ещё с третьего *картуза* / *каркаса* Кистрин зажгли» [25].

Отмечено в этой тематической группе и тюркское *чугун* в составе сложной номинации *чугун-ядро*, возникшей, видимо, под влиянием постоянного сочетания *чугунное ядро*. Ср.: «*Чугун-ядрышко* закатывали, Закатали, приговаривали: «Ты лети, лети, *чугун-ядрышко*» (текст № 351, песня о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.).

Можно условно отнести в группу «боеприпасы» и прилагательное *пистонный*, образованное от французского слова *piston* (*пистон*), имеющего значение ‘небольшое количество взрывающегося от удара вещества и воспламеняющего порох в патроне’ [5: 834]. Анализируемое слово функционирует в тексте с сюжетом «Песни о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.» и определяет существительное *ружьё*: «*Ружья* новые, *пистонны*, Пашки вострые иметь (№ 357) [25].

Среди наименований **сопутствующих предметов** иноязычного происхождения отметим тюркизмы *колчан* – ‘кобура для стрел’ [7: I: 143] (встретился дважды в сочетании с эпитетом *золотой* в одной песне XVII века «Разин видит сон») и употребленный только в текстах XIX века *фитиль* – ‘горящий шнур для воспламенений зарядов, для передачи огня на расстоянии при производстве взрывов’ (слово пришло в русский язык в начале XVII века [30: II: 315]; употреблено в цикле «Песен о семилетней войне» при описании осады Кюстрина [25]), а также французское существительное *портупея* – ‘широкий ремень, либо полоса ткани через плечо’; перевязь для флотской сабли’ [7: III: 42] (в том числе в составе композита *перевязь-портупея*) и немецкое *шомпол* (пришло через польский), а также его вариант *шонтур*.

Сравним контексты двух последних из перечисленного списка лексем: «По армии разъезжал, Пушки-ружья снаряжал, Пушки-ружья медные, *Шонпура* железные» (исторические песни XVIII века) и «Пушки, ружья заряжал, Пушки, ружья медные, *Шомпола* железные» (тексты XIX века). Отметим, что оба слова употреблены в исторических песнях всего по одному разу в значении ‘прямой прут для осадки заряда в ручном стрельном оружии, прибойник’ [7: IV: 642].

Следует отметить, что самым частотным во всех трех корпусах текстов исторических песен является лексема восточного происхождения *сабля*: в текстах XVII века оно употреблено 35 раз, XVIII века – 52 раза, а в песнях XIX века – 55 раз. Оно по частотности конкурирует в рамках рассматриваемого концепта с исконно русскими существительными *пушка* (26 / 69 / 79 словоупотреблений соответственно) и *ружье* (19 / 50 / 59 словоупотреблений). Реже всего в исторических песнях рассматриваемого периода встречается лексема *шпага* (всего 1–2 словоупотребления в текстах).

Итак, на протяжении всех трех рассматриваемых периодов в исторических песнях встречаются заимствования *батарея*, *кремень*, *пуля*, *пуля-порох*, *сабля* и *штык*. (*Кремень* здесь – ‘самый твёрдый и жёсткий из простых камней, служивших прежде всего для добычи огня’ [7: II: 189]).

Рассмотрим подробнее особенности функционирования в исторических песнях самой частотной из заимствованных лексем – *сабля*. Согласно многочисленным справочникам, сабли пришли к нам с востока в IX веке [6: 216]. Это основное оружие конного кочевника – длинное, тонкое, сильно загнутое к концу оружие, режущее скользящим ударом большую поверхность тела [3: 429]. На Руси на протяжении ряда веков основным оружием был *меч*, хотя наряду с ним применялась и сабля [3: 422].

Постоянными эпитетами лексемы *сабля* в исторической песне выступают прилагательные *острый / вострый*, реже – *булатный*: «*Вострой сабелькой булатной подпирается идёт*» (Исторические песни XVII века, № 64).

Во всех исследуемых корпусах текстов отмечено наличие у лексемы *сабля* диминутивных форм, «субъективно-оценочных образований» [12: 139–140], что свидетельствует об адаптации заимствованного слова русским языком.

По наблюдениям И.А. Степановой, «в большинстве случаев *сабля* функционирует в качестве объекта действия. В исторических песнях трёх столетий устойчива ситуация, когда *саблей* собираются противнику «снести голову». В исторических песнях XVII века о Степане Разине *сабля* функционирует как сопутствующий предмет одежды: «Эх, да котомочка его за плечами, *Сабля* востра при бедре», в текстах XVIII века исследователь отмечает следующий контекст: «Он идёт-спотыкается, *Вострой сабелькой подпирается*». При описании погребения Степана Разина в могилу кладут и *меч*, и *саблю*: «Ко ногам они положили страшон-от *мечь*, К правой руценьке положили да *саблю* вострую» [25: 31]. И.А. Степанова полагает, что это объяснимо параллельным существованием меча и сабли и тем, что *меч* – символ власти, а *сабля* в данном случае – реальное боевое оружие. А поскольку *сабля* в песнях с данным сюжетом более употребима, то, вероятно, мы видим в текстах «отражение реальной исторической эволюции русского вооружения» [25: 32].

В заключение рассмотрим «темное» существительное *барбича*, встретившееся в тексте исторических песен с сюжетом «Песни о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.», где описываются действия солдат под Севастополем: «Распроклятый шельмец англичанин <...> Из *барбичи* он стал в нас палить» («Песни XIX века», № 361; текст записан в Поволжье в первой половине XX века). Судя по контексту, И.С. Степанова предположила, что данная лексема номинирует огнестрельное оружие, которое используют англичане [25]. Однако мы полагаем, что можно допустить происхождение лексемы *барбича* от существительного *барбет* – ‘временное военное укрепление’, пришедшего в русский язык из английского [22: 32]; в словарях встречаем также: *барбет*, *барбетта* – ‘форт; земляная насыпь под орудия в углах бастиона’ (*Палить с барбету*) [19; 10: 699].

Такие фонетические искажения, как *барбет*, *барбета* в *барбича*, фиксируются лингвофольклористами в самых разных жанрах устного народного творчества довольно часто [12; 27]. Отметим, что преимущественно такие деформации претерпевают заимствованные слова. Это происходит, полагаем, вследствие своеобразного «вживания» чужеродных элементов в фольклорный текст.

Подводя итог, отметим, что заимствованные слова, номинирующие концепт «Оружие» в исторических песнях трёх веков, весьма многочисленны и разнообразны по тематическим группам, хотя некоторые функционируют только в рамках одного–двух сюжетов или имеют единичное употребление. Было выявлено незначительное количество лексем, называющих старинное вооружение, и в основном это тюркизмы *колчан*, *кистень*, *булатный*, а также заимствование, предположительно, из романогерманских языков *ника*.

В текстах исторических песен они, как правило, имеют специфические функции. Эти слова в своём большинстве функционируют в исторических песнях XVII века, где прослеживается тесная связь в эпосом. Лексика, обозначающая конкретные роды оружия, в исторических песнях отражает определённый этап в истории развития и совершенствования вооружения. В песнях XVIII века наблюдаются многочисленные батальные сцены: выступление в поход и подготовка к бою; битва двух армий с пальбой пушек, мушкетов. Все они верно отражают действительность и показывают,

что характер военных действий по сравнению с XVI – XVII веками значительно изменился; стиль описания стал более точным и лаконичным. Конкретности изображения также способствует большое количество реалий нового военного быта [25].

Именно в этот период в песни проникает значительное количество заимствованной лексики. Так, в исторических песнях XVIII века отмечено большое количество заимствованных лексем и их словоупотреблений [24, 25]: в текстах с сюжетом «Песни о семилетней войне»: *каркас, картуз, мортира, фитиль*; с сюжетом «Песни о Северной войне» – *картечь, шонпура*; в «Песнях о турецких войнах» – *мина, пушка-манерка*. В песнях, относящихся к XIX веку, в которых речь идет об Отечественной войне 1812 года, встречается немало слов, заимствованных из западноевропейских языков: *бомба, пика, пуля-картечь, шомпол*; в цикле песен о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. – *барбича, бомбический, картечь, чугуно-дро*, в песнях о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. – *бомба*.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в русской фольклорной картине мира исторические песни XVII–XIX вв. занимают важное место, поскольку отражают значимые факты межкультурной коммуникации.

Литература

1. Азбелев, С.Н. Исторические песни [Текст] / С.Н. Азбелев // Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. и коммент. С.Н. Азбелева. – М.: Русская книга, 2001. – С. 5–31.
2. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. / Рос. акад. наук.; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Под ред. А. А. Горелова. – СПб.: Тропа Троянова, 2002–2003.
3. Арциховский, А. В. Оружие [Текст] / А. В. Арциховский // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.: Наука, 1948. – С. 417–438.
4. Бобунова, М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былинных текстов. Первый выпуск [Текст] / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000. – 112 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Н. Кузнецова. – СПб: Рипол-Норинт, 2008. – 1536 с.
6. Военная энциклопедия. – Т. II–XVIII. – Пб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль: в 4-х т. – М.: Рус.яз.–Медиа, 2006. – Т. 1–4.
8. Дашкова, М. Ф. Иноязычные заимствования в деловом языке Петровской эпохи (на материале указов и записок Петра I) [Текст] / М. Ф. Дашкова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 5. – Воронеж, 1972. – С. 15–19.
9. Исторические песни XIX века. – Л.: Наука, 1973; Исторические песни XVII века. – М.-Л.: Наука, 1966; Исторические песни XVIII века. – Л.: Наука, 1971. – 356 с.
10. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: Словарное издательство «ЭТС», 2010. – 699 с.
11. Караваева (Лукина), М.А. Идиолект былинного певца: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. [Текст] / М.А. Караваева. – Курск, 1997. – 230 с.
12. Козлова, Р.Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. [Текст] / Р.Б. Козлова. – Казань, 1974. – 157 с.
13. Колотова, Н.И. Своеобразие собрания былин Кириши Данилова и проблемы его изучения [Текст] / Н.И. Колотова // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения – 2005. – Курск, 2006. – С. 97–100.

14. Миллер, В.Ф. Исторические песни русского народа XVI–XVII вв. [Текст] / В.Ф. Миллер. – СПб., 1915. – 793 с.
15. Праведников, С. П. Словник и частотный словарь южносибирских былин, собранных Е. И. Гуляевым [Текст] / С. П. Праведников // Фольклорная лексикография. Вып. 2. – Курск, 1995. – С. 15–32.
16. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. [Текст] / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
17. Путилов, Б. Н. Фольклор и национальная культура; In memoriam [Текст] / Б. Н. Путилов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 2.
19. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 27.01.17).
20. Смирнов, Н.А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого [Текст] / Н.А. Смирнов // Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. – СПб., 1910. – С. 39–40.
21. Соколова, В. К. Русские исторические песни XVI – XVIII веков [Текст] / В. К. Соколова. – М.: Наука, 1960. – 331 с.
22. Сомов, В.П. Словарь редких и забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 605 с.
23. Сороколетов, Ф. П. История военной лексики в русском языке [Текст] / Ф. П. Сороколетов. – Л.: Наука / Ленингр. отд-ние, 1970. – 384 с.
24. Степанова И. А. Исторические песни XVII – XIX веков: Словник и частотный словарь [Текст] / И. А. Степанова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – 80 с.
25. Степанова, И.А. Жанровое своеобразие лексикона русской исторической песни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. [Текст] / И.А. Степанова. – Орёл, 2004. – 246 с.
26. Стернин, И. А. Концепты и невербальность мышления [Текст] / И.А. Стернин // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. Ч. 3. – Тамбов, 1999. – С. 69–79.
27. Супряга, С.В. Концепт «ОДЕЖДА» в русских народных песнях [Текст] / С.В. Супряга // «Язык и межкультурная коммуникация»: сб. ст. IX междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 10 ноября 2016 г.). – Астрахань: Изд. дом «Астраханск. ун-т», 2016. – С. 105–114.
28. Хроленко, А.Т. Проблемы фольклорной лексикографии [Текст] / А.Т. Хроленко // Диалектная лексика 1977. – Л., 1979. – С. 229–241.
29. Хроленко, А.Т. Еще раз о коэффициенте новизны для лексики былин [Текст] / А.Т. Хроленко // Фольклорная лексикография. Вып. 3. – Курск, 1995. – С.3–6.
30. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П. Я. Черных: в 2-х т. – М.: Русский язык, 2001.
31. Чичеров, В. И. Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен [Текст] / В. И. Чичеров // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 15–47.
32. Чудинов, Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / Н. Чудинов. – СПб., 1894. – 1004 с.

Referens

1. Azbelev, S.N. Istoricheskie pesni. Istoricheskie pesni. Sost., vstup. st., podgot. i komment. S.N. Azbeleva. M.: Russkaja kniga, 2001. Pp. 5–31.

2. Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa: V 3 t. Ros. akad. nauk.; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); Pod red. A. A. Gorelova. SPb.: Tropa Trojanova, 2002–2003.
3. Arcihovskii, A. V. Oruzhie. Istorija kul'tury Drevnei Rusi. T. 1. M.: Nauka, 1948. Pp. 417–438.
4. Bobunova, M. A. Slovar' jazyka russkogo fol'klora: Leksika bylinnyh tekstov. Pervyi vypusk. M. A. Bobunova, A. T. Hrolenko. Kursk: Izd-vo GUIPP «Kursk», 2000. 112 p.
5. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo jazyka / pod red. S. N. Kuznecova. – SPb: Ripol-Norint, 2008. 1536 p.
6. Voennaja yenciklopedija. T. II–XVIII. Pb.: T-vo I. D. Sytina, 1911–1915.
7. Dal', V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t. M.: Rus.ja. Media, 2006. T. 1–4.
8. Dashkova, M. F. Inojazychnye zaimstvovaniya v delovom jazyke Petrovskoi yepohi (na materiale ukazov i zametok Petra I). Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju. Vyp. 5. Voronezh, 1972. Pp. 15–19.
9. Istoricheskie pesni XIX veka. L.: Nauka, 1973; Istoricheskie pesni XVII veka. M.-L.: Nauka, 1966; Istoricheskie pesni XVIII veka. L.: Nauka, 1971. 356 p.
10. Istoricheskii slovar' gallicizmov russkogo jazyka. M.: Slovarnoe izdatel'stvo «YeTS», 2010. 699 p.
11. Karavaeva (Lukina), M.A. Idiolekt bylinogo pevca: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M.A. Karavaeva. Kursk, 1997. 230 p.
12. Kozlova, R.B. Zaimstvovannaja leksika v jazyke russkogo fol'klora: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. R.B. Kozlova. Kazan', 1974. 157 p.
13. Kolotova, N.I. Svoeobrazie sobranija bylin Kirshi Danilova i problemy ego izuchenija. Fol'klor v kontekste sovremennoi kul'tury: YUdinskije chtenija 2005. Kursk, 2006. Pp. 97–100.
14. Miller, V.F. Istoricheskie pesni russkogo naroda XVI–XVII vv. SPb., 1915. 793 p.
15. Pravednikov, S. P. Slovník i chástotný slovar' yuzhnosibirských bylin, sobranných E. I. Guljaevym [Tekst] / S. P. Pravednikov // Fol'klornaja leksikografija. Vyp. 2. Kursk, 1995. Pp. 15–32.
16. Propp, V. Ja. Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i. [Tekst] / V. Ja. Propp. M.: Nauka, 1976. 327 p.
17. Putilov, B. N. Fol'klor i nacional'naja kul'tura; In memoriam. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 464 p.
18. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii / RAN, In-t rus. jaz.; pod obshei red. N.YU. SHvedovoi. M.: Azbukovnik, 2000. T. 2.
19. Slovar' russkogo jazyka XVIII v. [Yelektronnyi resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (data obrasheniya: 27.01.17).
20. Smirnov, N.A. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v russkii jazyk v yepohu Petra Velikogo. Zapadnoe vliyanie na russkii jazyk v Petrovskuyu yepohu. SPb., 1910. Pp. 39–40.
21. Sokolova, V. K. Russkie istoricheskie pesni XVI – XVIII vekov. V. K. Sokolova. M.: Nauka, 1960. 331 p.
22. Somov, V.P. Slovar' redkih i zabytyh slov. M.: OOO «Izd-vo Astrel'», OOO «Izd-vo AST», 2001. 605 p.
23. Sorokoletov, F. P. Istorija voennoi leksiki v russkom jazyke. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1970. – 384 p.
24. Stepanova I. A. Istoricheskie pesni XVII – XIX vekov: Slovník i chástotný slovar'. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2003. 80 p.
25. Stepanova, I.A. Zhanrovoe svoeobrazie leksikona russkoi istoricheskoi pesni: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Oryol, 2004. 246 p.

26. Sternin, I. A. *Koncepty i neverbal'nost' myshlenija*. Filologija i kul'tura: Materialy mezhdunar. konf. 12–14 maja 1999 g. CH. 3. Tambov, 1999. Pp. 69–79.
27. Suprjaga, S.V. *Koncept «ODEZhDA» v russkih narodnyh pesnjah*. «Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija»: sb. st. IX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Astrahan', 10 nojabrja 2016 g.). Astrahan': Izd. dom «Astrahansk. un-t», 2016. Pp. 105–114.
28. Hrolenko, A.T. *Problemy fol'klornoj leksikografii*. Dialektnaja leksika 1977. L., 1979. Pp. 229–241.
29. Hrolenko, A.T. *Eshe raz o koefficiente novizny dlja leksiki bylin*. Fol'klornaja leksikografija. Vyp. 3. Kursk, 1995. Pp. 3–6.
30. CHernyh, P. Ja. *Istoriko-yetimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. CHernyh: v 2-h t. M.: Russkii jazyk, 2001.
31. CHicherov, V. I. *Itogi rabot i zadachi izuchenija russkih bylin i istoricheskikh pesen*. Osnovnye problemy yeposa vostochnyh slavjan. M., 1958. Pp. 15–47.
32. CHudinov, N. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka*. SPb, 1894. 1004 p.

УДК 378.147

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Фандеева А. Е.

Fandyasportik@outlook.com

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

Статья посвящена применению мультимедийных средств на занятиях в современных образовательных учреждениях. В частности, электронные учебники дают возможность каждому студенту независимо от уровня его подготовки активно участвовать в учебном процессе, индивидуализировать свой процесс обучения. Результатом данного исследования является вывод, что применение таких новейших технологий, как электронные учебники, позволит повысить не только интерес к будущей специальности, но и успеваемость по данной дисциплине. Большинство студентов уже на ранних стадиях обучения прекрасно осознают необходимость применения новейших информационных технологий в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: электронные учебники, образование, студенты, информационные технологии, специальность, обучение.

AN ELECTRONIC TEXTBOOK AS AN ELEMENT OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Fandieieva A. Ye.

Fandyasportik@outlook.com

Kharkiv National Automobile and Highway University

The article is dedicated to the use of multimedia in the classroom in modern educational institutions. In particular, the electronic textbooks enable every student regardless of his level of preparation to participate actively in the learning process, to individualize his learning process [1]. The result of this study is that the use of such advanced technologies as the electronic textbooks, allows to increase not only the interest for a future profession, but to make a success in this subject. Most students have already been well aware of the need to use the new information technologies in their professional activities in the early stages of their education.

Keywords: electronic textbooks, education, students, information technologies, speciality, training.

The great attention is paid to a computer support of professional activities in modern educational institutions. The process of education involves training and testing programs on various subjects.

The use of multimedia in the classroom allows to increase not only the interest for a future profession, but to make a success in this subject. Educational computer programs and electronic textbooks enable every student regardless of his level of preparation to participate actively in the learning process, to individualize his learning process, to perform a self-control. Being not a passive observer but actively acquire knowledge and assess their capabilities. Electronic textbook has a modern design and meets the ergonomic requirements for computer learning tools. The first thing is the ability to include to them the advanced ways of presenting information in the form of educational programs using the tools of animation. The second thing is the ability to include the interactive tools of knowledge control for a check, including the self-check. And the third thing is that in current complex conditions with the textbooks, an electronic version can be easily "moved" on a disk or a flash drive and can be used on a home computer. If the textbook is put on the server, then an unlimited access can be provided to it. Students begin to take pleasure in the process of learning, regardless of external motivational factors. This contributes to the fact that some teacher's functions are transferred to a computer during the application of information technologies at the lessons of foreign language. A computer can act as a patient teacher or a tutor that can show the error and give the correct answer, and repeat the task over and over again, not expressing irritation or annoyance at the same time.

Among the requirements for the creation of electronic textbooks for the educational process, such as scientificity, availability, problematicity, the great attention is paid to a visibility of study (a sensory perception of the subjects). A visibility of study with the use of computer software has some advantages over studies using traditional textbooks [1].

The programs with multimedia representation of information have the possibility to create not only visual, but auditory sensations. Electronic textbooks significantly increase the quality of the visual information, and it becomes brighter and more dynamic. A visual-imagery interpretation of essential properties not only of certain real objects, but even of scientific laws, theories and concepts becomes possible.

Summing up, we can answer the important question: who and why needs an electronic textbook?

For an individual work of students:

facilitates an understanding of the training material by the other ways of presentation of material (comparing with the printed educational literature): inductive approach, the impact on the emotional and auditory memory;

allows an adaptation for the needs of the student, the level of his preparation, the intellectual abilities;

provides opportunities for self-examination at all stages of the work;

serves as a teacher, providing an unlimited clarification, repetition, tips and more.

For the work in class:

allows the teacher to conduct the classes in the form of individual work with a computer, reserving the roles of a leader and a consultant;

allows the teacher using a computer to monitor students' knowledge quickly and effectively, and to define the content and the level of complexity of the control activity;

allows the use of computer support to solve more problems, releases time for the analysis of the received solutions and their graphic interpretation.

allows to present at the lectures and at the practical classes the material, possibly less in volume but more significant in meaning, leaving everything that has appeared beyond the scope of the work in class, for an individual work with an electronic textbook;

optimizes the ratio of number and content of the examples and problems discussed in the class with those tasks that the student should do at home;

allows to individualize the work with the students, especially regarding the homework and the control activity.

The electronic textbooks provide immense possibilities in teaching foreign languages. We will not discuss the subscript translation or instant spell check (it is also rather effective for a native language). There is a well-known program "Professor *Higgins*", through which you can study a course of English phonetics. The program has a general description of how it is necessary to pronounce the certain sounds (as well as in ordinary printed textbook), but in addition, there are animated movements of the lips and tongue, essential for a correct pronunciation. An ordinary textbook can give only a few consecutive pictures [2].

Thus, maintaining all the features of the ordinary textbooks, an electronic textbook should have the innovative qualities, in comparison with them, that include the elements of hypermedia and virtual reality, providing a high level of visibility, illustrative and high interactivity, and provide new forms of structured representation of large volumes of information and knowledge.

An electronic textbook undoubtedly has many advantages in comparison with an ordinary paper textbook, but it should be said about its disadvantages. The disadvantages of an electronic textbook include:

perception of text information from the computer screen is much less convenient and effective than reading a book;

higher cost compared to an ordinary paper textbook.

The analysis shows that most students have already been well aware of the need to use new information technologies in their professional activities in the early stages of education [3]. The effect of perception enhances if the learning objectives are related to practical activities of future professional or are of some interest at his current educational or scientific work. Most students realize that only proactive and well-educated person who can flexibly reconstruct the direction and content of his activity due to the changes in technologies and social order, can be really socially protected in the future.

Литература

1. Алешкина О. В. Применение электронных учебников в образовательном процессе / О. В. Алешкина // Молодой ученый. – 2012. – №11. – С. 389-391.
2. Биков В. Ю. Сучасні завдання інформатизації освіти / В. Ю. Биков // Інформаційні технології і засоби навчання. – 2010. – № 1(15).
3. Зайнутдинова Л. Х. Создание и применение электронных учебников / Л. Х. Зайнутдинова. – Астрахань : ЦНТЭП, 2003. – 364 с.

References

1. Aleshkina O. V. Application of the electronic textbooks into the educational process. Young scientist, 2012, №11. pp. 389-391.
2. Bykov V. Yu. Modern tasks of informatization of education. Information technologies and teaching techniques, 2010, № 1 (15).
3. Zainutdinova L. Kh. Creation and application of the electronic. Astrakhan, TsNTEP, 2003. 364 p.

КОНЦЕПТ «КУЛИНАРНАЯ ЛЕКСИКА» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Финикова Ю.Б.

juliafinikova60281@mail.ru

Государственный социально-гуманитарный университет

В данной статье предлагается лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с гастрономическим компонентом с целью выявления их национальной и культурной специфики, а также их роли в формировании языковой картины мира народа. Языковая картина мира, как известно, представляет собой неотъемлемую составную часть общей концептуальной картины мира, которая включает в себя знания социума о предметах объективной действительности, знания и представления народа о внешнем и внутреннем мире. Исследование проводится на материале французского языка.

Ключевые слова: язык, культура, языковая картина мира, национальный характер, фразеологические единицы, концепт «еда», гастрономический тезаурус.

«FOOD» CONCEPT AS A WAY OF REFLECTION OF THE FRENCH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Finikova Y.B.

juliafinikova60281@mail.ru

State University of Humanities and Social Studies

This article is dedicated to the cultural linguistics analysis of phraseological units with a gastronomic component to delineate their national and cultural identity, their role in forming the language picture of the world. The linguistic picture of the world, as we know, is an integral part of the general conceptual picture of the world, which includes the knowledge of the society about the objective reality, external and internal world. The analysis is carried out on the basis of the French language.

Keywords: language, culture, language picture of the world, national character, phraseological units, «food» concept, gastronomic thesaurus.

В условиях трансформации современного общества, ищущего свою социокультурную идентичность, стремящегося создать эффективную систему социальной организации, закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам межкультурной коммуникации, так как значительная часть коммуникативных процессов в мире приходится на межкультурное общение.

Основополагающую роль в данном процессе играет язык и культура. Вопрос взаимосвязи языка и культуры до сих пор актуален и фундаментальные научные исследования, проведенные в этом направлении, являются тому подтверждением.

Рассуждая о взаимосвязи языка и культуры отечественные учёные (Е.М. Верещагин, Н.И. Жинкин, К. Леви-Строс, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова и др.) полагают, что у языка как отражения культуры один и тот же вектор развития. Например, В.А. Маслова читает, что язык – факт культуры, так как: «1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления, как коды,

формируемые подобно языку. Носитель языка одновременно является одновременно и носителем культуры, поэтому языковые знаки могут функционировать как знаки культуры» [5].

Как заметил К. Леви-Строс, язык «есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – фактор формирования культурных кодов» [5].

С.Г. Тер-Минасова подчёркивает, что «язык не существует вне культуры. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной» [6].

Таким образом, язык является частью культуры, её отражением, механизмом, открывающим перед человеком область сознания [4], одним из главных способов формирования и существования знаний и представлений человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется или как «концептосфера» (В.А. Маслова) [5], или как «наивная картина мира» (Ю.Д. Апресян) [1], или как «языковая картина мира» (Л. Вайсгербер) [7], последнее из которых является наиболее распространённым в науке.

Как утверждает В.А. Маслова, языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный [5]. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определённая языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Проблема взаимодействия языка и культуры является актуальной для лингвистики, где усвоению ключевых концептов культуры уделяется должное внимание. К таким концептам относятся географические названия, названия учреждений, организаций, газет, а также слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, как, например, названия блюд национальной кухни.

Во Франции, как известно, гастрономия является неотъемлемой частью культуры народа, наиболее ярко отражает национальные особенности французского характера. Обращение к области гастрономии является не просто интересным аспектом в изучении французского языка, но и актуальным. Как утверждает Карен Ле Бийон: «Чтобы лучше познакомиться с культурой Франции, необходимо начать с её «желудка» [2]. Поэтому слова, словосочетания и устойчивые обороты речи, относящиеся к понятийной сфере гастрономии, являются одной из наиболее частотных номинаций повседневной жизни француза.

Обратимся к продуктам питания, ставшим символами Франции и получившим своё отражение в языке. Одним из таких является хлеб. Он олицетворяет достаток, добро, гостеприимство и доброжелательное отношение:

- avoir du pain sur la planche – жить в достатке;
- bon comme le pain – добрейший, милейший человек;
- embrasser comme du bon pain – прижимать к себе как вкусный хлеб;

- s'ôter le pain de la bouche pour quelqu'un – отдавать последний кусок хлеба, делиться последним;
- tendre comme du pain frais – нежный как свежий хлеб.

Сливочное масло является вторым важным продуктом во французской кулинарии. Им не только смазывают хлеб, но и добавляют в супы, десерты и соусы. Раньше масло было недоступно для бедного населения, поэтому часто выражения со словом «масло» говорят о состоятельности человека:

- avoir le cul dans le buerre – быть очень богатым;
- baigner dans le beurre – как сыр в масле кататься;
- mettre du beurre dans ses épinards – разжиться, разбогатеть, поправить свои дела;
- faire son beurre de ... – наживаться, греть руки, извлекать материальные выгоды из ...;
- promettre plus de beurre que de pain – сулить золотые горы, наобещать с три короба.

Известно, что французская трапеза невозможна без знаменитых французских сыров. Во Франции производят более 400 видов сыра и каждый из них уникален в своем роде, что нашло свое отражение в устойчивом выражении:

- entre la poire et le fromage – под конец обеда, за десертом;
- faire (tout) un fromage de ... – преувеличивать значение (слов, поступков, происшествий), раздувать (целую) историю из ...;
- fromage et dessert – (шутл.) чего душе угодно;
- rouler comme le fromage dans le beurre – как сыр в масле кататься;
- se partager le fromage – (перен.) делить пирог.

Говоря о специфических гастрономических предпочтениях французов, стоит упомянуть о лягушках. Следует заметить, что раньше блюда из лягушачьих лапок готовились только для аристократов и считались настоящим деликатесом, так как лягушачье мясо импортировалось из стран Азии и стоило достаточно дорого [3]. В связи с этим во французском языке появились устойчивые выражения с данным словом:

- bête comme une grenouille – глуп как пробка;
- boire comme une grenouille – пить как лошадь;
- il n'y a pas de grenouille qui ne trouve son crapaud – на каждый горшок найдется крышка;
- il pleut, il mouille, c'est la fête à la grenouille – дождливо, мокро, а лягушкам радость;
- manger (faire sauter) la grenouille – растратить, присвоить чужие деньги;

Известно, что улитки также считаются изысканной едой французской кухни. Ещё в XIX веке блюдо «Эскарго» готовилось при дворе французских королей по рецепту Мари-Антуана Карема, повара министра иностранных дел Франции Шарля Мориса Талейрана-Перигора, что способствовало появлению в языке ряда фразеологических оборотов с этим словом [3]:

- aller comme un escargot – идти медленно, ползти как улитка (как черепаха);
- escalier (m.) en escargot – винтовая лестница;
- lent comme un escargot – медлительный как улитка;
- s'enrouler comme un escargot – свернуться, закрутиться как улитка;
- escargot (m.) de trottoir – тротуарная улитка (о полицейском).

И, наконец, французское вино. Считается, что французы и дня не могут прожить без бокала этого прекрасного напитка. Французское вино, по праву, является одним из лучших в мире. С ним связаны многие аспекты жизни, что и нашло своё отражение в языке:

- à bon vin point d'enseigne – хороший товар сам себя хвалит (хорошему вину не нужна никакая реклама);
- mettre de l'eau dans son vin (разбавить вино) – умерить свои притязания, смягчиться;
- qui a tiré le vin le boit – сам заварил кашу, сам и расхлёбывай;
- sac (m.) à vin – пьяница;
- larme (f.) de vin – капля вина.

Таким образом, проанализированные нами французские фразеологические единицы с гастрономическим компонентом отражают опыт мировосприятия и категоризации познаваемых объектов, а также формируют значительный фрагмент языковой картины мира носителей языка. Это позволяет говорить о ценностной значимости символического кулинарного кода в культуре французского народа.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды в 2х т. – Т. II.: Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст]/ Апресян Ю. Д. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Бийон Ле, К. Французские дети едят всё [Текст]/ К. Ле Бийон. – М: Синдбад, 2014. – 59 с.
3. Генис, А. Кулинарные путешествия [Электронный ресурс]. – М.: Астрель, 2010. URL: <http://78.25.154.254/index.html?UrlRedir=http%3A%2F%2Fru.tracker.org%2Fforum%2Fviewtopic.php%3ft%3d4864462> (дата обращения: 20.01.17).
4. Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество [Текст]/ Н.И. Жинкин. – М., 1998. – 368 с.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Электронный ресурс]. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php (дата обращения: 16.01.17).

6. Тер-Минасова, С.Г. Диалоги и конфликты языков и культур [Текст]/ С.Г. Тер-Минасова // Сборник материалов международной практической конференции: Современные теории и методики обучения иностранным языкам. – М.: Экзамен, 2006. – С. 12 – 21.

7. Уорф, Б. Наука и языкознание [Текст]/ Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып.1. – М., 1960. – С. 47-51.

References

1. Apresyan, Yu.D. Izbrannye trudy v 2kh t. T. II.: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Tekst]/ Apresyan Yu. D. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. – 767 с.

2. Biyon Le, K. Frantsuzskie deti edyat vse. M: Sindbad, 2014. 59 p.

3. Genis, A. Kulinarnye puteshestviya [Elektronnyy resurs]. – М.: Astrel', 2010. URL: <http://78.25.154.254/index.html?UrlRedir=http%3A%2F%2Fru.tracker.org%2Fforum%2Fviewtopic.php%3ft%3d4864462> (дата обращения: 20.01.17).

4. Zhinkin, N.I. Yazyk. Rech'. Tvorchestvo [Tekst]/ N.I. Zhinkin. М., 1998. 368 Pp.

5. Maslova, V.A. Lingvokul'turologiya [Elektronnyy resurs]. М.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php (data obrashcheniya: 16.01.17).

6. Ter-Minasova, S.G. Dialogi i konflikty yazykov i kul'tur. Sbornik materialov mezhdunarodnoy prakticheskoy konferentsii: Sovremennye teorii i metodiki obucheniya inostrannym yazykam. М.: Ekzamen, 2006. Pp. 12 – 21.

7. Uorf, B. Nauka i yazykoznanie. Novoe v lingvistike. Vyp.1. М., 1960. Pp. 47-51.

УДК 81

НЕМЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЕДА» В РАМКАХ ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Хомутская Н.И.

khomutskayan@rambler.ru

Государственный социально-государственный университет

В данной статье рассматривается место пословиц лексико-семантического поля «Еда» в общей фразеологической системе немецкого языка, даётся определение исследуемому лексическому понятию. Особое внимание уделяется отражению национального компонента тематической группы пословиц, подчёркивается при этом связь языка и мышления. Результатом проведённого исследования является вывод о том, что владение немецкими пословицами лексико-семантического поля «Еда» способствует успешной коммуникации представителей разных народов и культур.

Ключевые слова: *фразеологизм, пословица, лексико-семантическое поле, национально-культурный компонент, национальная кухня, частеречная принадлежность.*

GERMAN PROVERBS OF LEXICO-SEMANTIC FIELD 'FOOD' WITHIN A FRAMEWORK OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Khomutskaya N.I.

State University of Humanities and Social Studies. Kolomna

In the present article the author considers the place of proverbs of lexico-semantic field of 'food' in phraseological system of the German language; the author gives the definition of this notion. Special focus is given to the reflection of national component of 'food' proverbs, thus underlining the correlation between language and thinking. The results of research suggest that acquisition of German proverbs in the lexico-semantic field of 'food' contributes to successful communication among representatives of various peoples and cultures.

Keywords: phraseology, proverb, lexico-semantic field, national-cultural component, ethnic cuisine, part of speech belonging.

Современный немецкий язык насыщен пословицами, которые являясь неотъемлемой частью его фразеологической системы, широко употребительны в повседневном общении, в средствах массовой информации, в произведениях художественной литературы. В каждой немецкой пословице заложен глубокий смысл, отображённый в языковой форме, ведущий либо к полному процессу понимания между участниками коммуникации, либо приводящий к возникновению курьёзов. Ответ прост, значение немецких пословиц нужно точно знать, чтобы избежать непонимания в процессе межкультурной коммуникации.

Будучи частью фразеологической системы в широком смысле, немецкие пословицы заключают в себе основные признаки фразеологизма. Мы полностью разделяем мнение известного немецкого лингвиста Г. Бургера о том, что фразеологизмы должны следовать двум качествам – многолексичности (фразеологизм состоит из более, чем одного слова) и устойчивости (фразеологизм известен в определённой комбинации слов и воспринимается как одно слово) [7]. О значимости пословиц во фразеологическом фонде немецкого языка свидетельствует суждение другого немецкого лингвиста В. Шмидта. Учёный утверждает, что среди множества классификаций следует выделить лишь две: пословицы и поговорки (Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten) [10].

В отечественном языкознании широко распространено следующее определение фразеологизма: «Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [6].

О сложной природе фразеологических единиц свидетельствует и наличие различных подходов к их классификации. Широкое распространение получила классификация В.В. Виноградова, в основу которой положена концепция Ш. Балли. Согласно данной классификации выделяют фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Дополнением к такому делению могут последовать и фразеологические выражения, «которые также устойчивы, однако состоят из слов со свободными значениями, т.е. отличаются семантической членимостью» [5]. К указанной группе относятся крылатые выражения, пословицы, поговорки. Следует отметить, что многим фразеологическим выражениям присуще и синтаксическая особенность. Они имеют форму не словосочетания, а целостного предложения. Группу фразеологических выражений мы находим также и в классификации известного российского германиста И.И. Чернышевой. Фразеологические выражения – это фразеологизмы с синтаксической структурой предложения. Они образуют эквиваленты предложений или языковой единицы, выступающие в качестве предложений. Входящие в него фразеологические выражения семантически и коммуникативно различны [4]. Согласно данной классификации одну

из её групп составляют общеупотребительные пословицы: August ohne Feuer macht Brot teuer (Август без тепла – хлеб втридорога); Besser ein kleiner Fisch als gar nichts auf dem Tisch (Лучше синица в руке, чем журавль в небе). Анализируя фразеологические выражения И.И. Чернышева подчёркивает два ведущих качества фразеологичности: единичная сочетаемость компонентного состава и специфическая разновидность семантического преобразования. Так, для пословиц характерен дидактический смысл, который выражается через переосмысление соответствующего образа [4]. Примером могут послужить следующие пословицы: Danach der Mann geraten, wird ihm die Wurst gebraten (По одежке протягивай ножки); Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei (Паршивая овца всё стадо портит).

Являясь особым типом фразеологических выражений под пословицей можно понимать меткое образное изречение (нередко назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющие форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает законченное суждение [6]. Пословицы – это устные, краткие изречения, восходящие к фольклору, в обобщённом виде констатирующие свойства людей или явлений, дающие им оценку и предписывающие образ действий [1]. Sprichwort, das (Pl.... wörter) [mhd. Sprichwort = geläufige Redewendung]: kurzer, einprägsamer Satz, der eine praktische Lebensweisheit enthält [8]. Sprichwort (mhd. Sprichwort geläufiges Wort, Redensart) eigentlich wohl vielgesprochenes Wort [9]. Знакомясь с иностранными (в нашем случае с немецкими) пословицами и проводя аналогии с родным языком, нам проще понять уклад жизни и сам язык. Неслучайно В.И. Даль отмечал, что пословицы – это «свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [3]. В данном метком высказывании о пословицах ёмко отображена суть процесса межкультурной коммуникации: нужно знать не только значение отдельных слов, реалий и понятий народа, но и уметь понять сочетания слов и выражений, отражающих национальную составляющую языка. Пословицы отражают один из «кодов» культуры, язык веками сформировавшейся обыденной культуры, который передаётся на протяжении многих веков от семьи к семье и который отражает все категории и установки жизненной философии носителей языка. Пословицы представляют собой неотъемлемую часть народа также, как и еда, они придают национальной картине мира образность, яркость и динамичность. Вероятно, именно поэтому, у многих народов в его фразеологическом фонде представлены пословицы лексико-семантического поля «Еда».

Лексико-семантическое поле – совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова: по современным представлениям, поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национального языка не только литературного, но и просторечия, диалектов, жаргонов, с обращением к историческим лексическим материалам при ориентации на диахроническое исследование. В нашем случае лексико-семантическое поле объединяется понятием «Еда». Еда – это принятие пищи ртом, для насыщения и усвоения, яденье [2].

Процесс принятия пищи человеком выражен в немецком языке широкоупотребительным глаголом «essen», который выступает смысловым ядром во многих пословицах: Sprich, was wahr ist, trink, was klar ist, iß, was gar ist (Ешь, пей, а правду матку режь); Willst du lange leben und gesund bleiben, iß wie die Katze und trink,

wie der Hund (Если хочешь жить долго и быть здоровым, ешь как кошка и пей, как собака); Dazu gehört mehr als Brot essen (Это тебе не хлеб есть).

Немцы еще совсем недавно были нацией с очень скудными пищевыми пристрастиями. Поэтому совершенно очевидны результаты анализа, отобранного нами в ходе исследования практического материала, в котором большинство пословиц образованы с компонентом «Brot» (хлеб). Например, Salz und Brot macht Wangen rot (Щи да каша – пища наша); Morgenrot schafft Brot (Кто рано встаёт, тому Бог подаёт); Not sucht Brot (Нужда научит горшки обжигать); In der Not schmeckt jedes Brot (На безрыбье и рак рыба) и т.д. Подавляющее количество пословиц возникло в ранние эпохи развития немецкого языка. О скромном образе жизни немцев свидетельствуют и пословицы с компонентом «Brei» (каша): Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei (Одна паршивая овца всё стадо портит); Zu viele Köche verderben den Brei (У семи нянек дитя без глаза).

Издавна немцев называли «колбасниками» (Wurstleute). И это неслучайно. Они обожают колбасы и научились производить более 1500 их разновидностей. Отдельный подвид – это сосиски и сардельки. Немцы могут готовить из них все, кроме, пожалуй, десертов. Это находит подтверждение в пословичном фонде немецкого языка: Danach der Mann geraten, wird ihm die Wurst gebraten (Каков поп – таков приход); Brätst du mir die Wurst, so löscht ich dir den Durst (Как аукнется, так и откликнется).

Тот факт, что немецкая кухня имеет ярко выраженный региональный характер, отображён в пословицах. Например, северные приморские регионы всегда славились рыбой: Der Gast ist der Fisch, er bleibt nicht lange frisch (В гостях будь, да не засиживайся); Besser ein kleiner Fisch, als gar nichts auf dem Tisch (Лучше синица в руке, чем журавль в небе); Frische Fische – gute Fische (Свежая рыба – хорошая рыба).

В качестве основных компонентов немецких пословиц лексико-семантического поля «Еда» выступают и другие наименования пищи: das Ei, die Würze, der Honig, die Birne, die Nuß, der Speck, die Suppe и другие.

Касательно частеречной принадлежности из отобранных немецких пословиц исследуемого лексико-семантического поля доминирующей частью речи является существительное (das Brot, der Wein, der Fisch, das Wasser, das Ei, der Brei, der Honig, das Korn usw). Далее следуют примеры с употреблением в пословицах глаголов и прилагательных: essen, trinken, fressen, schmecken, buttern, braten; bitter, frisch, süß.

Итак, каждая пословица немецкого языка лексико-семантического поля «Еда», являясь составной частью фразеологических выражений, содержит в себе элементы национальной и языковой картины мира, показывает уникальную связь языка и мышления народа, образует весомую составляющую сокровищницы немецкого языка в целом, таит много загадок и тайн для иностранцев в бурно развивающемся процессе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура [Текст] / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1983. – 246 с.
2. Даль, В.И. Еда // Толковый словарь В.И. Даля для школьников: Современный словарь русского языка: АСТ Харвест Мн., 2010. – 512 с.
3. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 399 с.
4. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
5. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – Спб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

6. Ярцева, В.Н. Большой энциклопедический словарь [Текст] / В.Н. Ярцева. – 2-ое издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 688 с.

7. Burger, G. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen [Текст] / G. Burger. – ESV, 2010. – 239 p.

8. Duden. Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten / Deutsches Universalwörterbuch 4., neubearbeitete und erweiterte Ausgabe. Herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. – 1892 p.

9. Glück, H. Metzler Lexikon Sprache [Текст] / H. Glück. Stuttgart-Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2010. – 814 p.

10. Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde [Текст] / W. Schmidt.– Berlin, 1967. 356p.

References

1. Bereshchagin, E.M. Yazyk i kul'tura. Izd. 3-e.M.: Prosveshchenie, 1983. 246 p.

2. Dal', V.I. Eda. Tolkovyy slovar' V.I. Dal'ya dlya shkol'nikov: Sovremennyy slovar' russkogo yazyka: AST Kharvest Mn., 2010. 512p.

3. Dal', V.I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957. 399 p.

4. Chernysheva, I.I. Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka. Vysshaya shkola, 1970. 199 p.

5. Shanskiy, N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Spb.: Spetsial'naya literatura, 1996. 192 s.

6. Yartseva, V.N. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar. 2-oe izdanie «Lingvisticheskogo entsiklopedicheskogo slovary» 1990. M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya», 2000. 688 s.

7. Burger, G. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. ESV, 2010. 239 p.

8. Duden. Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. Deutsches Universalwörterbuch 4., neubearbeitete und erweiterte Ausgabe. Herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. 1892 p.

9. Glück, H. Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart-Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2010. 814 p.

10. Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde. W. Schmidt.– Berlin, 1967. 356 p.

УДК 811. 111

STUDYING CONVERSION AS A PRODUCTIVE TYPE OF WORD-FORMATION AT ENGLISH LESSONS

Chevychelova Ye. A.

Kharkiv National Automobile and Highway University

The article is devoted to analysing conversion as a type of word-formation. Attention is paid to its definition and terminology. It is pointed out that the status of conversion is a bit unclear and there are some doubts about expediency of considering it a branch of derivation or a separate process by itself. The next point that is discussed is its productivity. It is also specified that the process of conversion has some semantic limitations and some clues to make sure conversion has taken place are considered. The importance of studying conversion at English lessons is emphasised.

Keywords: conversion, word-formation, lexicon, combinability, productivity, studying English.

ИЗУЧЕНИЕ КОНВЕРСИИ КАК ПРОДУКТИВНОГО СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу конверсии как способа словообразования. Ее определение и терминология находятся в центре внимания. Отмечается, что статус конверсии является немного неясным, и есть некоторые сомнения по поводу того, стоит ли считать конверсию частью процесса деривации, или же она является отдельным самостоятельным процессом. Еще один аспект обсуждения – продуктивность конверсии. Уточняется, что процесс конверсии имеет семантические ограничения, и существуют определенные ориентиры, по которым можно определить, имела ли место конверсия. В статье также подчеркивается важность изучения конверсии на уроках английского языка.

Ключевые слова: конверсия, словообразование, словарный запас, сочетаемость, продуктивность, изучение английского языка.

English is a very productive language. Due to its versatile nature, it can undergo many different word-formation processes to create new lexicon. Some of them are much lexicalised – such as derivation or compounding. However, new trends are pointed up in the productive field. This is the case of the minor methods of word-formation – i.e. clipping, blending – and conversion. As they are recent phenomena, they have not been studied much yet. Even scholars differ in their opinions about the way they should be treated. There is only one point they all agree with: these new methods are becoming more frequently used. For example, conversion is going to be more active in the future, and so, it will create a great part of the new words appearing in the English language.

Conversion is extremely productive to increase the English lexicon because it provides an easy way of creating new words from existing ones. Thus, the meaning is perfectly comprehensible and the speaker can rapidly fill a meaningful gap in his language or use fewer words.

The aim of the work is to give general data about conversion as a type of word-formation including definition, terminology and productivity and to emphasise the importance of teaching conversion at school. The choice of the theme is prompted by the insufficient attention to studying conversion at school, though the word-formation is a difficult and volumetric issue and requires careful studying.

Conversion is a characteristic feature of the English word-building system. It is also called affixless derivation or zero-suffixation. The term “conversion” first appeared in the book “New English Grammar” by Henry Sweet in 1891. Conversion is treated differently by different scientists. A.I. Smirntitsky considers conversion to be a morphological way of forming words when one part of speech is formed from another part of speech by changing its paradigm, for example, to form the verb “to dial” from the noun “dial” we change the paradigm of the noun (a dial, dials) for the paradigm of a regular verb (I dial, he dials, dialed, dialing). A. Marchand in his book “The Categories and Types of Present-day English” speaks of conversion as a morphological-syntactical word-building process because in this case not only the change of the paradigm is present, but also the change of the syntactic function, for example: *I need some good paper for my room.* (The noun “paper” is an object in the sentence). *I paper my room every year.* (The verb “paper” is the predicate in the sentence). [4, 30]

Conversion is a way of coining new words from already existing ones by changing their lexico-grammatical meaning, stem-building elements, grammatical categories, syntactical function and combinability. Conversion is performed according to some models of “converting” nouns into verbs or verbs into nouns, adjectives into nouns or nouns into adjectives, which can be seen from the examples below [6]:

1. *N > V: a chairman > to chairman, a butcher > to butcher, a boss > to boss;*
2. *V > N: to catch > the catch, to look > a look, to ride > a ride;*
3. *A > N: intellectual (a) > an intellectual (n), young (a) > a/the young (n);*
4. *N > A: maiden (n) > maiden (a), sidelong (n) > sidelong (a).*

The status of conversion is a bit unclear. It must be definitely placed within the phenomena of word-formation; nevertheless, there are some doubts about expediency of considering it a branch of derivation or a separate process by itself (with the same status as derivation or compounding) [1, 32].

The terminology used for this process has not been completely established yet. The most usual terms are 'conversion', because a word is *converted* (shifted) to a different part of speech; and 'zero-derivation', because the process is like *deriving* (transferring) a word into another morphological category with a zero-affix creating a semantic dependence of one word upon another [5, 158]. Other less frequently used terms are 'functional shift', 'functional change' or 'zero-marked derivation' [2, 412], denominations that express by themselves the way the process is considered to happen.

It must be pointed out that the process of conversion has some semantic limitations: a converted word only assumes one of the range of meanings of the original word. For example, the noun 'paper' has at least 6 meanings, such as "newspaper", "material to wrap things", "documents", "examination", etc. The denominal verb, though, only renders the sense of covering the walls of a room with a wallpaper. This shows the converted item has only converted part of the semantic field of the source item.

Conversion is extremely productive to increase the English lexicon because it provides an easy way to create new words from existing ones. Thus, the meaning is perfectly comprehensible and the speaker can rapidly fill a meaningful gap in his language or use fewer words. "Conversion is a totally free process and any lexeme can undergo conversion into any of the open form classes as the need arises" [1, 226]. This means that any word form can be shifted to any word class, especially to open classes – nouns, verbs, etc. – and that there are not morphological restrictions. Up to date, there has only been found one restriction: derived nouns rarely undergo conversion (particularly not to verbs). This exception is easily understood: if there already exists one word in the language, the creation of a new term for the same concept will be blocked for the economy of language. For example, the noun 'denial' will never shift into a verb because this word already derives from the verb 'deny'. In that case, the conversion is blocked because 'to deny' and 'to denial' would mean exactly the same. However, there are some special cases in which this process seems to happen without blocking. This can be exemplified in the noun 'sign', converted into the verb 'to sign', changed by derivation (suffixation) into the noun 'signal' and converted into a new verb, 'to signal'. In this case there is no blocking because these words have slight semantic differences [1, 226-227].

Conversion is particularly common in English because the basic form of nouns and verbs is identical in many cases. It is usually impossible in languages with grammatical genders, declensions or conjugations [2, 430].

Conversion from noun to adjective and adjective to noun is rather a controversial one. It is called 'partial conversion' by Quirk [5, 159] and Cannon [2, 413] and 'syntactic process' by Bauer [1, 230]. This peculiar process occurs when "a word of one class appears in a function which is characteristic of another word class" [5, 160]. Most of these cases should not be treated as conversion but as nouns functioning as adjectives and vice versa.

There are some clues, though, to make sure conversion has taken place. In the case of adjectives coming from nouns, the hints are quite easy: they can be considered as cases of conversion only when they can appear in predicative as well as in attributive form. If the

denominal adjective can be used attributively, we can affirm conversion has happened. If it can only appear predicatively, it is merely a case of partial conversion. 'Mahogany music box' can be used in an attributive way, "the music box is mahogany". This implies 'mahogany' is a denominal adjective. However, in the predicative phrase 'antiques dealers' we cannot treat 'antiques' as an adjective because the attributive form of this expression is ungrammatical (dealers are antique). Another way to make sure we are in front of a case of conversion is to change a word for another similar one. For example, in 'Dutch Auction' we are sure the word 'Dutch' is an adjective because it has the specific form of adjective. Therefore, in 'South Jersey Auction' or 'Texas Auction' we can affirm these are cases of denominal adjectives.

Adjectives can also shift into nouns, though it is not very frequent. It mainly happens in well-established patterns of adjective plus noun phrase. Nominalisation occurs when the noun is elided and the adjective is widely used as a synonym of an existing set pattern. This could be the case of 'a Chinese favourite'.

The adjective nature in cases of partial conversion is evident, though. They are nouns from the point of view of the fact that they appear in the same syntactic position. Their grammatical nature, though, is a different one. These adjectives can still be changed to the comparative and superlative form (adjective nature). This can be exemplified in 'worst' and 'merrier'. However, these adjectives cannot behave as nouns: if their number or case is changed, they will produce ungrammatical sentences. This can be seen in the case of 'more' in cases like "the mores we get". If the '-s' for the plural is added to any of these items, we would get ungrammatical sentences. The case of 'cutie', though, could be argued. It seems to be much used and established within certain groups. This could have converted it into a lexicalised example of adjective to noun [3].

There are some few cases of conversion in which there are slight non-affixal changes. These can be considered marginal cases of conversion [1, 228-229]

Although the shift takes place, they are called "marginal" because of the alterations produced in the word. Words belonging to this category are a close and long-established set. This marginal group can be divided regarding two different aspects: the pronunciation and the word-stress [5, 145].

With respect to pronunciation, there are some nouns ending in voiceless fricative consonants /-s/, /-f/ and /-θ/ which are converted into verbs with the voicing of the final consonant into /-z/, /-v/ and /-ð/, respectively. For example, the noun 'use' /-s/ shifts to the verb 'to use' /-z/ without any change but the voicing of the final consonant. There are also some examples in this category that have a change in spelling for historical reasons. This is the case of the noun 'advice' /-s/, which began to be written with 'c' in the 16th century whereas its corresponding verb 'advise' /-z/ did not change its original spelling. Similarly, the noun 'belief' /-f/ changed from 'beleeve' to 'beleefe' in the 16th century, "apparently by form-analogy with pairs like grieve grief, prove proof", while the verb 'believe' /-v/ kept the original 'v'. In all those cases the change in graphic form corresponds to the shift in sound nature from a voiceless to a voiced consonant. Therefore, the voicing is also represented graphically. This category is no longer productive.

The other marginal type has to do with the stress pattern. There are some bisyllabic verbs which shift to nouns or adjectives with a change in word stress from the verb distribution /-'-/ to the noun and adjective pattern /'—/ (this stress shift also affects the phonetic pattern, especially the length of the vowels involved). These are the cases of the verb 'conduct' /kən'd kt/ to the noun 'conduct' /'kond kt/, from the verb 'protest' /prə'test/ to the noun 'protest' /'proutest/, or from the verb 'increase' /iŋ'kri:s/ to the noun 'increase' /'iŋkri:s/.

Having analysed the program of studying the English language at school it was interesting to find out, that conversion is not mentioned at all there, though, being one of the

most productive ways of a word-formation, could be a good way of updating the child's active and passive vocabulary. There is not any word about conversion in this program, however, words formed in this way are given simply as different parts of speech, and the connection between them is not explained.

Taking into account the opportunities, which we have being aware of this way of forming new words, it is easy to estimate the role of studying this material at school, it is natural that is necessary to start presenting some items of this phenomenon to children from that moment, as soon as the children have sufficient lexical base for this purpose. It is possible to consider the third year of training as the most successful moment to begin presenting the essence of this phenomenon to children.

The studying of this aspect of the English language promotes the enrichment of the child's dictionary, makes his speech more expressive, and also helps to fill up passive and active vocabulary, by means of formation the new words by himself. For example when he reads a book, it will not be necessary to him to look for a word formed by conversion, in the dictionary, but to define its meaning, using the knowledge of this language phenomenon.

As it was said knowing conversion is very important in learning the language, it develops the skill of independent work, prompts such mental processes, as memory, logic thinking, ability to analyze and to compare.

References

1. Bauer L. English Word-Formation: Cambridge University Press, 2005. 328 p.
2. Cannon G. *Functional Shift in English. Linguistics. 1985. Vol. 23. P. 411–431.*
3. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistic. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 536 p.
4. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1960. 350 p.
5. Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English. Longman Publishing Group, 1976. 247 p.
6. Swan M. Practical English Usage. third edition. Oxford : Oxford University Press, 2005. 688 p.

УДК 80

СУБФРЕЙМ «ИЗМЕНЕНИЕ С ЦЕЛЬЮ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ/УЛУЧШЕНИЯ»

Черняева А.В.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
chernalina@mail.ru

Данная статья посвящена описанию структуры субфрейма «изменение с целью приспособления/улучшения», который в свою очередь является составной частью более объемного концепта «изменение». В статье проводится анализ словарных дефиниций, выявляются гиперсемы, интегральные и дифференциальные признаки. В результате фреймового анализа устанавливаются обязательные компоненты субфрейма - субъект и объект, описываются способы их выражения. Также выявляются факультативные компоненты.

Ключевые слова: концепт, субфрейм, глагол, улучшение, приспособление, изменение, категориальное значение.

SUBFRAME «ALTERATION FOR ADJUSTMENT/IMPROVEMENT»

Chernyaeva A. V.

St Petersburg University of Humanities and Social Sciences

The article deals with the structure of the subframe “alteration for adjustment/improvement” which is part of a bigger concept “change”. It suggests the analysis of the definitions which results in basic components of the meaning, integral and differentiating components. Frame analysis gives a possibility to establish its compulsory components (subject and object), as well as its extra components.

Keywords: concept, subframe, verb, improvement, adjustment, change, categorical meaning

Данный субфрейм представлен следующими глаголами: **adapt, adjust, customize, modify, modulate, revise, rectify, amend, reform** и др. Субфрейм является неоднозначным по своему составу. Одни глаголы выражают в основном приспособление, другие – в основном улучшение, третьи – в равной мере выражают приспособление и улучшение. Невозможно выделить один прототип в данном субфрейме, что является особенностью его структуры. Рассмотрим дефиниции глаголов.

ADAPT

1) If you adapt to a new situation or adapt yourself to it, you change in order to be able to deal with it.

2) If you adapt smth, you change it to make it suitable for a new purpose or situation.

В первом значении выделяются следующие признаки: **направленность изменения на ту же сущность, ситуативность, приспособление, целенаправленность**; можно логически также вывести признаки: изменение внутреннее (сознания), изменение внешнее (поведения), ориентированность на успех. Данное значение говорит о том, что в конструкции может реализовываться вторичная функция в связи с асимметрией формы и содержания: за переходной (возвратной) конструкцией в данном случае стоит именно концепт «автономное действие», поскольку вербализуется действие, замкнутое в сфере объекта, ненаправленное на другой объект.

Во втором значении представлены такие признаки, как **направленность изменения на другую сущность, приспособление, целенаправленность, ситуативность, соответствие**.

ADJUST

1) when you adjust to a new situation, you get used to it by changing your behaviour or your ideas.

2) if you adjust something, you change it to make it more effective or appropriate.

В первом значении выделяются признаки: **ситуативность, привыкание, направленность изменения на ту же сущность** (внешнее изменение или внутреннее).

Во втором значении присутствуют такие признаки, как **изменение, направленность изменения на другую сущность, целенаправленность, улучшение, соответствие**.

CUSTOMIZE if you customize something, especially a car, you adapt it to the individual customer`s own needs or tastes, often by changing its appearance – признаки: **направленность изменения на другую сущность (машину), приспособление, изменение внешнего вида машины, индивидуальные потребности**.

MODIFY – if you modify a plan, law, policy, etc you change it slightly, often in order to make it more acceptable. Признаки: **определенный тип объекта – план, закон, политика и т.д., незначительное изменение, целенаправленность, приемлемость**. Согласно словарю синонимов, глагол предполагает ограничение:

MODULATE – if you modulate your voice, you change or vary the way that it sounds, for example its loudness, pitch, or tone, according to the effect you are trying to create.

Признаки: **изменение голоса, целенаправленность – воздействие на слушателя.** При этом имеем дело с **изменением, направленным на ту же сущность:** голос, хотя иногда и может пониматься как самостоятельная сущность, все-таки есть, прежде всего, характеристика сущности – человека. Деление объектов внешнего мира на сущности и их характеристики аналогично делению предметов на вещи и признаки у М.В. Никитина.

REVISE – if you revise something, you alter it in order to make it better or more correct. Признаки: **изменение, направленное на другую сущность, целенаправленность, улучшение/корректировка.**

RECTIFY – if you rectify something that is damaged or that is causing problems, you change it so that it becomes correct or satisfactory. Признаки: **изменение, направленное на другую сущность, исправление повреждения, целенаправленность, улучшение.**

AMEND – if you amend something, for example a law or text, you change the wording of it in order to correct it or improve it. Признаки: **изменение, определенный тип объекта – что-либо письменное, целенаправленность, улучшение/корректировка.**

REFORM – to reform something such as a law, a social system, or an institution means to improve it by making changes. Признаки: **изменение, улучшение, определенный тип объекта – закон, социальная система, институт.**

Как показывает анализ дефиниций, **гиперсемой** выступает сема **change, интегральными признаками** (объединяющими значения в данном субфрейме и отличающими данный субфрейм от остальных) – целеполагание, улучшение/приспособление. При передаче направленного изменения глаголы данной подгруппы всегда передают произвольное изменение. *Adapt* и *adjust* наряду с направленным изменением передавать и автономное. Произвольность и непроизвольность у последнего глагола выявляется в контексте. **Дифференциальными признаками** в изучаемом субфрейме являются:

- Определенный тип объекта (голос - modulate, социальная система, план/закон - modify, письменный источник – revise, rectify, amend);
- Изменение внутреннее (сознания), изменение внешнее (поведения), ориентированность на успех (adapt);
- Привыкание, длительность (adjust);
- Незначительная степень изменения (modify);
- Воздействие на слушателя (modulate);
- Исправление повреждения (rectify);
- Глобальность, масштабность (reform).

Как и в случае с прототипическими глаголами, анализ дефиниций демонстрирует тесную близость некоторых значений – не всегда понятна разница между синонимами – следовательно, необходимо обращение к словарю синонимов и речевым употреблением глаголов. Например, значения глаголов *adapt* и *adjust* очень близки, но согласно словарю синонимов, *adjust* предполагает меньшую гибкость и такт агенса и большую изобретательность или расчет:

He knew how to adapt himself. To one correspondent he is gay... to another he is gravely reflective [2].

He must delicately mould and adjust the popular will to his own [2].

Общие для данных глаголов признаки – автономность и направленность могут рассматриваться как ментальные схемы – структуры знания, помогающие выстраивать и понимать высказывание на основе имеющихся знаний о стереотипной ситуации. Ж. Фоконье такие схемы называет ментальными пространствам, понимая под ними упорядоченные множества с элементами и отношениями между ними [3].

Для изучаемого субфрейма *обязательными компонентами* являются субъект (как правило, антропоним) и объект (имеет разные способы выражения). Последний может быть одушевленным, неодушевленным, эксплицитным и имплицитным. Все глаголы, кроме *adapt, adjust*, имеют, как правило, один объект. На поверхностном синтаксическом уровне он представлен прямым дополнением. Два указанных глагола могут иметь два объекта, и иногда имеют синкретичный субъект и объект (He – himself).

Факультативные компоненты представлены крайне редко, ими могут быть степень, образ действия, оценка, время, скорость, место, цель, условия, способ, частотность изменения.

Для изучаемых глаголов нехарактерно изменение лексического значения в зависимости от комбинаторики, как это бывает с другими глаголами [1].

Литература

1. Храмова Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты). Дис. ... к.ф.н. - СПб, 2003. – 188с.

References

1. Khramova N. A. Glagoli odobrenia i soglasia v angliiskom yazike (semanticheskii, sintagmaticheskii, morfologicheskii aspekti). Dis. ... k.f.n. SPb, 2003. 188p.

2. Webster's New World Dictionary of Synonyms. Springfield, Massachusetts: G. and C. Merriam company, publishers, 1978. 909p.

3. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190p.

УДК 81

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «МОДА» В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ)

Чурсина О.В.

olga2209@bk.ru

Астраханский государственный университет

В данной статье рассматриваются ассоциативные характеристики концепта «мода» на примере русской и американской лингвокультур. Ассоциативный эксперимент, являясь одним из способов доступа к сознанию человека, помогает реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речевых произведений. По данным анкетирования, в котором приняли участие 130 человек, выделяются группы ассоциатов, помогающих раскрыть языковое наполнение концепта «мода» в указанных лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, ассоциативный эксперимент, лингвокультура, ассоциат.

ASSOCIATION EXPERIMENT AS A WAY TO EXPLICATE CONCEPTS (ON THE EXAMPLE OF CONCEPT “FASHION” IN RUSSIAN AND AMERICAN LINGUACULTURES)

Chursina O.V.

olga2209@bk.ru

Astrakhan state university

The article studies associative characteristics of the concept “fashion” on the example of Russian and American linguacultures. Association experiment, serving as one of the ways to get access to people’s consciousness, helps to reconstruct various connections of linguistic units and define the way they interrelate in the process of understanding, storage and generating language occurrences. On the basis of data received from 130 respondents, the author defines associative groups that help to disclose language implementation of the concept “fashion” in the abovementioned linguacultures.

Key words: concept, association experiment, linguaculture, associate.

Одним из наиболее распространенных приемов изучения психологически реального значения слова является ассоциативный эксперимент, поскольку, по мнению Е.Ф.Тарасова, «он выступает как один из способов «овнешнения языкового сознания» [2]; ассоциации, получаемые в ходе эксперимента, помогают составить образы, существующие в сознании носителей языка. Ассоциативный эксперимент является одним из способов доступа к сознанию человека. Исследование языкового сознания с помощью данного вида эксперимента дает возможность выявить системность содержания образа сознания и системность сознания носителя языка. Ассоциативный эксперимент позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речевых произведений [3]. В ассоциациях, по Ю.Н.Караулову, находит отражение сформировавшийся образ мира участника эксперимента. В свою очередь, содержательное наполнение языковой способности (словарный запас, иерархическая структура ценностей, прагматические установки) и ее формально-комбинаторные возможности у большинства людей остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни [1].

При проведении данного эксперимента, с целью выявления содержания концепта «мода» в русском и американском языковом сознании, испытуемым предлагалось записать пять первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, идиом) на слово-стимул. При обработке результатов учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

В ходе эксперимента было получено 650 реакций со стороны русских испытуемых и 550 реакций - со стороны американских респондентов. Обобщение материала, полученного от разных испытуемых, позволило выявить ассоциативную группировку, то есть множество ассоциатов, данных испытуемыми на слово - раздражитель. Это множество отражает некоторые ассоциативные связи слов в лексиконе и, шире, признаки концепта «мода», свойственные русской и американской лингвокультурам.

Полученные данные были классифицированы по следующим семантическим группам (в скобках указано процентное соотношение данных респондентами реакций к общему количеству реакций в соответствующих лингвокультурах):

- Ассоциат по участникам модных показов (5,23%/6,55%):

(Рус.): модель (30), дизайнер (1), стилист (1), модельеры (1), супермодель (1)

(Англ.): model(s) (23), designer (12), celebrities (10), girls (1)

- Ассоциат по местам проведения модных показов (10%/9,27%):

(Рус.): подиум (33), показ (дефиле) (30)

- (Англ.): runway (23), catwalk (12), project runway (2), show (2)
- Ассоциат по демонстрации и продаже модных новинок (8,46%/2,18%):**
 (Рус.): журнал (28), бутик (18), дом мод (8), журнал мод (1)
 (Англ.): advertisements (7), shopping (2), mall (1), mannequin (1), modeling (1)
- Ассоциат по половой ориентации (- /0,73%):**
 (Рус.): -
 (Англ.): gay people (1), gay (1), homosexual (1)
- Ассоциат по составляющим (объектам) модных показов (4,92%/11,27%):**
 (Рус.): одежда (24), коллекция модной одежды (4), вещи (модные вещи) (1), оригинальные коллекции (1), эксклюзивная вещь (1)
 (Англ.): clothes (25), dress (es) (12), hair (10), clothing (7), purses (2), coat (1), hairdos (1), hat (1), stylish clothes (1), shirt (1), short dresses (1)
- Ассоциат по последователям моды (- /1,27%):**
 (Рус.): -
 (Англ.): class (1), classiness (1), fashionista (1), follower (1), jet set (1), people (1), youth (1)
- Регионально – географический ассоциат (0,3%/5,82%):**
 (Рус.): неделя моды в Милане (1), неделя Высокой моды (в Париже) (1)
 (Англ.): Paris (15), New York (13), Milan (2), San Francisco (1), 5th Avenue (1)
- Метафорический ассоциат (0,3%/ -):**
 (Рус.): «потусторонний мир» (1), битва за красоту (1)
 (Англ.): -
- Личностно-ориентированный ассоциат (0,92%/0,73%):**
 (Рус.): Версаче Д. (1), Кавалли Р. (1), Ферре Ж.Ф. (1), Шанель К. (1), Шиффер К. (1), Юдашкин (1)
 (Англ.): Bryant Park (1), Gucci (1), Klum Heidi (1), Michelle (1)
- Синонимичные ассоциаты (12,15%/13,3%):**
 (Рус.): стиль (40), гламур (36), вкус (1), популярный стиль (1), фасон (1)
 (Англ.): style (25), glamour (20), vogue (12), trend (10), fad (5), mode (1)
- Ассоциат по дополнительным признакам, характеризующим моду (3,07%/3,09%):**
 (Рус.): что-то новое и красивое (15), модные новинки (1), модные штучки (1), образ мышления (1), манеры поведения (1), существует не только в одежде (1)
 (Англ.): stylish (13), certain way (1), labels (Dior, D&G) (1), attitude (1), mainstream (1)
- Ассоциат, связанный с эффектом подражания в моде (0,15%/0,36%):**
 (Рус.): подражание (1)
 (Англ.): patients (1), pattern (1)
- Ассоциат по негативному отношению к моде (1,54%/2,18%):**
 (Рус.): модно – не значит красиво (3), дискомфорт (1), излишество (1), капризность (1), поветрие (1), провокационная (1), риск (1), странная (1)
 (Англ.): pointless (2), foolish (1), irrelevant (1), ridiculous (1), silly (1), tacky (1), unnecessary (1), victim (1), waste (1), weak (1), weird (1)
- Ассоциат, связанный с кратковременностью, непостоянством моды (0,92%/2%):**
 (Рус.): изменчивость (3), вечно меняется (1), временная (1), сезонная тенденция (1)
 (Англ.): time (10), versatile (1)
- Ассоциат, связанный с неестественностью, неискренностью моды (0,3%/1,64%):**

(Рус.): пафос (1), поверхностность (1)

(Англ.): fake (5), flash (1), ostentatious (1), overvalued (1), superficial (1)

- Ассоциат по положительно-оцениваемому отношению к моде (6,62%/6,55%):

(Рус.): красота (30), элегантность (3), гармония (1), гламурно (1), красивая (1), красиво (1), независимая (1), нравится (1), практичность (1), приятная (1), стильно (1), сексуально (1)

(Англ.): sexy (13), beauty (12), beautiful (2), professional (2), charismatic (1), classy (1), confirmative (1), cute (1), expressive (1), matching (1), practical (1)

- Ассоциат, связанный с фееричностью моды (9,07%/3,64%):

(Рус.): блеск (20), роскошь (18), шик (18), одеваться с шиком (1), удивляющее (1), шикарная (1)

(Англ.): chic (8), glamorous (5), attire (1), brands (1), fame (1), luxe (1), sophisticated (1), sophistication (1), unusual (1)

- Ассоциат по степени комфорта (4,62%/0,36%):

(Рус.): удобно (13), удобство (13), комфорт (3), качество (1)

(Англ.): comfort (1), floppy (1)

- Ассоциаты по зрительно-воспринимаемому отношению к моде (2,46%/6,55%):

(Рус.): тенденция (крой, цвет, аксессуары и т.д.) (3), внешний вид (1), каблук (1), красивая и модная девушка (парень) (1), лицо (1), макияж (1), экстравагантно (1), эпатаж (1), цвет (1), оригинальный вид человека (1), ухоженность (1), яркие краски (1), яркие цвета (1)

(Англ.): accessories (8), beautiful people (8), heels (4), thin (2), bright colors (1), clean (1), color match (1), high boots (1), interesting colors (1), looks (1), make-up (1), pretty make-up (1), skinny (1), strut (1), ugly skinning women (1), weird combination of clothes (1), well-dressed (1), yellow (1)

- Ассоциат по модальности (2,77%/0,36%):

(Рус.): за ней невозможно угнаться (13), не успеваю (1), необходимость подчиняться требованиям моды (1), модничать – покупать модные вещи, часто менять их (1), попытка модельеров навязать свои вкусы (1), хочется (1)

(Англ.): forced (2)

- Ассоциат, связанный с повторяемостью в моде (4,62%/0,9%):

(Рус.): повтор (22), мода – хорошо забытое старое (3), мода 60-х (1), мода возвращается (1), мода возвращается спустя года (1), повторение прошлого (1), повторяется (1)

(Англ.): repetitive (2), changes (1), cyclical (1), vintage (1)

- Ассоциат, связанный с современностью моды (6,15%/4,9%):

(Рус.): современность (32), авангардное (1), актуальность (1), актуальные тенденции (1), веяния моды (1), новаторство (1), новейшие тенденции (1), новое (1), новшество (1)

(Англ.): trendy (15), evolutionary (4), popular (4), high end (1), modern (1), popularity (1), up-to-date knowledge of what's new (1)

- Ассоциат по степени затрат (3,38%/9,45%):

(Рус.): дорого (18), богатство (1), деньги (1), затраты (1), дорогая (1)

(Англ.): expensive (20), money (15), costly (7), expensive clothes (7), rich (2), pricey (1)

- Ассоциат, связанный с индивидуальностью/самоидентификацией (3,38%/1,27%):

(Рус.): индивидуальность (20), имидж (1), неординарность (1)

(Англ.): taste (2), expressing yourself (1), expression (1), lifestyle (1), smth don't have (1), to each is own (1)

- Ассоциат по культурному началу в моде (0,46%/1,27%):

(Рус.): артистизм (1), искусство (1), творчество (1)

(Англ.): art (5), artistic (1), design (1)

- Ассоциат по названиям модных коллекций (1,69%/0,9%):

(Рус.): прет-а-порте (7), от кутюр (haute couture) (4)

(Англ.): haute couture (5)

- Ассоциат, связанный с общественным началом в моде (- /0,73%):

(Рус.): -

(Англ.): creation of society (2), social norm (1)

- Ассоциат по клишированным фразам, фразеологизмам (3,84%/0,73%):

(Рус.): последняя мода (10), писк моды (9), в моде (1), в мире моды (1), гоняться за модой (1), одет по моде (1), со вкусом (1), эта вещь вышла из моды (1)

(Англ.): high fashion (1), in-fashion (1), out-of-fashion (1)

- Ассоциат по поговоркам и пословицам (0,3%/ -):

(Рус.): черт дал моду, сам в воду (1), черт выдумал моду, сам в воду, а люди мучаются (1)

(Англ.): -

- Литературный ассоциат (0,3%/ -):

(Рус.): «Дьявол носит Prada» (1)

(Англ.): -

- Ассоциат по названиям модных журналов (0,3%/0,36%):

(Рус.): Cosmopolitan (1), Glamour (1)

(Англ.): Vogue magazine (2)

- Ассоциат по чужеродным культурам (0,3%/ -):

(Рус.): зарубежная (голливудская) (1), фэшн (1)

(Англ.): -

- Телевизионный ассоциат (0,77%/ -):

(Рус.): программа «Полный фэшн» (5)

(Англ.): -

- Фигуральный ассоциат (-/0,18%):

(Рус.): -

(Англ.): pointy (1)

- Ассоциат, указывающий на многослойность моды и ее зависимость от времени (0,62%/ -):

(Рус.): мода – как элемент субкультуры (1), молодежная (1), молодость (1), подростковая мода (1)

(Англ.): -

- Индивидуальный ассоциат (0,92%/1,09%):

(Рус.): духи (1), звезда (1), камеры (1), клубы (1), экологичность (1)

(Англ.): health (1), long list of terrible films (1), making a statement (1), plaid (1), tailored (1)

Таким образом, мы видим, что для носителей обеих лингвокультур мода ассоциируется с участниками, организаторами и креативными создателями модных новинок. В число многочисленных реакций в рассматриваемых лингвокультурах также входят понятия, синонимичные моде; в этом случае понятие «мода» расширяется за счет дополнительных лексем, входящих в поле основной лексической единицы. Русские респонденты положительно оценивают моду, отмечают ее современный

характер, указывают на апелляцию моды к прошлому, ассоциируют ее с клишированными фразами, говорят о моде как о затратном феномене. Американские респонденты также положительно оценивают моду, проводят параллели с современным течением моды, говорят об ее актуальности; в сознании американцев мода ассоциируется с такими городами-законодателями мод как Милан, Париж, Нью-Йорк. Следует отметить, что в обеих лингвокультурах респонденты говорят и о негативном влиянии моды, ее непостоянстве и неестественности. Для русской лингвокультуры отличительными группами ассоциатов, не нашедшими отражения в американской лингвокультуре, являются телевизионный, литературный ассоциат, ассоциат по чужеродным культурам, по общественному началу в моде и ассоциат, указывающий на многослойность моды, ее зависимость от определенного времени и модного направления в данный момент. Для американской лингвокультуры уникальными являются группы фигурального ассоциата и ассоциатов по последователям моды.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковых способностей // Русский ассоциативный словарь. – Книга 1. – М., 1994. – С. 190-218.
2. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры: сб. науч. тр. -М.: Наука, 2000.-311 с.
3. Фридман, Ж.И. О некоторых дифференциальных характеристиках психологически реального значения слова // Язык и национальное сознание. Вып.7. / Научный ред. И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – С. 20-26.

References

1. Karaulov, Yu.N. Russkiy assotsiativnyi slovar kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovyih sposobnostey. Russkiy assotsiativnyi slovar. Kniga 1. M., 1994. Pp. 190-218.
2. Tarasov E.F. Yazyk kak sredstvo translyatsii kulturyi: sb. nauch. tr. M.: Nauka, 2000.311 p.
3. Fridman, Zh.I. O nekotoryih differentsialnyih harakteristikah psihologicheski realnogo znacheniya slova. Yazyk i natsionalnoe soznanie. Vyip.7. Nauchnyiy red. I.A. Sternin. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2007. Pp. 20-26.

УДК 81* 37+811.512.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Шайхисламова З.Ф.

Башкирский государственный университет

В данной статье исследуются методологические аспекты этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья в когнитивном аспекте. Особое внимание уделяется раскрытию проблемы топонимической системы с позиции человеческого сознания, с прагматическими установками в этноонтологическом осмыслении. Утверждается, что лексика данного порядка обладает большим информационным потенциалом; что географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы)

образов в процессе человеческой деятельности, деятельности определенного этноса. Такой научный подход позволяет тесно соприкоснуться с когнитивными проблемами.

Ключевые слова: топонимическая система, этноонтологическое осмысление, этнолингвистическое изучение, национальное мировидение, когнитивный аспект.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ETHNO-LINGUISTIC STUDY OF BASHKIR TOPONYMYCAL SYSTEM OF URAL-VOLGA IN ETHNO-ONTOLOGICAL COMPREHENSION

Shayhislamova Z.F.

Bashkir State University

This article examines the methodological aspects of the ethno-linguistic study of the Ural-Volga toponymic system in the cognitive aspect. Particular attention is paid to the disclosure of the problems of toponymic systems from the perspective of human consciousness, a pragmatic attitudes in ethno-ontological understanding. It is argued that the lexicon of this order has a large information potential; that geographical space is increasingly recognized as a system (s) of images in the process of human activity, the activities of a particular ethnic group. This scientific approach allows close contact with cognitive problems.

Key words: toponymic system ethno-ontological comprehension, ethno-linguistic study, a national vision of the world, cognitive aspect.

Подходы к изучению корреляции язык-культура осваиваются различными лингвистическими дисциплинами, при этом несомненно, что значимая роль среди них должна принадлежать этнолингвистике. Разыскания такого типа являются комплексными. Научный взгляд на топонимическую систему, представляющий собой важную часть в понимании языка как знаковой системы, позволяет ей тесно соприкоснуться с проблемами национального мировидения, миропонимания, т.е. когнитивными задачами. В перечне базовых проблем современной лингвистической науки вопросы изучения взаимосвязи языка и национальной культуры претендуют на ведущее место. Топонимический материал дает ценные сведения для диалектологических, этнолингвистических исследований.

Этнолингвистический подход изучения топонимической системы прослеживается в работах таких известных исследователей как Е.Л. Березович, И.А. Воробьевой, А.С. Герда, А.Ф. Журавлева, Н.И. Толстого, Н.К. Фролова и др. Согласно определению и другим учёных, этнолингвистика – «дисциплина, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» [11, с. 488]. Таким образом, задается, на наш взгляд, основная координата этнолингвистических исследований: язык и традиционная духовная культура народа. Такая формулировка позволяет найти для этнолингвистики нишу в комплексе гуманитарных дисциплин; обращение к традиционной духовной культуре, как нам представляется, обеспечивает наиболее удачный выбор маркированной этнической спецификой области исследования. Комментируя невыводимость этнолингвистики из суммы этнографии и лингвистики, А.Т. Кайдаров справедливо указывает, что «под одним шаныраком каждая из них кроит свою шубу, поет свою песню» [Цит. по: 5, с.17 -18].

Наше же исследование базируется на изучении мировоззренческого, этноонтологического, этноментального осмысления окружающей объективной действительности тюркских консолидаций, каковыми являются огузские и кыпчакские этносы Урало – Поволжья [в евразийском контексте]. В своих научных изысканиях мы

опираемся на позиции тех ученых, которые утверждают, что “по существу, здесь речь идет о так называемой “языковой личности”, “вместилище этнического духа”, о языке в формате пространственно- временного континуума определенного этноса – его геокультурного бытования [4, с.55]. Здесь, при этом, выделяется три вида национально – специфической лексики, которые учитываются в процессе создания языковой картины мира, и которые сводятся к а) обозначению специфических реалий; б) обозначению универсальных концептов, имеющих специфические прототипы; в) обозначению специфических абстрактных концептов. Заметим, что национально – специфические концепты возникают благодаря непосредственным ощущениям на основе базовых единиц ментально – лингвистического комплекса “человека – информем”, которые, превращаясь в концепты, меняют свой статус с индивидуального на коллективный [7, с. 143-144, 147].

При этом, отметим термин этнолингвистика в том понимании, которое закрепилось в работах школы Н.И. Толстого, практически отсутствует в трудах по ономастике. В ономастических исследованиях, данный термин как отмечают и другие исследователи, употребляется в двух смыслах. Этнолингвистическим анализом нередко считается атрибуция топонимов, как фактов языка определенного этноса, при этом цель исследования состоит в этнолингвистической стратификации топонимов – т.е. в выделении в топонимическом континууме той или иной территории этнически различной топонимии (ср.: например, [Арсланов 1992; Афанасьев 1989; Гарипова 1978; Саттаров 1982; Фролов 1984, 1993; Черепанова 1991] и мн. др.). При таком понимании этнолингвистический аспект, по существу, сводится к этногенетическому (хотя, естественно, и такая трактовка сути этнолингвистического анализа вполне закономерна). В топонимической литературе встречается также и иное употребление термина этнолингвистическое исследование, когда под последним понимается выявление и интерпретация этнотопонимов – т.е., образованных от этнонимов [2, с.17]. Заметим этноспецифический образ мира и языковую картину мира, как это явствует из исследуемого нами материала, связывает вместе опора на когнитивные представления народа, другими словами - на знание по возможности всей массы реалий жизни народа в контексте культурно – информационной среды. Оригинальный характер когнитивной базы этноса составляют не только словарный состав языка, но и юмор, игра слов, намеки, каламбуры, шутки, за которыми стоит вера в силу и мудрость родного языка, его способность доносить до сознания «высокий смысл вечных истин», но также обучать, развлекать и радовать [4, с. 55]. Следовательно, существует некое понимание предмета этнолингвистики, согласно которому, она призвана изучать, как определяют исследователи, что наша цель – явить взаимную дополнтельность, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли [3, с. 5]. Другие же авторы устанавливают, что компетенцию этнолингвистики определяют также «явления и процессы в области языка, в определенной степени связанные с проявлением самосознания какого – либо этноса или со взаимоотношением этносов между собой» [1]; «этнос в зеркале языка» [5]. В плане обобщения этнолингвистической характеристики авторы подчеркивают, что «языковые картины мира как производные национальных менталитетов», «поговорки и пословицы народа – это прочеканенные, пройденные резцом времени и отлитые в изящные формулы вершины человеческой мудрости» [7; 8], «...как культура, геокультура и цивилизация, концепции хронокультуры, геокультурных пространств и

геокультурных полей, (гео) культурных кодов и их ансамблей, тезаурус ключевых слов и концептуальных универсалий в контексте основных параметров образа жизни» [4]; «онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии» [9], «основы познавательных процессов этнокультурных наименований в казахском языке» [10] и др.

При скудности (а подчас и отсутствии) исторических данных о прошлом тюркских народов лексика может дать сведения о древних местах обитания и хозяйственных особенностях в этнографическом плане тюркоязычных народов в дописьменную эпоху (например, о растительном мире, животноводстве, о видах металлов, терминах родства, лексике пространства, времени), что обычно способствует уточнению этнической истории тюркоязычных народов, их этноментальности и этноонтологии.

Мы в своей работе, как было выше отмечено, базируемся на когнитологическом осмыслении окружавшего в древности объективного и духовного мира в рамках идеографических групп: I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори), где IV когнитивная сфера по естеству и по логике должна быть целеполагающей, так как она прямо связана с началом познания человеком окружающей объективной действительности. Заметим наиболее верным и испытанным методом исследования истории лексики конкретного языка представляется изучение лексики в рамках вышеуказанных когнитивных сфер, что внесет определенную четкость и ясность на анализируемые этнолингвокультурологические контакты между этносами, в частности, (тюркскими и другими народами алтайской семьи языков) Урало–Поволжья в евразийском контексте – в синхроническом и диахроническом аспекте с древнейших времен и до наших дней, а также при этнолингвистическом изучении башкирской топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении. Обращение к топонимии как материалу для этнолингвистического исследования представляется вполне закономерным, что подтверждается и на большом фактологическом ресурсе в сфере ономастикона, и др. В топонимиконе – и в ономастиконе вообще – кодируются, как говорилось выше, наиболее социально значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации.

Таким образом, при изучении с этнолингвистической точки зрения топонимии Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении, языковые данные должны рассматриваться в непосредственной связи с историей народа – его носителя, что позволит обосновать много интересных и чрезвычайно ценных выводов и предложений не только лингвистического, но и этноисторического характера, в целом, не вызывает сомнения. Подобный труд должен носить комплексный историко-филологический характер.

Литература

1. Арутюнов С.А. Этнолингвистика// Этнолингвистический вестник. 1995. № 5 - с. 145.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. - Москва: Либроком, 2009. – 320 с.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995.- 480 с.

4. Зеленеv Е.И. Постижение Образа мира: Монография / Е. И. Зеленеv. – СПб: КАРО, 2012. – 336 с.
5. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алма-Аты, 1995. - 178 с.
6. Корнилов О.А. Контексты международной коммуникации: учебное пособие / О.А. Корнилов. – М.: ИД «КДУ», 2015. – 184 с.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие] / О.А. Корнилов. – 4-е изд. испр. – М.: КДУ, 2014. – 348 с.
8. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии / О.А. Корнилов. – 2 –е изд. испр. и доп. – М.: КДУ, 2010. – 345 с.
9. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.- 312 с.
10. Манкеева Ж.А. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың танымдық негіздері. - Алматы; “Жібек жолы” баспа үйі, 2008. –356 бет.
11. Толстой Н.И., Толстая С.М. Этнолингвистика в современной славистике // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т.2. - 488 с.

References

1. Arutjunov S.A. Jetnolingvistika. Jetnolingvisticheskiy vestnik. 1995. № 5. 145 p.
2. Berezovich E.L. Russkaja toponimija v jetnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek. Moscow: Librokom, 2009. 320 p.
3. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. M.: Progress, 1995.- 480 p
4. Zelenev E.I. Postizhenie Obraza mira: Monografija. E. I. Zelenev. SPb: KARO, 2012. 336 p.
5. Kopylenko M.M. Osnovy jetnolingvistiki. Alma-Aty, 1995. 178 p.
6. Kornilov O.A. Konteksty mezhdunarodnoj kommunikacii: uchebnoe posobie. M.: ID «KDU», 2015. 184 p.
7. Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov: [uchebnoe posobie]. 4-e izd. ispr. M.: KDU, 2014. 348 p.
8. Kornilov O.A. Zhemchuzhiny kitajskoj frazeologii / O.A. Kornilov. 2 –е изд. испр. i dop. M.: KDU, 2010. 345 p.
9. Kuchukova Z.A. Ontologicheskij metakod kak jadro jetnopojetiki: (Karachaevo-balkarskaja mental'nost' v zerkale poeziii). – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2005. 312 p.
10. Mankeeva Zh.A. Қазақ тіліндегі jetnomәдени атаулардың танымдық негіздері. Алматы; “Zhibek zholy” baspa үji, 2008. 356 бет.
11. Tolstoj N.I., Tolstaja S.M. Jetnolingvistika v sovremennoj slavistike. Lingvistika na ishode NN veka: Itogi i perspektivy: Tez. Mezhdunar. konf. M., 1995. T.2. 488 p.

УДК 101/715/(410.1)

АСПЕКТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ДУХОВНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА IX-XIII ВЕКОВ И РЕНЕССАНСНЫЙ ЗАПАД

Шадманов К.Б.

Бухарский государственный медицинский институт

Статья посвящена проблеме перцепции средневековой и ренессансной Европой ценностей Центрально-Азиатского философского наследия IX-XIII веков. Обосновывается и утверждается, что сочинения арабо-язычных философов средних веков стали одним из главных источников, по которым непосредственно или опосредовано изучали эту науку все выдающиеся философы Европы эпохи Возрождения, включая английских. Изучение трактатов арабских философов европейцами было обязательным этапом освоения ими основ философских знаний; оно не только открыло Европе мир античной философии, но сделало ее достоянием научную мысль и произведения многих ученых - философов Маверауннахра - Мухаммада Мусы Хорезми, Абу Насра Фараби, Ахмада Фергани, Абу Райхана Беруни, Абу Али ибн Сины.

Ключевые слова: философия, духовность, мусульманский, Ренессанс, преемственность, взаимообусловленность, Центрально-Азиатский.

ASPECTS OF SUCCESSION AND INTERDEPENDENCE OF MUSLIM EAST SPIRITUALITY AND THE RENAISSANCE WEST

Shadmanov K.B.

Bukhara State Medical Institute

The paper is dedicated to issues dealt with perception by medieval and Renaissance Europe of IX-XIII centuries Central Asian philosophic heritage values. The author tries to ground and state that works of medieval Central Asian Arab language philosophers and enlighteners turned into one of the main sources of searching deep into philosophy as a science by almost all the outstanding representatives of the Renaissance Europe including that of the English ones. Such a study was as their indispensable stage of assimilating of philosophy knowledge, and it opened Europe the world of antiquity philosophy and, alongside with this, it also made the scientific-spiritual ideas of Maveraunnakhr enlighteners like Muhammad Musa Khwarizmi, Abu Nasr Farabi, Akhmad Ferghani, Abu Raikhan Beruni, Abu Ali inb Sina possible to become the common European heritage.

Keywords: philosophy, spirituality, Muslim, Renaissance, succession, interdependence, Central Asian.

Мир на любой стадии следует рассматривать не разрозненно, а в его единстве и целостности, в связях и общих моментах, во всеобщем движении, с присущими ему противоречиями и противоположающимися силами. В связях и общениях между частями и ступенями развития мира проблема преемственности во времени и пространстве имеет первостепенное значение. Под этим углом зрения мы видим линию преемственности мусульманского Возрождения, идущего от Востока к Ренессансу Запада, и, в частности, английского Возрождения.

Естественно, преемственность в развитии философии Востока и Запада выражалась по-разному на различных этапах. В IX-XIII веках на Востоке, главным образом в Центральной Азии, передовые мусульманские мыслители, возрождая эллинскую и эллинистическую философию, дали ей свою интерпретацию и в таком виде познакомили с ней представителей западного мира. Так осуществлялась преемственная связь между философией античности и философией Средневекового Востока, с одной стороны, и между философской мыслью арабо-язычного культурного мира и философией Запада - с другой. Именно арабо-язычная философия в свое время (IX-XIII вв.) оказала огромное влияние на философию Западной Европы, способствуя тем самым синтезу этих культур. Говоря об этой философии, мы имеем в виду результат усилий многих народов Центрально-азиатского региона, тюрков, персов, арабов, сирийцев, евреев, таджиков, каждый из которых создал свою культуру и на фундаменте относительной общности их исторических судеб, социально-экономических, духовно-политических путей развития дал мощный импульс

философским, естественнонаучным, общественно-политическим концепциям, между которыми оказалось много общего.

Начиная с III века, происходило объединение арабских племен, вслед за которым последовала невероятно быстрая их экспансия на север Африки, на обширные территории Ирана, Средней Азии и Закавказья. На Западе арабские владения простирались по африканскому побережью Средиземного моря вплоть до Пиренейского полуострова, завоевание большей части которого было завершено в середине второго десятилетия VIII века. Последствием этого, естественно, должно было быть самое интенсивное общение народов, взаимодействие их культур, установление преемственных связей между ними в различных сферах творческой деятельности. Господство арабов в Испании, длившееся почти восемь веков, обусловило расцвет арабо-язычной мусульманской культуры на Западе, развитие «арабо-испанской» философии, появление таких крупных мыслителей, как Ибн Баджа (ум. в 1138 г.), давший материалистическую интерпретацию философии Аристотеля, Ибн Туфейль (1110-1185), который, находясь под сильным влиянием неоплатонизма, создал философский трактат «Роман о Хайе, сыне Якзана», и Ибн Рушд (1126-1198), как бы подытоживший всю арабоязычную философскую культуру, и создавший учение, ставшее важной вехой в истории всеобщей философии. Синтез культуры народов, вошедших в территорию Халифата, особенно Маверауннахра и Ирана, и дальнейшее развитие ее в Испании стали вехой для народов Европы, особенно для государств, приграничных с Испанией. Следовательно, они явились толчком к становлению и развитию культур народов Запада.

Культура мусульманского Востока оказывала свое воздействие на культуру Запада различными путями. Халифат общался с народами Запада и на военно-политической, и на торгово-экономической, и на культурно-идеологической почве. И. Н. Голенишев-Кутузов пишет: "В Багдаде, при дворе Аббасидов, в Кордове Омайядов и Альмавидов в VII-XII веках процветали замечательные школы ученых, связанные с математиками и мыслителями мусульманской Средней Азии. Таким образом, от Самарканда до Толедо ... тянулась одна линия культурного развития. Европа до самого XII века была лишь периферийной областью греко-арабской науки..."[1, с.60]. Это подтверждают и работы Уотта У. Монтгомери и Ф. Дитерици, где содержится богатый материал о влиянии арабоязычной философской мысли в целом на духовную жизнь средневековой Европы[3, с.82; 5, с.34]. Общеизвестно, что интеллектуальное движение, отцом которого был Ибн Рушд (XII век), оказывало влияние на европейскую мысль до момента появления экспериментальной науки. По мнению французского ученого Гюи в Европе XII-XIII веков после знакомства с переводами трудов ученых мусульманского мира появляется потребность сближения вообще с Востоком и его культурой [2, с.513-514].

Испания, ставшая фундаментом и посредницей мусульманской культуры Востока в целом и философии Центрально-азиатского региона Халифата, в частности, явилась аванпостом всей арабо-язычной культуры, передавшей в страны Западной Европы достижения культуры, науки, архитектуры всех регионов Халифата. На этой почве возросла слава таких больших и процветающих городов арабской Испании как Кордова, Толедо, Севилья, Волюблис, Валенсия, Мурсия, Гранада, а также целого ряда талантливых просветителей, как поэт Ибн Зайдун (1003-1071), поэт-философ Ибн Хазм (994- 1064), Ибн Туфейль (1110-1185), ученый-философ Ибн Рушд (1126-1198), суфий-философ ибн ал-Араби, философ Рабби Моше бен Маймун (Маймонид, 1135-1204), историки - путешественники Ибн Джубайр (1145-1228) и Ибн Баттута (1304-1377) и др.

Культура восточной части арабо-ирано-язычного мира находит своё естественное продолжение в культуре его западной части[4, с.150-151]. Развитие культуры на Востоке подготовило почву для её расцвета на Западе. Приблизительно с середины XII века философия великих мыслителей мусульманского Востока - восточных перипатетиков - ал-Кинди, Фараби, Ибн Сина, ат-Термизи - становится главным источником философии арабского Запада. В трудах этих мыслителей, в силу вполне определенных исторических обстоятельств, происходит значительное смещение обликов философии в культуре, когда она понимается расширительно и по сути дела отождествляется в сознании с научным знанием. Необходимо при этом ещё раз подчеркнуть особую роль восточных перипатетиков в этом процессе, а, значит, и в развитии всей человеческой цивилизации. Именно это философия и поразила современников своей огромной внутренней духовной силой, позволившей возможно впервые в истории поставить, теоретически сформулировать всю основную гамму проблем всеобщего универсального уровня, касающихся всех пластов, форм и типов бытия и, прежде всего, бытия человека и бытия общества. Именно восточный перипатетизм лег в основу арабского перипатетизма на Западе. Эта философия явилась в истории новым колоссальным по своей силе полюсом духовности, консолидировавшим в себе на протяжении большого исторического промежутка времени (IX-XIII вв.) все проявления прогрессивной рациональности.

Литература

1. Голенищев-Кутузов И.Н. Данте и предвозрождение. Литература эпохи Возрождения. М.,1967.
2. Гюи. Влияние крестовых походов на западную цивилизацию// Ж.Атеней. -1858. –N24. с.513-514.
3. МонтгомериУ.У. Влияние ислама на средневековую Европу. М.,1976.
4. Чалоян В.К. Восток - Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. М.,1979.
5. Dietirici F. Die Philosophie der Araber im.9, 10 Jahrhunderten. 4 Buch, Lodik und Psychologie. Leipzig. 1868.

References

1. Golenischev-Kutuzov I.N. Dante i predvozrojdeniye. Literatura epokhi Vozrojdeniya. M., 1967.
2. Guyi. Vliyaniye krestovih pohodov na zapadnuyu tsivilizatsiyu// Ateney. -1858. – N24. pp.513-514.
3. Montgomeri U.U. Vliyaniye islama na srednevekovuyu Evropu. Moscow, 1976.
4. Chaloyan V.K. 1979.Vostok -Zapad: Preemstvennost v filosofii antichnogo i srednevekovogo obshestva. Moscow, Nauka Publ., 1979.
5. Dietirici F. Die Philosophie der Araber im.9, 10 Jahrhunderten. 4 Buch, Lodik und Psychologie. Leipzig. 186

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ, ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных трудов по филологии № 9

20 февраля 2017 г.

г. Астрахань

Подписано в печать 20.02.2017 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 5,75
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
(ИП Сорокин Роман Васильевич)
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5 этаж
Тел./факс (8512) 54-00-11
e-mail: RomanSorokin@list.ru